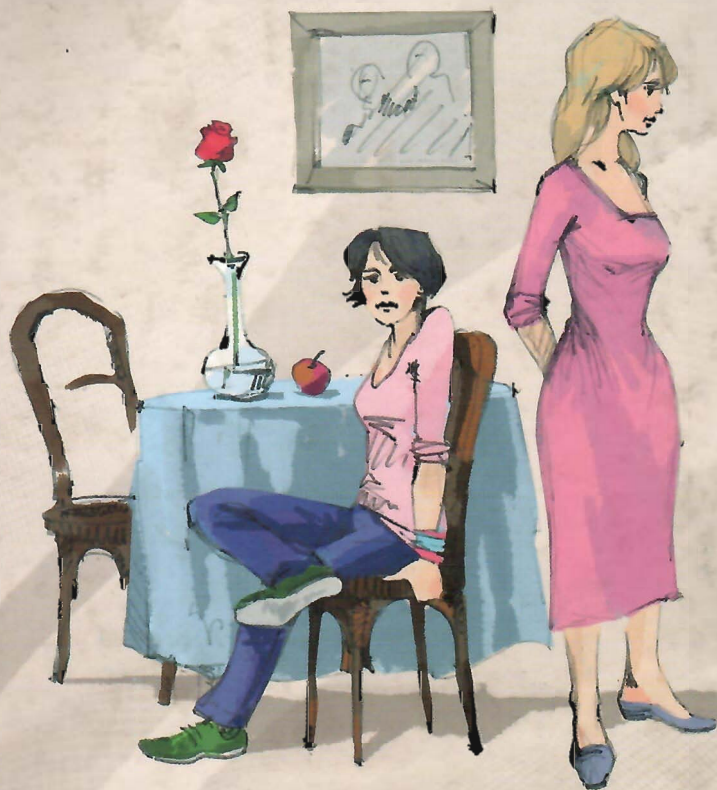

84PC

Л13

*Юлия
Лавряшина*

**Дочки-матери
на выживание**

За чужими
ОКНАМИ

Юлия
Лавряшина

Дочки-матери
на выживание

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

10.1489 (1)

Оформление серии, иллюстрация на переплете
Петра Петрова

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Дочки-матери на выживание : [роман] / Юлия Лавряшина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

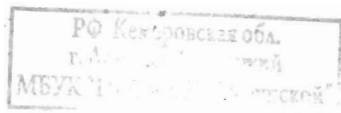
ISBN 978-5-04-089637-0

Когда дверь подвала захлопнулась за спиной Наташи, она еще не могла поверить в реальность происходящего. Ее заперли, возможно, обрекли на смерть. И это сделала ее собственная дочь. Мать и дочь... Две женщины, разделенные стеной непонимания, две женщины, между которыми встала любовь к одному и тому же мужчине. Самое страшное и беспощадное соперничество — это соперничество между родными по крови людьми.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089637-0

© Лавряшина Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Сначала Наташа даже не поняла, почему изменилось освещение и что за звук раздался за спиной. Потом, еще не веря себе, обернулась и нервно засмеялась:

— Детка! Что за игры?

Дверь в подвал была закрыта, и Наташа отчетливо расслышала, как в скважине дважды повернулся ключ. Отказываясь поверить в очевидное, она бросилась наверх, толкнула дверь, потом еще раз и еще, забарабанила ладонями, как обезумевший заяц.

— Открой! Ты что? Не надо так шутить!

— Это не шутки, — донесся приглушенный голос дочери. — Я поняла, что иначе тебя не удержать дома. Не спасти. Не заставить подумать над своей жизнью. Над тем, что на самом деле тебе важнее. Пора уже определиться!

— Это что — домашний арест? — Она изо всех сил старалась не выдать страха, от которого противно задрожало под коленями. — И какой ты даешь мне срок?

Аня язвительно откликнулась:

— Хороший вопрос! Только жаль — риторический.

— Что это значит? — Она старалась дышать ровно и глубоко, чтобы не впасть в истерику.

— Прости! Я забыла, что ты не можешь знать слова «риторический»...

— Я знаю это слово! — все же сорвавшись, закричала Наташа. — Почему на него нет ответа? Ты вообще не собираешься меня выпускать? Ты собралась уморить меня здесь?

У нее все сильнее жгло в груди, а босые ноги, напротив, заledenели. Вчера она сделала педикюр, пока парикмахер колдовал над Аней. «Очень вовремя!» — ей вдруг стало смешно, и Наташа расхохоталась в голос.

— Успокойся, — посоветовала Аня через дверь. — Ты сама согласилась, что можно и не страдать, сидя под замком. Помнишь, ты говорила это о зверях в зоопарке? Я тоже буду тебя кормить. И ты быстро привыкнешь к новой реальности! Не впервой же... Тебе там будет не так уж плохо! Ты спустись, посмотри.

— Серьезно? — выдавила она сквозь смех. — Ты что, думаешь, меня никто не хватится? Не начнут искать?

После недолгой паузы донеслось:

— Об этом я позабочусь. Ты ведь сама вчера сказала, что я могу проявить деловую хватку!

— Я не представляла, в чем ты собираешься ее проявить...

— Что? Я не слышу, говори громче.

— О чем? О чем нам с тобой говорить?

— Ну, что ты! Как раз сейчас мы и сможем наконец поговорить! А ради чего я все это затеяла? Чтобы ты не ускользнула от меня. Чтобы мы, как в Испании, могли принадлежать только друг другу...

Ведь нам же было хорошо там! Ты сама сказала, что тебе было хорошо.

Присев, Наташа произнесла в замочную скважину:

— Детка, мне всегда будет хорошо с тобой. И я принадлежу тебе, где бы ни находилась... Работа — это лишь способ заработать деньги.

— Но ради меня ты не готова отказаться от них!

— От денег? Кто же отказывается от денег? Я слишком долго к ним подбиралась, чтобы вот так взять и...

Аня звонко выкрикнула:

— От меня отказаться гораздо легче! Мы не успели вернуться, а ты уже готова была мчаться к своему золотому Тельцу, и доить его, доить... Ради чего? Дом у тебя уже есть. Машина тоже. Шкафы ломятся. Чего тебе не хватает? Вертолета? Пятой пары обуви? Чего?

Ответы на вопросы

На крыше даже ветер оказался другим — вольным, смелым, но его солнечное дыхание было мягким, и хотелось впитывать это прикосновение всей кожей, каждой клеточкой, вбирать улыбкой, которая уже виделась такой же искрящейся — лицо чуть запрокинуто, как после минут любви, и выражение его столь же блаженно. Может быть, глуповато, но этого не хочется видеть...

Она прошла по нагретому настилу, едва удерживаясь от желания раскинуть руки, балансируя, как на канате. Не цирковая арена, целый город внизу! В эту минуту у нее возникло ощущение, что он при-

надлежит ей, и захотелось засмеяться от радости, поймав дуновение московской высоты, будто это была ее собственная вершина, ею покоренная Джомолунгма, цепляющая облака, а вовсе не крыша скучного офисного здания. Пожалуй, она рискнула бы совершить настоящее восхождение, было бы с кем... Как добраться до неба в одиночку?

— Бог ты мой, как здесь хорошо! Сколько воздуха! Вы дышите, дышите, Ирочка, когда еще доведется!

Светлые Наташины волосы забились коротким крылом, просящимся в полет, ворот белой блузки смело распахнулся, и ей почудилось, что шея помолодела, выгнувшись живым парусом. Если бы чьи-то руки могли придержать ее сзади, как в знаменитой сцене из «Титаника», Наташа вся подалась бы навстречу роскошной бездне, что разверзлась у края, захлебнулась бы счастьем, для которого не нужно других причин: вольный ветер в лицо и горячие мужские руки на поясе...

Дочь, ее умная, взрослая дочь, высмеяла бы Наташу, если б узнала, что она не только смотрела, но трижды пересматривала этот фильм. В одиночестве, с пачкой соленых орешков, соленых слез. Подбородок подергивался, когда представляла себя на месте этой красивой, женственной девочки, которую Аня почему-то терпеть не могла. Как и весь фильм... Как и все, что любила мать... Почему? Господи, почему?!

Опомнившись, она повернулась к своей помощнице, стоявшей с блокнотом наперевес:

— Ну, продышались после бумажной пыли?

Девочка работала всего третий день и еще слегка косила от испуга. Наташу даже потянуло поматерински обнять ее узенькие плечики, подбо-

дрить улыбкой, но предыдущую помощницу она таким отношением уже избаловала — та решила, что может себе позволить распоряжаться вместо нее. Повторения не хотелось. И так уже одним порывом ветра смело все остатки субординации, на которой Наталья и так-то не особенно настаивала. Но ведь садятся на шею, садятся все эти новенькие девочки-мальчишки...

С трудом заставила себя заговорить деловым тоном, который зазвучал диссонансом вольному голосу ветра:

— Ирочка, поскольку они хотят провести юбилей своей фирмы прямо на нашей общей с ними крыше...

— А зачем им понадобилась эта крыша? — перебила девочка, боязливо переминаясь на каблучках в трех метрах от края. Ножки тоненькие, как у паучка, кажется, переломятся сейчас. — Чем просто в ресторане плохо?

Наташа выделила ее же слово:

— Просто. Вы сами сказали. А теперь уже никому не интересно отдыхать традиционно, понимаете? Всем хочется необычного, раз уж это праздник! Изумления хочется, сюрприза! А мы должны устроить им этот сюрприз... Как говорится: любой каприз за ваши деньги! — Еще раз пристально оглядев площадку, она принялась рисовать рукой в воздухе: — Здесь мы должны установить светящуюся эмблему их фирмы. Так, чтоб вы знали... Детка, запоминайте и записывайте! Эмблему нужно изготовить из фанеры. У Максима есть все выкладки, он пусть и займется. Только напомните ему! И не один раз... Светящиеся фонтаны — по контуру. Какого цвета? —

Она задумалась только на мгновение. — Давайте-ка голубые. Они же водоочистными сооружениями занимаются, это их цвет. Надеюсь, среди них некому обидеться на скрытый намек!

И фыркнула, не удержавшись. Природная смешливость то и дело прорывалась, но Наталья Малаховская давно решила, что на ее работе это не страшно. Все-таки они должны дарить людям радость...

Ей хотелось бы, чтоб повсюду возникли настоящие, струящиеся фонтаны, которые притягивали Наташу, рожденную под знаком Водолея. И вокруг нее постоянно что-то текло, струилось, журчало, одновременно умиротворяя и создавая иллюзию постоянного движения. Даже если она сидела в офисе, на маленьком столике, стоявшем сбоку, исходила прозрачными водными нитями миниатюрная скала с жемчужной часовой наверху.

А дома, в спальне, обливалась слезами маленькая Русалочка, привезенная подругой из Дании. Ее дешевые подобию и здесь продавались в любом магазине, но эта была особенной. В ней чувствовалась утонченность принцессы подводного царства, по неосторожности влюбившейся в того, кто принадлежал другому миру. Не увлажнитель — наперсница. Ведь это было единственное место на Земле, где и Наташа позволяла своей жизнерадостности иссякнуть. И не гнать мысли о том, что ее сын сейчас тоже принадлежит другому миру...

«Не думать об этом!» — Показалось, что мысль о нем, неловко топоча, убегает игрушечным Конгом — коричневой обезьянкой, которую Наташа когда-то связала ему. Тогда муж смеялся, что у Конга на макушке — красная еврейская кипа. С чего бы?

А что она сама пыталась изобразить, уже и забылось. Десять лет прошло... С тех пор ни разу не бралась за спицы — некогда! Да и тогда только ради Леньки, которому ни в чем не могла отказать.

Она жестко напомнила себе: «Не думать. Вот здесь, прямо посреди крыши, установить бы настоящий фонтан, — только представила, и захотелось захныкать от сожаления. — Поющий, с подсветкой... А, между прочим, надо подумать над этим!»

То, что любые фантазии могут осуществиться, Наташа поняла, когда устроила свой первый офис в арендованной однокомнатной квартирке, откуда только вывезла свою семью в освободившуюся «сталинку» матери. И вдруг с изумлением обнаружила, что к ней стали обращаться. «Сарафанное радио» приводило новых и новых клиентов, хотя фирма тогда была еще подпольной — даже на регистрацию денег не нашлось. Зато воображения было хоть отбавляй, и Наташа уже с утра фонтанировала идеями, которые приводили в восторг не ее одну. И до сих пор этот источник, за обладание которым она не уставала благодарить Бога, не иссяк.

— У вас план крыши наготове? Так, здесь должен стоять стол для фуршета. Музыкантов мы разместим там, где меньше всего ветра, вдруг им нужны будут ноты... Вот в том углу, чтобы панораму города не закрывали, поставим надувные фигуры. Вроде у их шефа все в порядке с чувством юмора, так что сделаем веселого зайца. — Она улыбнулась. — Его фамилия — Зайцев.

— А еще кого? — Ирочка сосредоточенно записывала.

— Еще? — Прищурившись, Наташа попыталась разглядеть будущего Зайца.

К нему в компанию просился Волк, но это можно было расценить как угрозу. Кто же может составить Зайцу пару?

— Зайчиха! — нашлась она. — Сделаем акцент на ценности семейных отношений. Теперь это модно... Только выясните, пожалуйста, женат ли этот Зайцев, а то еще вляпаемся со своими аллегориями... Это нетрудно, соседи как-никак. А теперь главное: ровно в одиннадцать вечера, когда достаточно стемнеет, вон в той многоэтажке напротив, — Наташа показала пальцем, чтобы помощница ничего не перепутала, — должны погаснуть и загореться окна, чтобы высветилась надпись: «С юбилеем!»

— Как это? — Ира воззрилась на нее с ужасом. Ее, конечно, предупреждали, что из Малаховской так и лезут бредовые идеи... Но не настолько же!

Наташа светло улыбнулась:

— Как? Надó будет точно высчитать, какие окна должны гореть, а какие погаснуть, потом пройти по всем квартирам и договориться с жильцами. Некоторым заплатить придется, такие встречаются. Другие согласятся за «спасибо». Вот такая у нас работа, детка! Но это ведь не у станка стоять, правда?

Движением фокусника извлекла из кармана маленькую шоколадку и протянула девушке. Та громко ахнула, будто фея подала ей хрустальные туфельки.

— Выпейте кофейку, когда вернемся. А то на вас лица нет.

Ирочка послушно потопала за ней, осторожно переставляя свои ломкие ножки. «На таких я быстро вылетела бы из бизнеса, — Наташа прикусила губу,

чтоб не обидеть девушку усмешкой. — Меня-то ноги долго кормили... Носилась по Москве, как гончая... Втянулась. До сих пор на месте — аж кое-что жжет!»

Совсем не обязательно было самой лезть на эту крышу, можно было послать кого-то из менеджеров или обойтись чертежом. Но ей скучно было целыми днями сидеть в офисе, и раз уж Наташе больше не по статусу было самой проводить праздники, то погрузиться в веселую кутерьму подготовки она могла себе позволить. Иначе совсем закиснуть можно!

Ей никак не удавалось понять, как до сих пор не взвыла с тоски ее дочь, которая целые дни проводила дома, ничего толком не делая, ни с кем не общаясь... Одинаковые, как четки, недели перебирала, не тяготясь монотонностью, книгами подменяя те ослепительные брызги открытий и впечатлений, которыми фонтанирует юность. И сейчас-то Наташе удавалось в каждом дне находить столько забавного, удивительного, что ее переполняло эмоциями. И, вернувшись домой, она торопилась осыпать Аню этими сокровищами, а дочь откровенно морщилась:

— Мама, от тебя столько шума... Ну что ты руками машешь, как мельница?

— А ты еще не озверела от тишины? — не сдавалась Наташа. — Неужели тебе не хочется пообщаться?

— Хочется. Но разве ты умеешь общаться? По-настоящему, не поверхностно? Не умеешь. Ты только брызжешь восторгами, как гимназистка... Это уже смешно в твоем возрасте.

Наташа терялась:

— Так что же, мне приходиться домой и молчать? Я хотела немного развлечь тебя...

— Развлекай своих клиентов, они за это деньги платят, — отзывалась дочь. — Если б у тебя было немного больше времени, может, я и смогла бы научить тебя общаться. Только наспех этого не сделаешь...

— Научить? Ты меня? — уточняла Наташа.

— Ну конечно. Разве ты знаешь, как люди разговаривают друг с другом?

Наташа слышала не произнесенное: «Как разговаривали мы с отцом...» Дочери не нужно было добавлять этого, кое-что они все-таки понимали друг о друге и без слов.

— Ты ведь ни разу в жизни не поговорила со мной так, чтоб одновременно кому-то по телефону не отвечать...

Иногда Аня высказывалась проще:

— Мама, ты меня утомляешь. Уймись.

И уходила в свою комнату, в которой и без того провела целый день. Как ей не опротивели до сих пор эти стены, как в школьном кабинете увешанные портретами незнакомых Наташе лиц? Почему-то она стеснялась спросить у дочери, кто эти люди, показаться невежественной в еще большей степени, чем представлялось Ане... Однажды, когда сын еще не ушел за отцом следом, Наташа спросила об этом у него, потому что с ним не боялась быть собой. Но Ленька тоже не был принят в эту тайную ложу и только пожал плечами:

— Писатели какие-то... Кто еще может не опротиветь нашей Аньке?

Она соглашалась. Как и во всем другом — с сыном.

...Вернувшись в офис, находившийся в том же здании, она случайно уловила, как Ирочка боязливо спросила у кого-то в кофейном закутке:

— Почему она называет меня «детка»? Это что значит?

— Это не сексуальные домогательства, не надейся, — бодро заверил голос Аркаши, который работал с Малаховской не первый год. — У Наташи кое-какие проблемы с сыном... Материнский инстинкт требует удовлетворения.

— Но у нее же еще и дочь есть! Разве нет?

Наталья тихонько отступила к своему столу, чтобы не подумали, будто шпионит за сотрудниками. Знакомая тоска выползла из углов, окружила так тесно, что трудно стало дышать.

— Маленький мой...

Ее палец слегка коснулся, пунктиром прошелся по контуру веселого Ленькиного лица. Здесь ему было лет пятнадцать... Тогда у Малаховских еще не дошло до развода. За полгода — после Наташа ни разу не позвонила сыну, оглушенная его предательством, но снимок со стола не убрала. Аня к ней на работу не заходила, а других она не посвятила в то, какой выбор сделал мальчик, которого любила больше всего на свете. Почему?! Столько этих вопросов, что захлебнуться кровью можно — так рвут горло их крючки...

Как он умел смешить ее! Даже совсем маленьким, пятилетним — не клоуном скакал, а по-взрослому острил, беззубо пришепетывая, поддевал ее с добродушной снисходительностью. И это никогда не ранило, потому что любовь, которую Наташа чувствовала в нем с младенчества, даже насмешку делала не обидной.

Правда, один из карнавальных костюмов, которые она в те годы, по бедности, сооружала собствен-

норучно, был клоунским... Ленке только исполнилось восемь лет, и она рисковала напороться на естественную боязнь мальчишки показаться своим сверстникам смешным. Но ее сын оказался умнее и артистичнее, даже чем представлялось ей. И вокруг него весь праздник вились девчонки, которых он развлекал. Хотя накануне он как раз лишился переднего зуба и очень переживал. Наташа направляла его руку, чтобы выпавший зуб угодил в щель «за печкой», точнее за газовой плитой. Подразумевалось, что там живет мышка.

— Маленький...

Увиделось, как он, полугодовалый, выглядывает из-под облезлого стола, где был его «домик», старомодно прикрытый скатертью, и вся Ленкина мордашка светится радостью. Белоголовый, как она сама, кудрявенький, глаза сияют полукруглыми солнышками. С грудным смехом он хватается за ноги Аню, которая сидит с книжкой (уже научилась в свои пять лет бойко читать по слогам), а та отталкивает его ногой с неожиданной яростью:

— Да отстань ты! Вечно мешаешь.

Кажется, тогда Наташа впервые дала дочери затрещину, потому что Ленка отлетел к ножке стола, ударился головой.

— Поиграла бы с ним лучше! — крикнула Наташа, морщась от некрасивости плачущей дочери. — Корчишь тут из себя взрослую!

— Я и есть взрослая! — размазывая слезы, протянула та. — Ты не понимаешь... Я не хочу играть! Мне неинтересно.

И ведь правда, почти не играла, только в раннем детстве, еще до рождения брата. А после — будто

протест возник: чтобы с малышом не уравнивали, не ставили на одну планку. Кукол и мягких зверюшек засунула в диван — от греха подальше. Книги, книги и ничего, кроме них. Наташа пыталась растормошить дочь, тянула за собой на детские праздники, которые проводила, но в ответ слышала только одно:

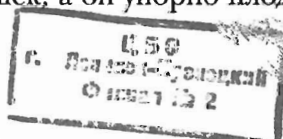
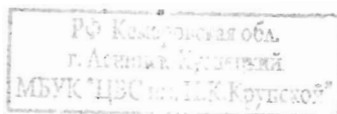
— Неинтересно. Ты же это не для нас придумала.

— Но ты тоже могла бы повеселиться с ними вместе!

— Так — неинтересно.

Чужая, пересказанная, а то и придуманная в книгах жизнь увлекала девочку больше... А Леньке все было интересно! Он часто увязывался за матерью даже на свадьбы, которые Наташа тогда еще проводила сама. И охранял ее своим присутствием от захмелевших гостей, которые не решались тянуть лапы через голову ребенка. То ли понимал, что ей необходим защитник, то ли делал это интуитивно и больше для себя самого — она и сейчас этого не знала. Но всегда, каждую свободную минуту, ее сын был с ней рядом. Ее Ленька, который, как Наташе казалось, даже дышал с ней в такт...

Хотя и ему тоже требовалось уединение, что в однокомнатной квартирке, позднее ставшей Наташиным офисом, давалось непросто. Забравшись под стол, Ленька рисовал своих «идиотиков», как называл их отец, — мускулистых воинов с небольшими головами. И гора мышц у каждого все росла и росла... Потом сын вырезал их и играл сам с собой, потому что сестра никогда не составляла ему компанию — взрослой себя считала! А он долго оставался ребенком и что-то бормотал в своем углу на разные голоса. У него была целая куча игрушек, а он упорно плодил

этих «идиотиков»... Аня презирала его за это и любила называть «маменькиным сынком». Он и был маминым, только не в уничижительном смысле.

«Надо работать! Глушить работой». — Наташа вскочила из-за стола. На дела набрасывалась, как на болеутоляющие таблетки, а со стороны казалось, что Малаховская землю роет, чтобы фирму вывести в лидеры своего бизнеса. Пока до этого далеко было, но если боль не утихнет в ближайшие года три, то все может быть...

— Я поехала на встречу с иллюзионистом, потом — к музыкантам, — бросила она секретарше. — Если что — я на связи.

И забилась в лифт от чужих глаз, которые могли подметить, что иногда с Наташи почему-то слетает пылью ее природная жизнерадостность. Пара минут наедине с собой. Смогла бы она выдержать целые дни, как Аня? Не заскучала бы в собственном обществе? Дома, когда дочь запиралась у себя, Наташа сразу хваталась за телефон или включала телевизор. Ей необходимо было слышать чей-то голос, иначе нарастал ужас: мир забыл обо мне...

Дверцы раскрылись, предлагая ей мир подземный. Здесь, на парковке, машины ждали своих хозяев, как дремлющие псы... Как Ленька радовался, когда она принесла подобранного на улице щенка, собственноручно отмыла его и проглистовала. И сын, топоча, носился с неуклюжим, заваливающимся на бок щенком наперегонки, хотя квартирка тогда была такой, что не разбежаться. А дочке собаку сразу вонзилась костью в горло. Точнее, в ухо.

— Да что он все время лает? — морщилась Аня. — Столько шума от него...

Почему в ней всегда была эта патологическая непереносимость любых звуков? И громкий Наташин голос, развитый на чужих свадьбах, большее всего резал дочкин слух. Она даже головой трясла и закрывала ладошками уши, демонстрируя, какой дискомфорт причиняет ей мать, только открывая рот.

— Смотри, какой хорошенький! — Наташа тормозила щенка, целовала его смешную мордочку, пытаясь расположить к нему дочь.

Но Аня сторонила их обоих:

— Мама, ты же его трогала, а теперь меня! Ты хоть руки помой... Фу, что ты его целуешь, он же под хвостом у себя вылизывает!

Все это еще можно было как-то снести и уладить, если бы чернявый дурачок, которого они назвали Кузей, не добрался до книжек. Могло показаться, что вся квартира усеяна бесцветными конфетти — так мелко щенок изорвал все страницы. С Аней случилась настоящая истерика... Когда дочь позвонила ей, Наташа даже не сразу поняла из ее рыданий и заиканий, что именно произошло. Но нечто совершенно ужасное — это было ясно. Температура у Ани подскочила запредельно, даже «Скорую» пришлось вызывать — Наташе не верилось, что можно так расстроиться из-за книг.

— Детка, да я куплю тебе другие! Куплю, — клялась она.

Но дочь визжала, колотя ногами и тыча в провинившегося щенка:

— Выгони его! Унеси его куда хочешь!

И Володя встал на сторону дочки: нельзя так издеваться над ребенком. Не хочет собаки, и не надо. Ему-то было все равно...

— А я хочу! — пискнул из-под стола Ленька, обнимавший щенка, и затих.

Больше они никогда не заводили животных. А теперь Наташе казалось, что из их дома что-то ушло тогда вместе с этим щенком...

* * *

Ей почудилось, будто звук шагов, доносившихся из темноты за спиной, стал наплывать, приближаться, подменяя привычную реальность какой-то киношной, выдуманной. Это там, в экранном Зазеркалье, на людей то и дело нападают на подземных стоянках, и женщинам приходится убегать, подворачивая ноги, на ходу сбрасывая туфли. Они разлетаются попавшими в шторм лодочками, беспомощно заваливаются на бок, демонстрируя степень незащитности их владелицы. Крупный план. Срывающееся дыхание актрисы.

Женщина ускорила шаг, невнятный стук каблучков доносился издалека, точно душа ее уже отделилась от тела, и с недоумением прислушивалась к происходящему внизу. И не с ней — это ощущение не оставляло. Вспотевшая рука не сразу попала в сумочку: «Ключи... Ключи... Да где они?!»

Кто-то идет следом, в этом нет сомнения. И он тоже заторопился, почуял, что добыча ускользает. Показалось, что он уже в паре метров, она резко повернула голову: никого! Опять слуховой обман гулкого подземелья? В ушах шумит так, что посторонних звуков уже не разобрать... На ходу обернулась, пятясь назад, но даже тени, скользящей следом, не увидела. Фантом какой-то... Или успел присесть за чью-нибудь машину? Джипов здесь хватает.

— Эй, кто здесь? — резко выкрикнула она, понимая, что рискует выставить себя идиоткой. Может, человек просто нагнулся, чтобы достать что-то из салона своей же машины...

Но никто не откликнулся. Не выпрямился. И никак не находились ключи, а это уже заставляло паниковать, ведь спастись можно было только в своем «BMW». В народе — просто «трешка»... Рука нащупала и стиснула большой кошелек: «Швырнуть ему? Кость — бешеной собаке... Этого хочет? Не меня же... Теперь эти уроды только на детей охотятся. Бросить?»

Но что-то в ней слишком сопротивлялось. Когда-то Наташа билась за каждую копейку, даром они ей никогда не давались. Не годами, десятилетиями вырывалась из нищеты. Как ноги пухли, когда возвращалась с очередной свадьбы — без голоса, без сил! Все, что теперь имеет, своим горбом заработала, с какой же стати отдавать хоть частичку тому, кто сам не способен ни на что иное, как нападать на женщин?

Вперед. Кошелек так и остался в сумке, теперь ключи от машины жгут ладонь, как сорванная чека гранаты: «Уцелею? Успею?» Ног уже нет, вместо них — стекающий с тела ужас. Но эти тягучие струи еще как-то движутся, хотя мозгу больше не подчиняются. Он, собственно, и команд никаких не дает. Отключился. Растекся страхом.

Внезапно спину обдало тишиной. Наташа и теперь не обернулась, не дала ему посмеяться над ее доверчивостью. Едва не упав на капот своей машины, надавила на кнопку брелока. И только тогда додумалась, что это лучше было сделать заранее, за несколько шагов. Но вышло как вышло.

Не поднимая глаз, Наташа распахнула дверцу, упала на сиденье и мгновенно заблокировала все замки. Конечно, он еще мог разбить лобовое стекло битой, как тоже делали в фильмах, и все же она почувствовала себя в относительной безопасности. Как всегда, ощущала машину своим убежищем даже в большей мере, чем дом ее мечты, ради которого, в общем-то, и билась все эти годы, как рыба об лед. Сейчас же он казался слишком большим, по углам слонялись привидения. Пока его строили, экономя каждую копейку, их было четверо. Остались двое... Как двоим найти друг друга в таком пространстве?

Только заведя мотор, она решила бросить взгляд поверх руля. Глаза жгло от страха, как от бессонницы, мешало взглянуть. Веки показались ей пергаментными, готовыми порваться от слишком резкого движения. Осторожно, осторожно...

Поблизости никого не было.

Удалось продохнуть. Увлажнившись облегчением, глаза быстро обшарили подземелье.

— Что и требовалось доказать, — на всякий случай она все же произнесла это шепотом. — У меня развивается совершенно идиотская мания преследования... А я ведь никогда не была трусихой!

В своих Хамовниках она ни в детстве, ни в юности не боялась возвращаться домой даже в полночь. Ловила дыхание темноты, подставляя лицо, подмигивала звездам, которые будоражили в ней что-то смутное, шальное. И ничто вне стен родной квартиры, в которой поселился ужас, не могло вызвать в ней страха... Не потому, что времена были другими, и тогда всякое случалось, но Наташе казалось,

что здесь ее бережет сама земля, и Новодевичий монастырь осеняет крестом. В собственном доме не удалось уберечься... Но в этом ни земля, ни монастырь повинны не были.

Сейчас московская улица встретила неудержимым солнцем, которое заставило одновременно зажмуриться и улыбнуться: «Я жива! Хорошо-то как...» Наташа тут же открыла глаза: еще аварии не хватало! Только что она едва не погибла от собственного воображения...

Теперь ясно, точно опять увиделся кадр из фильма, только на этот раз романтического, представилось, как ее улыбка влажно поблескивает на солнце. Мужчине, к которому она направлялась, этот блеск должен показаться магическим. По крайней мере, так задумано, хотя и не имеет особого значения. Главное, чтобы он заключил контракт с ее агентством по устройству праздников. Ей нужен этот иллюзионист, говорят, он неплох и обаятелен, почти, как Копперфильд. Хотя в это слабо верится... Такого, как тот черноглазый американец, вряд ли удастся найти в Москве.

От солнечной вспышки все вокруг на какое-то мгновение волшебным образом замедлило ход, опять отсылая к кинематографу, способному творить с людьми чудеса. И пугать до остановки сердца, и делать их самих радостнее и разноцветнее, чем они есть на самом деле. Многозначительнее без занудства... Светловолосая девушка медленно повернула голову — волосы разметало по ветру легкими струями. Ей вслед дрогнула зарождающаяся улыбка юноши в белой майке. В его лице все напряглось неуверенностью: можно ли?

Сутулая продавщица цветов приподняла над своим разноцветьем белый бутон розы, и Наташе захотелось крикнуть:

— Он как раз для той девушки! Подождите, я куплю для нее.

И даже не родилось естественного: «С какой стати?!» Она любила набрасывать на лица людей выражение счастья.

Не замечающий своей улыбки, юноша потянулся к цветку, словно собирался приобрести запах. Как внушить ему, чтобы он отдал его светловолосой девушке? Такой нежной, такой изящной и юной, как этот бутон? Ведь она уйдет сейчас, исчезнет в толпе, как все самое светлое, что выпадает человеку случайно, и затеряется в общей серости, если он мгновенно не решится протянуть руку...

Сзади раздался нетерпеливый гудок. Вздрогнув, Наташа нажала на газ: «Уснула я, что ли? Где эта девушка? Кто хотел купить цветок? Опять померещилось все... Разве мужчины еще дарят цветы незнакомым женщинам?»

Те праздники, что устраивало ее агентство, всегда были отягощены цветами, как советская демонстрация транспарантами. Но то были заготовленные букеты, продуманные, выверенные, в том числе и в денежном отношении. В них не было импровизации, милой неловкости сиюминутного желания. А этот белый цветок нес в себе пенную легкость, хрупкость мечты... Не сбывшейся. Девочкой Наташа мечтала лишь об одном: чтобы у нее выросли крылья, такие вот — светлые, воздушные, — и она могла бы улететь далеко-далеко от своего дома, от матери, от позора, от своей жизни... Девочка-эльф, направляющаяся

в далекую зеленую страну, где всегда синее небо...
В Москве триста пасмурных дней в году.

— Да что со мной? — удивилась она вслух, очнувшись от наваждения. — Бредить наяву начала?

Ей не очень верилось, что это предстоящее свидание с почти незнакомым человеком так взбудоражило в ней все, и начались приливы-отливы: от черного ужаса до солнечной сентиментальности. Мужчина, который сейчас ждал встречи с ней, не так уж волновал Наташу. Только и помнила о нем, что поразили его античные золотистые кудри, захотелось запустить в них пальцы. Да не просто шутя, а так, чтоб уцепить, притянуть его голову, почувствовать губы. Но место было самым неподходящим — банк.

Но Сергея уже зацепил ее болезненно-удивленный взгляд, он не понял его. А у нее в мыслях мелькнуло: «Волосы, как у Ленки...» Только это и выделило его из общего ряда. И притянуло против ее воли.

— Мы где-то встречались? — начал он.

Ее даже это не покорило. Ну, не придумал ничего посвежее, не всем же дано жонглировать словами.

— Все может быть, — она улыбнулась.

А он, как водится, предложил выпить кофе, а после него — как-нибудь встретиться. Она согласилась, а Сергей тут же назвал отель, где остановился. Оказалось, приехал из Питера всего на пару дней. Потеряв его кудри из вида, Наташа растерялась: «Зачем он мне нужен?»

В зеркале потом встретила виноватую улыбку:

— Но кто-то же должен появляться время от времени...

* * *

Этого времени — после развода — набралось уже полгода. Она сама его организовала, когда почувствовала, что ей не вмоготу больше тянуть на своих плечах двоих художников, постоянно находящихся в творческом поиске. Продолжать нянчиться с дочерью Наташа была еще согласна. Полновесным содержанием искупала вину за то, что сама считала Анютку недолюбленной с тех пор, как родился сын. Ее златовласый мальчик... Это его кудри погладить бы, одарить невинной материнской лаской. Разве другими его заменишь?

Не в то ли время, когда родился Ленька, и муж перестал быть мужчиной ее жизни? Как они рискуют, эти отцы, жаждущие иметь сыновей! Володя проиграл в турнире с собственным сыном. Самым необъяснимым стало то, что победитель все отдал побежденному, своей судьбой его поддержал... Если бы Наташа могла хотя бы мысленно допустить такую возможность, то уж ни за что не стала бы удалять мужа из своей жизни. Но однажды ей стало не вмоготу видеть его изо дня в день, уже с утра — потерянного, выбитого из колеи всей жизнью, не выходящего из творческого кризиса...

И сам Володя, и все вокруг понимали, что он пошел не своей дорогой, переоценил способности и потому не мог найти себе работу в Москве, где средненький театральный режиссер никому не был нужен. Талантов пруд пруди! А ничего другого он не умел и ничему не хотел учиться. Помогать в делах Наташе казалось ему зазорным, ведь она занималась «развлекаловкой», а ее муж презирал это и дочь за-

разил таким отношением. Он хотел быть причастным к настоящему искусству, а вот оно не желало родниться с ним, как аристократическая дама с плебеем. Которым Володя, конечно же, был, провинциал несчастный... Впрочем, как и москвичка Наташа, и все их друзья рабоче-крестьянского происхождения. Хотя кто-то из них все же допускался ко двору...

Но то, что делал Владимир Малаховский даже сразу после ГИТИСа, когда юношеская наглость компенсировала недостаток одаренности, было слишком консервативно, подражательно и казалось всем до неловкости неумелым для человека с таким дипломом. А потом и задора поубавилось... Володя пытался убедить ее, что ему просто не дают проявить себя в должной мере, что будь у него свой театр, он творил бы чудеса, и в его фантазиях все действительно казалось волшебным. Когда супруг вдохновлялся и говорил о своем великом будущем, их дети слушали отца, раскрыв рты, и верили ему безоговорочно.

А Наташе было не до воздушных замков, она для них же, для своей семьи, строила настоящий дом, из кирпича и бетона, а для него нужны были реальные деньги. Не те, которые воображаемый театр принесет когда-нибудь... Если вообще принесет. Как она могла оторвать хоть кусок от своей мечты, которая уже возводилась строителями, чтобы воплотить мечту мужа? Сам же он ничего не мог предпринять даже ради того, чтобы помочь себе самому. О вкладе в строительство дома она уже и не заговаривала...

Однажды подавленный Наташин стыд за мужа, который все меньше воспринимался даже мужчи-

ной, не то что творцом, прорвался наружу. Едкое замечание со стороны отравленной стрелой пронзило плодный пузырь, в котором вынашивалось отторжение. На одной из премьер Володиного однокашника кто-то сказал за ее спиной:

— Вовку Малаховского видел? Я думал, он давно уже спился или свалил из профессии... Нет, еще цепляется, неудачник! Лучше б мясом торговал.

Наташе показалось, что меж лопаток плеснули кипятком — она так и выгнулась от боли. Жар мгновенно метнулся к лицу, едва не выжег глаза. Зажмурившись, она попыталась удержать слезы, которые отличались своей природой от обычных, но тоже были давно знакомы ей. Наташа надеялась, что ей никогда больше не доведется плакать от стыда, и много лет держалась, но Володя все же вынудил ее. Всего лишь тем, что был причастен к ней...

И она решила это исправить. Если бы Наташа просто сказала ему: «Уходи!» — он нашел бы тысячу причин остаться, тысячу слов, чтобы уговорить ее. Потому что, по сути, повода расставаться не было. И дети в два голоса вторили бы ему, отторгая правду матери, а это стало бы самым мучительным... Нужно было отяготить мужа виной, чтобы не посмел даже просить ее о снисхождении. Наташа рассудила, что сорокапятилетнего мужчину легче всего поймать на том, что бес щекочет ему ребро.

И она избрала объект для задуманной интриги: двадцатилетняя дочь его старого, чуть ли не школьного (Наташа точно не помнила) приятеля, который сам, непонятно почему, относился к Володе с придыханием и девочку воспитал в том же духе. Непризнанный гений! Живая легенда... Ариша

и раньше часто мелькала в их доме, хотя никто из их с Володей детей с ней не дружил, Аня вообще разглядывала воздушную блондиночку с недоумением естествоиспытателя, теперь же Наташа сама стала зазывать ее по поводу и без повода. А вечером настойчиво просила Володю отвезти девочку домой...

Как бы само собой разумелось, что там по дороге происходило, но чутье разочаровывало Наташу: ничего! Хотя Ариночка так и обвивала ее мужа взглядами и дыханьем, и неуместными своими восторгами. Почему он так и не позволил себе отдаться обожанию глупой юности? Ведь кроме всего прочего, это придало бы ему уверенности в себе, расправило бы слежавшиеся крылья. Наташа недоумевала: «Любит он меня, что ли?» И раздражалась от того, как Володя сопит, сосредоточившись на чем-то, как мелко и часто жует, будто суслик, как лоснится на крутом подбородке его смуглая кожа...

А ей уже так нестерпимо хотелось отделаться от него, что она поторопила события. В тот день, когда простуженный Володя наверняка был дома один и в постели, она купила «симку» и с нового номера послала той девочке сообщение: «Ариночка, хочу тебя видеть. Больше не могу бороться с собой! Приезжай ко мне в два часа. Буду один. Проходи прямо в спальню. Володя». Наташа позаботилась о том, чтобы дверь осталась открытой, а муж не сошел с постели — подсунула ему новый роман Акунина, которого он прочитывал залпом.

Эта дурочка еще и ответила на sms: «Буду! Твоя! Люблю-люблю-люблю!» Наташу чуть не стошнило от такого количества сиропа... Ровно в два часа по полудню Арина вошла в их дом. Наташа выждала

десять минут и отправилась следом, чувствуя, как в крови закипает ликование, будто в спальне ее ждал подарок, о котором она мечтала не один месяц. Она виделась себе маленькой девочкой в синем бархатном платье и с голубым бантом в волосах, на цыпочках крадущейся к рождественской елке. Шейка вытянута, губка закушена от волнения...

Разочарованию ее не было предела: Володя не пустил Аринку дальше краешка постели. Девочка сидела, поджав отвергнутую голую ножку, и они, видимо, выясняли, как произошло это недоразумение с сообщением. Сарафанчик на ней был весьма открытый, но все же он был — на ней. И тем не менее сцена могла быть истолкована как весьма пикантная. Именно поэтому, когда Наташа возникла в дверях разгневанной фурией, на лицах обоих отразился ужас.

— Кажется, я не вовремя, — только и сказала она и начала быстро спускаться по лестнице.

«Пожалуй, я — лучший режиссер, чем он», — подумалось ей, когда Володя, как и предполагалось, выскочил за ней в одних трусах и догнал в три прыжка. Он так жалко лепетал что-то о своей полной непричастности к происходящему, о том самом недоразумении, которое Наташа просчитала до деталей, что ей стало тошно смотреть на него. Свой подарок ей все же удалось стащить из-под елки...

— Я подаю на развод, — вполголоса сообщила она. — Я не для того пахала на этот дом, чтобы из меня здесь же делали посмешище.

Дабы оповестить детей, Наташе потребовались минуты. Аня поверила сразу: невозможность понять навязчивое Ариново присутствие в их доме нашло объяснение. И Володина любимица, дочь, почув-

ствовала, что он предал именно ее. Променял на бесцветную пустоту, позарившись только на юность. Оскорблена дочь была куда сильнее, чем сама Наташа, — отсчет от ноля!

Вот сын... То ли поверил не ей, а отцу, то ли проявил пресловутую мужскую солидарность. В те дни Наташе казалось, что под ногами у нее — зыбучие пески, и она увязала каждым своим шагом. И сил на то, чтобы просто переставлять ноги, становилось все меньше. А Ленька был где-то там — за краем пустыни, и быстро шел не к ней навстречу, а в противоположную сторону. Не хотел ничего слышать, хотя они всегда понимали друг друга с полуслова. Намека хватало на схожесть ситуации, с каким-нибудь фильмом, которые всегда смотрели вместе, чтобы они уже расхохотались в голос.

А в те дни смех совсем перестал звучать в доме. Володя сломался сразу. Попытался доказать ей свою невиновность, но как? Факт был налицо: Наташа застала их в спальне. Голую девичью ножку до сих пор видела на простыне... Что его клятвы против очевидного?! И он сдался. Да так быстро, что жена даже испытала разочарование. К тому же возникли подозрения, что все было хоть и подстроено ею самой, но искренно желанно было обоими участниками фарса...

Однако разбираться в этом Наташа не стала. И ни минуты не жалела потом, что освободила себя от роли утешительницы несостоявшегося художника. Незавидная роль. Хотя многие жены ведут ее десятками лет. Но вот она не была просто женой, какой-нибудь домашней курицей, которая молиться готова на сомнительный талант своего мужа. Когда-то ее тоже восхитило, что Володя — студент

последнего курса ГИТИСа, будущий режиссер, он показался ей почти небожителем, ведь сама занималась в простеньком училище культуры. Вот только с тех пор она неумоимо, не жалея себя, шла вверх, как в юности на Аю-Даг взбиралась, хоть и мечтая отдохнуть, припасть к фляжке, но не останавливалась, а муж топтался на месте. Годами... Десятилетиями. Что могло измениться, если ему уже было под пятьдесят?

Знакомый судья, которого Наташа еще и подбодрила конвертом, развел их быстрее, чем Володя успел собраться с мыслями.

Дневник в блоге Мантиссы

«Мать присутствует в моей жизни постоянно, хоть в мыслях, если не наяву. Как некий демон. Средненький такой, веселенький демон, не наделенный гением, зато привязчивый сверх меры. То, что она много лет работала тамадой, приучило ее попростому требовать внимания к собственной персоне: «Все посмотрели на меня!»

А я отказываюсь выполнять приказы, от кого бы они ни исходили. Изгонит она меня, как отца? Сломает, как бабушку? Изолирует от мира, в котором все готовы ей подчиниться? Бабушкино пренебрежение правилами бесило ее до того, что моя мать объявила его сумасшествием. А купленный ею врач психиатрической больницы с готовностью щелкнул замком. Она вышла победительницей в многолетнем сражении с собственной матерью. Отец успел сбежать прежде, чем она и его неуспокоенность объявила психическим заболеванием.

Теперь я — единственная потенциальная жертва, сама оставшаяся в ловушке из какого-то болезненного любопытства: «Что будет? Что она со мной сделает?»

Чувствую, ей никак не удастся понять моего к ней отношения. Если б я сама понимала! И могла бы определить одним словом: любовь? Ненависть? Или какая-то чертова зависимость от женщины, которую не уважаю, не восхищаюсь ею, как многие, считаю дурно воспитанной, необразованной, неинтересной. И вместе с тем руку отдала бы, чтоб стать для нее средоточием мира... Чтобы у нее хоть раз возникло желание узнать меня и понять. Углубиться в мои мысли, не отвечая на бесконечные телефонные звонки. Чтобы мысль обо мне возникала у нее не между дел, а занимала ее постоянно. Словом, чтобы моя мать любила меня...

Жуткое видение из детства — ее перекошенное от злобы лицо. Из-за чего она орала и тащила меня за волосы из кухни? Я пролила Ленкино молоко? Стащила у младшего брата банан, которого тогда днем с огнем было не купить? Что такого чудовищного мог совершить шестилетний ребенок, чтобы волочь его за лохмы? Мои сиротские, в рубчик, колготки, какие носили тогда все дети, цеплялись за гвоздики, торчащие из пола. Но этого она не замечала, и моего рева не слышала. А у меня голова лопалась от звона — столько шума мы с ней произвели тогда.

Она вообще — олицетворение грохочущей стихии. Хотя, надо признать, сердится мать редко, но тем глубже врезается в память каждый эпизод. Может, всего пару раз меня и наказала в детстве, а простить не могу. Вот Ленка никогда не был злопамят-

ным, да и ее отучил кричать на раз: взял и нарисовал портрет «Мама-страшилище» после очередного ее приступа. И — как рукой сняло! Она еще и смеялась, другим рассказывая, как воспитывает ее сын. Знала, как нас бесит, когда она каждого встречного посвящает в детали нашей жизни, всем пересказывает, как смешно высказался ее ребенок, и все равно болтала языком направо и налево. Даже Ленкино самолюбие не щадила, что уж обо мне говорить... Наверное, потому я привыкла держать язык за зубами. Теперь в нашем доме царит тишина...

А Ленка тогда и другой шедевр создал «Мама-красавица», где она уже была с улыбочкой. Которую, надо признать, мы видели постоянно. Уже с утра слышали ее пронзительный смех... Только ведь смех — не признак большого ума. Даже первобытные люди умели смеяться.

Наша мать недалеко от них ушла, хоть и считает себя продвинутой женщиной. Но ее детская непосредственность меня просто с ума сводит! Хочется связать эту школьницу-переростка, вставить кляп и нацепить паранджу, чтобы не видеть ее и не слышать. Но чтобы она была рядом. Что-то во мне постоянно просит ее физического присутствия. Самой противно, но это так.

Изо дня в день я упорно пытаюсь порвать ту энергетическую пуповину, которой она (сама того не желая!) держит меня. Чтобы наконец уйти от нее, начать самостоятельную жизнь. Но боюсь оторваться от матери, как от генератора, который подпитывает меня избытком своей энергии. Все эмоции в ней — через край! Глаза горят, руки взлетают, словно я хуже пойму, если она будет говорить спокойно. Но

нет! Ей нужно орать, хохотать во все горло над любой глупостью, прозвучавшей по телевизору, все время пытаться втянуть меня в совершенно пустой диалог. А вот просто сесть рядом, помолчать или негромко поговорить не о пустяках прошедшего дня, а о чем-то по-настоящему важном, это не для нее.

Как мне хотелось бы заставить ее отбросить словесную шелуху и научиться произносить слова! Но для этого нужно как минимум запереть ее дома, выключить телефон и телевизор, вынудить ее вслушаться в тишину и собственные мысли. Почему она не научилась этому у своей матери, моей бабушки Вари, которая большую часть жизни провела, погруженная в грезы и размышления?

Картинки из детства: бабушка в шелковом халате возлежит на диване с сигаретой, духи и туманы, серебряные ложечки, витые свечи, сборники стихов, помятые блокноты с собственными записями... Когда я впервые услышала выражение «не от мира сего», то сразу представила бабушку. И восхитилась тем, что она не имеет ничего общего с этим миром, который разочаровывал меня уже в детстве: толстые соседки с бидонами, их пьяненькие мужья с «бычками» в углах слюнявых ртов, вечно оружие, и в горе, и в радости, дети... Меня манила таинственная бабушкина действительность, в которой как раз действию не было места. Только — химеры, мечты, мысли.

А моя мать — человек поступков и целиком принадлежит современности. Ей некогда заглянуть даже в себя, не говоря уж о других, она живет в постоянной борьбе за кусок хлеба. Кому он нужен, этот кусок?! Она твердит, что ей с детства приходилось

зарабатывать, потому что бабушка не спускалась из своего поднебесья. А я думаю, что алиментов деда им хватило бы, чтоб не умереть с голоду... Но моей матери как воздух нужна была круговерть, она словно та безумная белка в колесе, которая несется вперед ради самого движения. Бабушкины покой и нега ей кажутся преступными. А мне — восхитительными!

Сломать ее колесо? Обездвижить неукротимого зверька? Иногда суетливость матери бесит до того, что хочется приковать ее цепями и заставить *увидеть* меня! Услышать. И даже прочесть то, что я написала за все это время. Ведь не разучилась же она читать!

Хотя литература для нее — это нечто потустороннее, чем реально существующий человек заниматься не может. Будто все книги мира написаны некими фантомами... Мою мать куда больше порадовало бы, если б я вообще изъяснялась теми куцыми обрубками, которые используют для общения мои ровесники. Мне кажется, если б я произносила «типа», «жесть!», «супер!», то она понимала бы меня гораздо лучше. Не потому, что она сама использует эти слова, вовсе нет. Но в этом случае я была бы понятнее матери. Я была бы как все. Она и от отца ждала того же: чтоб он спустился с небес на землю, пожертвовал своей индивидуальностью ради возможности слиться с толпой, в которой мать чувствует себя как рыба в воде.

В те редкие дни, когда мы ужинали все вместе, мать просто корчило, когда отец выходил из своей комнаты и начинал с воодушевлением пересказывать, какую интереснейшую вещь прочитал только что! Она так сжимала вилку и нож, что кончики пальцев белели, готовые омертветь, лишь бы не

ощущать присутствия нелюбимого человека. И еще это его обращение «Ташенька», которое всем казалось интимным и ласковым, кроме нее самой, зацикленной на своей значительности. Глава фирмы! И вдруг — Ташенька...

Неужели отец не замечал всего этого? Или отказывался верить, залепляя глаза той пленкой самообмана, что используется человечеством веками? Наверное, так еще Авель пытался убедить себя, что брат его любит, что они как одно целое...

Но так не могло продолжаться до бесконечности, ни тогда, ни сейчас. Если б нетерпеливая юность в лице Аринки не перешла в наступление. Мне — двадцать два, я еще не чувствую себя достаточно взрослой, но Арина — это, даже по отношению ко мне, уже другое поколение, никакими моральными устоями не зараженное. Она не ищет оправдания той разрушительной силе, которую направила на семью Малаховских и смела ее с лица земли. Ей был нужен мой отец, и она пришла взять его. Позиция восемнадцатилетних: почему я должна отказывать себе в том, что хочу?

А я не позволила себе этого. Мне хотелось уехать с отцом... Как же мне хотелось этого! Но буквально за пару дней до разрушительного явления Арины в нашей жизни бабушка, которую тайком навещаю в психиатрической больнице, вскользь намекнула, что вряд ли я прихожусь ему родной дочерью...

И вся моя необъяснимая ненависть к демонстративной женственности моей матери сразу нашла объяснения. Годами меня мучило непонимание того, почему я отторгаю ее, но лишь теперь все встало на свои места: эта белокурая красотка отобрала у меня

отца еще до моего рождения. Лучше б это она оказалась мне не родной, ведь никакой кровной близости между нами никогда и не было... Тот человек, которого я считала им, тот единственно возможный и любимый отец, оказывается, был предан ею больше двадцати лет назад, а теперь еще и изгнан. А я даже не могла уехать за ним следом, потому что, если верить бабушке, я ему — никто. А я ей верю, хоть она и заперта в сумасшедшем доме».

* * *

Застрав в пробке на Тверском бульваре, Наташа подумала о том, что ей хорошо было бы родиться кротом, способным проложить под землей собственные юркие ходы. Несостоявшаяся жизнь мгновенно увиделась компьютерным мультиком: темнота неслетя навстречу, извиваясь гибким телом. Скорее! Еще скорее! Крот на летающей доске... Маленькая зверушка с лицом Натальи Малаховской.

Смех прозвучал для самой себя, как и все в жизни в последнее время... Хотя годами верила, что не для себя живет и чего-то добивается, о чем-то еще только мечтает. Но все — для своих детей. Чтобы они могли ею гордиться. Дочь и сын. Полноценная семья.

— Да, Сережа? — машинально ответила она на звонок. — Я помню, что встречаемся. Конечно... Еще ведь есть время? Ты пока настраивайся, настраивайся! Я только заскочу по одному делу...

Уже для себя добавила вслух:

— «Заскочу» — это, конечно, сильно сказано. Заползу...

Пережитый на подземной стоянке страх до сих пор копошился в душе и мешал Наташе радоваться даже тому, что буквально полчаса назад так удачно заключила контракт с иллюзионистом, который оказался мужчиной даже в большей степени, чем этого можно ожидать от волшебника. Ее открытые колени отвлекали его от чтения договора, а Наташа, не позволяя ему сосредоточиться и заметить некоторую невыгодность условий, живо расспрашивала о былых победах. И он распетушился, выпятил грудь...

— Да, я ведь в Штатах получил звание Магистра...

— Ну, я слышала, конечно! — с легкостью плеснула она лжи. — Об этом столько говорили в нашем кругу! Как это было? Наверное, незабываемая церемония?

Переключила с настоящего на прошлое, на один из самых приятных моментов жизни, чтобы его светом окрасилось и это мгновение и недостатки контракта заштриховались сами собой. Ей он выгоден куда больше, чем ему, только сейчас это должно остаться незамеченным. И Наташа старалась: обдавала его ароматом смеха, наклоняясь и слегка, чтобы только заманить в сети, показывая пухлую грудь, то и дело бралась за его рукав, мягко сжимала. Но себя нисколько не презирала в эти минуты — а за что? Ей было весело, она забавлялась, как чаще всего определяла свои отношения с мужчинами. А он откровенно получал удовольствие, какое еще мог себе позволить.

Этот стареющий фокусник действительно был обаятелен, особенно для дам определенного возраста и детей, для которых он уже вполне мог сойти за дедушку. Но от блестящего Копперфильда в нем

только и было, что длинные, проворные пальцы, за движениями которых не уследишь, как ни старайся. Он прямо у нее перед носом провернул пару фокусов, а Наташе так и не удалось заметить, куда исчезают все эти ленточки, шарики и прочее. На свадьбах она попросила его устраивать что-нибудь с голубями, которых ее агентство и раньше использовало, но до сих пор их просто пускали в небо молодожены. А вот чтобы белые птицы возникли ниоткуда...

...Мимо, лавируя среди машин, быстро прошел мужчина с седым «ежиком» и кейсом в руке. Зацепившись взглядом, Наташа проводила его: движения скованы — боится задеть чужой автомобиль. Спина напряжена от раздражения... Бросил машину, не выдержав долготояния? Или был пассажиром? Ситуация, как в том фильме с Майклом Дугласом, где он выходит и из себя, и из автомобиля, берет автомат и идет убивать свой город.

Она огляделась: кому из соседей уже хочется этого?

В «Тойоте», застрявшей слева, дама в темных прямоугольных очках читала, положив книгу прямо на руль. Форма очков увиделась, когда та почуяла взгляд сбоку, машинально повернулась, но не увидела Наташиного лица за тонированными стеклами. Больше от книги не отрывалась, подавала вперед, даже не поднимая глаз. Хотя детектив, видно, попался скучноватый — она позевывала, не стесняясь этого. Забыла, что видна, как в аквариуме. Одинокая рыбешка, запертая в замкнутом пространстве.

Наташа закусила губу, сдерживая смех, — сейчас бы высыпать на капот ее машины корзину фиалок. Ей увиделось: книга соскальзывает с руля, бледные

губы приоткрываются, рука машинально снимает очки, надевает их снова... И — улыбка!

Отвернувшись, Наташа увидела с другой стороны длинноволосую девушку, похожую на молодую Джейн Фонду. Нерусский тип лица. Иностранка? Девушка упрямо смотрела перед собой, а парень, сидящий рядом, так и подпрыгивал, кривляясь, как Джим Кэрри. Хотя его мордаха была типично рязанской... Ему так хотелось заинтересовать свою «Джейн», что Наташе на секунду стало больно за него. Не удастся ведь, это уже понятно.

А он, дурачок, отказывается поверить, что девушке, сидящей за рулем, смотреть на него не хочется, поэтому она и не сводит глаз с задника «Вольво», стоящего впереди. Ему бы поразить ее чем-то сторонним, с ним самим не связанным. Да хоть дышащую игрушку из кармана извлечь! Положить маленькую собачку ей на колено, вызвать прилив умиления, перенаправить его на себя. Если только «Джейн» не окажется ненавистницей зверюшек, как ее Аня...

Гарнитура «bluetooth» на ухе в сотый раз ожила звонком.

— Да, Лидия Владимировна! Я еду, еду. Лучше бы пешком пошла... Тут настоящее безумие творится!

Сегодня и ежедневно. Но этот неумело смешавший времена, не раз битый, но не побежденный, хаотично застроенный город, который принято ругать и ненавидеть, всегда вызывал в ее душе нежность. И жалость. Ей было жаль смешавший языки современный Вавилон, как бестолковую, суетную бабенку. Добрую, но несобранную до того, что все дети ее несчастны. Наташа невольно поежилась: «Как и мои...»

Слегка убавила холодный пыл кондиционера и потянула мысль дальше: «...как, наверное, все московские дети, большие и маленькие». Опять оглядела своих случайных соседей, и, будто слившись с ними в одно целое, пусть легковесное и откровенно мешающее («пробку»!), почувствовала, что одиночество душит их гигантским удавом, который день ото дня все плотнее сжимает свои кольца — МКАД, Третье транспортное, Садовое, Бульварное... Попытаться ускользнуть от него можно, лишь передвигаясь с нечеловеческой скоростью, поэтому все москвичи постоянно спешат. Надеются ускользнуть. Удастся — единицам. А их общая мать и хотела бы выручить их, осчастливить всех и каждого, больше всего на свете хотела бы, да не знает как. Не получается.

Вдруг показалось, что от долгого ожидания опять начались галлюцинации. Вспышкой невозможного мелькнуло за окном лицо дочери. У нее дрогнуло сердце: откуда она здесь? Припав к стеклу, Наташа замороженно проследила, как дочь, слегка загребая сандалиями, брела одна, среди играющих на бульваре детей, среди целующихся на скамейках парочек, неприкаянная какая-то... Пальцы на ногах, наверное, потемнели от пыли. Маленькая, слабая... Жалкая. Худенькие плечики, смуглые даже среди зимы, не то что сейчас, то и дело подергиваются, будто она спорит на ходу сама с собой. Или с кем-то другим? С Наташей? Это дело обычное, дочь не соглашалась с ней ни в чем и никогда.

Ане всегда хотелось быть антиподом матери, даже внешне: высокая блондинка — миниатюрная брюнетка. В раннем детстве Наташа еще пыталась сделать ей прививку женственности: по благу до-

ставала красивые платица, гольфики, бантики, заколочки. Но Аня их срывала, топтала, специально пачкала фломастерами, хотя и рисовать-то в отличие от брата не любила. Получив от матери оплеуху, упрямо натягивала мальчишеские шорты, джинсы... Почему-то Ане всегда казалось стыдным быть девочкой. Заявила об этом недавно, но Наташа догадалась давно. И вспомнила себя, еще в детстве давшую слово не вырасти похожей на свою мать.

— Но меня ведь можно было понять? — торопливо пробормотала она, обращаясь то ли к дочери, которая не замечала ее машины, то ли к Всевышнему. — Я столько от нее натерпелась в детстве... А я-то своих не позорила, не бросала, не мучила...

Но сейчас это почему-то показалось неубедительным, хотя вроде срослась за годы со своей правотой. А дочь неторопливо шла навстречу потоку машин, среди которых застряла и Наташина, но, не видя матери (что, впрочем, стало уже привычным), и улыбалась чему-то. Может, этому дню, который выдался солнечным, а может, тому, что нарастало внутри и с чем она неслышно перешептывалась — бледные губы, очень четко очерченные, шевелились.

Только что Аня представлялась ей придавленной ленью к дивану в их доме, находившемся в десяти километрах от Москвы, и вдруг проявилась в центре города. И это показалось Наташе чем-то за гранью... Ей-то верилось, что она имеет хотя бы приблизительное представление о ее жизни. Оказалось: она знает о дочери еще меньше, чем думала. На филфак Наташа ее «поступила», и Аня его окончила, но не в школу же теперь идти с этим дипломом! Получилось — вообще никуда. В себя.

У нее вырвалось призывное:

— Детка! Что ты здесь делаешь?

Ее охватила паника: дочь уже поравнялась с машиной, сейчас уйдет в свою тщательно скрываемую жизнь... Сидя вполоборота, Наташа провожала ее взглядом, сама не понимая: удержать хочет или боится быть обнаруженной?

Встрепанный московский воробышка, темные волосы казались нечесаными с самого утра, шорты не стиранными никогда... Хотя Наташа сама забрасывала ее вещи в стирку, зная, что Аня и не вспомнит о куче грязного хлама в углу, распространяющего запах затхлости. Ей всегда было некогда отнести его в подвал, где стоит стиральная машина, она была поглощена поисками своего места в жизни. Глобального смысла происходящего. А в ее комнате тем временем копился дурной дух, пока мать не вырвалась туда против Аниной воли. Наташа помнила, что во многих американских домах, где довелось побывать, когда ездила в Штаты по делам, ее поразил этот запах давно не стиранного белья в детских комнатах. Жаль, не спросила: их окончательно впавшие со своей демократией в маразм родители считают насилием над личностью стирку грязных носков без согласия владельцев?

Наташа видела, что ее дочь раздваивается все непоправимее, духом устремляясь к вершинам русской литературы, а образом жизни опускаясь к быту американской провинции. Мать Аня презирала одновременно за то, что та не перечитывала на ночь Достоевского и что призывала ее хоть раз в неделю наводить порядок в своей берлоге. Об остальных комнатах и речи не могло быть, давно уже была

нанята домработница Вера, но к себе Аня ее принципиально не пускала. Наташа подозревала: дочь опасается того, что малограмотная тетка сунет нос в неразборчиво исписанные листы... Очень ей надо!

Светофор поманил зеленым, противиться его мягкому приказу было невозможно. Тотчас накрыла бы звуковая волна нетерпеливых гудков, привлекла бы Анино внимание. Пытаясь поймать отражение дочери в зеркале заднего вида, Наташа немного проехала вперед, впервые надеясь, что движение опять застынет и ей удастся еще немного понаблюдать: какая она в одиночестве? Чему она так улыбается? Что нашептывает? Сочиняет свои бредовые то ли повести, то ли новеллы? Бессюжетные, странные. Наташе, которой она когда-то дала почитать, показалось — скучные. Никакой динамики. С тех пор Аня больше не показывала ей написанного.

Наташа понимала, что сама она далеко не художник. Но и потребителем себя не считала, ведь из кожи вон лезла, чтоб хотя бы улыбка ее родного города стала светлее. Если невозможно осчастливить всех его детей...

Аня бурчала, что мать впустую тратит время. Что людей нужно заставить не веселиться, а почаще задумываться. А сама только что улыбалась, уличила ее Наташа. И наверняка безо всякой особой причины. У нее нет любимого, который мог позвонить ей без повода. Университетские приятели еще проявляются иногда, но настоящих друзей, способных сообщить хорошую новость, у нее нет. И отец, которого Аня еще допускала к душе, сейчас далеко...

Она и сама была уже еле видна. Наташа невольно вытянула шею, чтобы поймать ее крошечное отра-

жение. У нее опять сдавило сердце: «Моя девочка исчезает, пытается совсем ускользнуть от меня...» И в этом была вся их жизнь: Аня существовала поблизости, но не вместе с ней. Со своими мыслями и улыбками, едва слышным бормотанием, самостоятельным пребыванием в мире, где Наташа тоже присутствовала, не более того.

Поток машин потек медленно, но верно. Наташа в смятении оглянулась: дочери уже и не видно, придуманный мир опять утянул ее, как мать и боялась когда-то. Разве у Ани есть определенная жизнь в этом мире, в этом современном городе, где Наташа чувствует себя как рыба в воде? То, что так презирает ее дочь — круговорот лиц и событий, бесконечные звонки, нужда в ней одновременно всех и каждого, распухший от записей ежедневник, — это позволяет Наташе чувствовать себя живой. Необходимой. Не зря проживающей жизнь.

А дочь именно это всегда презирала, считала суетой сует, недостойной рода человеческого. Наташа почувствовала, что закипает: «Целыми дни валяться на диване, размышляя о вечном, конечно, более достойно! А пожрать мама пусть в клюве принесет. Вся в отца...»

Этого дочери никогда не говорила. Не потому, что боялась обидеть... Иногда — ой, как хотелось хлестнуть побольнее, хотя бы фразой! Но как раз это для Ани не прозвучало бы обидно: ей хотелось быть похожей на Володю. То, что его режиссерская гениальность не признавалась никем, кроме нее, ну, еще и Арины, как выяснилось, не могло разочаровать в нем дочь. А вот то, что он впустил в свое личное пространство другую девочку, оттолкнуло Аню, обозлило.

И все-таки, не уехав вместе с отцом в провинцию, она тем самым не от него отреклась — от себя. Лоя острые, вприщур, взгляды дочери, Наташа с тоской думала, что Аня возненавидела ее за то, что мать удержала ее своей Москвой...

Из дневника в блоге Мантиссы

«Утром я закончила историю, которую писала больше года. Праздник? Сомнительно. Ощущение такое, будто потерял еще один близкий человек... Только обвинить некого, сама придумала своего героя, сама же ускорила расставание, хотя могла бы и десять лет писать. Большого раздражения у матери, чем то, что уже заработала, я все равно не вызвала бы.

Герой моего романа (как звучит!) тоже не как все. Как и я, как и отец, от которого отшатнулась, когда нужно было сделать выбор: а вдруг чужой?! Вдруг все, чем я жила до сих пор, было только иллюзией? Одной из моих фантазий. Как Алик. Хотя, признаться, его я все же не совсем придумала, а действительно встретила прошлой весной, кажется, уже в мае, на подходе к нашему дому, который еще был полон жизнью, потому что отец и брат были с нами и ничто не предвещало беды... В этой фразе обычно говорят «казалось». Но нет, не казалось! На самом деле никаких предвестников не было, кроме того, что родители уже давно смотрели *сквозь* друг друга. Точнее, она *сквозь* него.

Наверное, внутри ее тогда воцарилась такая же пустота, какую ощутила я, когда роман был закончен. И она попыталась заполнить ее другими

людьми, множеством людей! И меня тоже потянуло потолкаться в Москве, увидеть новые лица, упиться радостью оттого, что я закончила роман и что так тепло и тихо, и даже детские голоса звучат не раздражающе. Они сливались с птичьими возгласами, и казалось, будто дети — это просто большие птицы, спустившиеся на землю. Не страшные птицы. В прекрасном эгоизме своем совершенно не замечающие никого, кроме себе подобных.

Мне хотелось надыхаться воздухом своего города, собрать пыльцу с его вялых цветков и напитать их силой воображения, сделать их диковинными, яркими, гигантскими, поместив на страницы той повести, что задумываю сейчас. Думаю, в отличие от жестковатого романа об Алике сейчас получится немного странная легенда о девочке, запертой в подземелье и приручившей цветы, что росли возле ее решетчатого окошка. Вытягивая травяные шеи, они проникали в ее мрачную тюрьму и дарили ей свою красоту, свои яркие цвета. Постепенно они научились понимать язык друг друга. Ну, и так далее... Сказка. Ложь.

Вся литература — это, по сути, или сказка, или ложь. Ткань романа всегда или красивее, или ужаснее, чем настоящая жизнь. Все преувеличенно, слишком выпукло, неестественно ярко, даже описание отбросов и помоек. А жизнь — это такая тягомотина, такая серость или пошлость, что если описывать ее, не утрируя, то подобное никто и читать не стал бы. Скуотища. Но мы все тянем и тянем эту слюнявую жвачку, называемую жизнью, и даже не пытаемся совершить что-то из ряда вон, чтобы потрясти филистеров, живущих внутри нас и по соседству.

Мой герой, мой Алик не был одним из них. Я бродила по Москве, вспоминая, как прошлой весной неподалеку от нашего дома, под цветущим каштаном (выглядит чересчур картинно, но именно там он и стоял!), увидела странного парня, который, заслонившись рукой, смотрел на солнце и улыбался. Это не было гримасой человека, которому слепит глаза... И эта улыбка зацепила меня приподнятым краешком и понесла изогнутой пирогой в страну воображения, из которой я вернулась только сегодня.

В моей фантазии Алик получился жестче, чем на самом деле, потому что перемешался со мной. Я защитила своего героя, добавив той злой силы, которую не проявляю в миру, — коплю для творчества. Признаю, она сделала его менее обаятельным, ведь мгновенно очаровывают именно его мягкость, его улыбчивость... Темные волосы были спутаны теплым ветром, подбородок небрит, но большие глаза так и сияли, и потому Алик не производил впечатления бродяжки. В нем бурлила любовь к этому миру, который пока ничем особенно не досадил ему.

Терпеть не могу этой материнской особенности сразу выискивать лейбл, определять цену и тряпке и человеку в целом, хотя не так уж она проникательна, чтобы понять с первого взгляда — кто перед ней. Кем показался бы ей Алик? На нем были обычные джинсы и майка, все не слишком дорогое, но и не совсем ширпотреб. Мальчик из среднего класса. Как и я, собственно, если не брать во внимание особняк, который мать возвела, кажется, на собственных костях — так выкладывалась ради него.

В его улыбке была странная застенчивость, но что-то в темном взгляде сразу предупреждало о том, что это далеко не маменькин сынок.

— Ты видела? — заговорил он так, будто мы были давно знакомы. — Это же сапсан был! Сбил голубя, зараза... Жалко птичку! Но как он красиво это сделал!

— Я не заметила...

— А я услышал такой странный звук... Стремительный такой. И шуршащий, и свистящий одновременно. Ничего подобного до сих пор не слышал, — он так и захлебывался восторгом.

— Тебе понравилось наблюдать, как убивают?

Он уже стал мне интересен. С такой радостной улыбкой наблюдать за охотой хищника — на это не каждый способен. И голос у него был хорош — негромкий, мягкий.

— Алик, — вдруг назвалса он и даже слегка поклонился, прижав руку к груди.

Кисть у него оказалась длинной, я еще подумала: «Не музыкант ли?» Когда-то я сама училась немного, но мои руки были слишком малы, чтобы светлое будущее в музыке улыбнулось мне. Я повторила про себя: «Алик», — попробовала на вкус. Красиво, но чувствуется склонность к выпендрежу.

— Мне казалось, такие имена остались в шестидесятых...

— Так и есть! — весело сообщил он. — Я — типичный шестидесятник. Мне нравится то время.

И я поняла, что не смогу отпустить этого парня, пока не вытяну из него все соки. Стараясь не слишком заискивать, принялась уговаривать:

— Слушай, пойдём к нам. Что тут торчат посреди дороги? Здесь так мало живых людей... Тебя я тут вижу впервые.

Он на удивление легко согласился, и пока мы дошли до нашего дома, Алик уже рассказал мне, что приехал из Питера к бабушке. Последнее слово произнес как ребенок: трогательно и даже чуть пришепетывая. Сразу же захотелось погладить его по голове. И моя тщательно скрываемая ото всех привязанность к бабушке отозвалась нежностью. С нею бы жить в этом царском доме... Она чувствовала бы себя здесь вполне естественно, недаром мать за глаза иногда называет ее «маркизой». С презрительной интонацией плебея.

— Но бабушка не в курсе, что я уже здесь, — упав в гамак, объявил он. — Так что можем потрепаться немного. Так ты из этих?

И Алик кивнул на наш белоснежный особняк. Его длинные волосы пучками свисали между переплетениями гамака, и хотелось подергать их снизу.

— Нет, — отреклась я, даже не требуя уточнений. — Этот дом — на самом деле идея фикс моей матери. Она годами морила нас голодом, чтобы его построить.

В его глазах опять возник насмешливый блеск.

— Особо заморенной ты не выглядишь! Вполне соответствуешь современным стандартам. Особенно если тебя вытянуть сантиметров на двадцать!

— Почему шестидесятые? — нетерпеливо спросила я, сама себе напоминая паучуху, приготовившуюся до последней капли высосать кровь из своей жертвы.

Улыбнувшись, он принялся рассеянно накручивать волосы на указательный палец.

— Единственное десятилетие, когда в моде были интеллект, остроумие, эрудиция...

Чего мне, кстати, жутко не хватает, сам понимаю! — продолжал Алик. — Но, между прочим, тогда и романтика еще присутствовала! Эта склонность во мне тоже копошится... Я, знаешь, все детство в мореходку рвался. Питер, сама понимаешь! Кругом красавицы в бескозырьках... Но у меня вечно с легкими какая-то чертовщина была. Реакцию Манту как вколют, так полруки разбарабанит. В общем, не взяли меня...

— Сочувствую.

Приподняв голову, он беззлобно хмыкнул:

— Правда, что ли? А ты как к шестидесятым относишься? Аксенова читала? Ну, молодец... Какие люди тогда были, а? Физики, лирики... КВН, между прочим, придумали. А теперь если интеллектуал, так уж такой зануда! К тому же глубоко-глубоко закомплексованный из-за своей нищеты. А в те годы никого особо не интересовало, сколько у тебя в кошельке, который папа подсунул...

— Или мама, — буркнула я.

Он кивнул:

— Ну да. Только то, что ты сам собой представляешь. Мой дед — типичный шестидесятник. Ироничный такой, умный, зараза! Профессор Петербургского университета. Математик, а прочитал, кажется, все на свете! До сих пор в джинсах ходит. Это единственное, что у нас общего! А так я — дурак дураком рядом с ним... Он за меня универ окончил.

— А ты чем в это время занимался?

Его блеск поугас:

— Лечился я в это время.

Расспрашивать дальше было все равно что ковырять ножом незажившую рану. Но я никогда не была особо жалостливой.

— Легкие лечил?

— Не совсем... Вернее, совсем даже не легкие.

— А что тогда?

Конечно, первым делом я подумала о наркотиках, а он — совсем о другом.

— Не прокаженный я, не бойся, — усмехнулся Алик. — Хотя... В каком-то смысле... Я — игрок. Это, знаешь ли, тоже болезнь. Если меня пустить в казино, я не выйду оттуда, пока у меня хоть что-то будет за душой. Видишь, как все запущено!

— Достоевский тоже был игроком. — Я напонила это, чтобы как-то примирить его с собой.

Но Алику это, похоже, и не требовалось. И о Достоевском он знал все, я поняла это по тому, какая насмешка проступила в прищуре.

— Когда я проиграл отцовские медали, он и упек меня в больницу. Ему и до этого уже осточертело меня выкупать...

— Что за медали?

— Боевые, — пояснил он, на этот раз без усмешки. — Отец в Чечне несколько лет бился. За что — даже не задумывается. Мол, не его это ума дело, наверху виднее. Он — профи. С дедом они будто и не родня! Папа мой — настоящий полковник. А сын — дерьмо собачье. Это он сам про меня так говорит.

— А дед? Что он говорит?

Закрыв глаза, Алик молчал так долго, что мне показалось, будто он уснул. Я сорвала длинную травинку, которых благодаря нечеловеческим усилиям моей матери здесь почти не осталось (сплошной газон!), и хотела пощекотать нос Алика, но тут он неожиданно сказал:

— А бабушка, которая здесь живет, ни о чем даже не подозревает. Ее стараются не расстраивать, ей уже за восемьдесят. Она мою мать поздно родила, и я тоже младший в семье, брат давно женился, отдельно живет. А бабуля у меня — тоже уникальная. Но она не шестидесятница, она вообще вся из Серебряного века. С Цветаевой дружила. Правда, с младшей. Но она тоже, знаешь, была не лыком шита.

— Я знаю. Я читала ее «Amour».

Он даже приподнял голову:

— О! Надо тебе с моей бабушкой познакомиться. Как-нибудь... Если что, ее зовут М. В. Осколок высшего света, последняя его искра... Без шляпки и перчаток из дома ни ногой! Такой вот уникал. Только ты сегодня же не являйся, сначала ей мое появление пережить надо... Такой внучек — это, знаешь, не слабое потрясение для интеллигентной женщины! А отец ничего лучшего не придумал, как к ней меня отослать! Как в профилакторий — долечиваться. Знает, что я все-таки не такая скотина, чтобы пожилого человека огорчать. Буду смирно сидеть в ее домике с мезонином, беседы за вечерним чаем вести... Заходи в гости.

— Непременно, — отозвалась я светским тоном. — Ты надолго сюда?

— А это уж как мой папа решит, — впервые в его голосе зазвучала злость, но Алик тут же стер ее улыбкой. — Успеем увидеться!

— Я надеюсь.

— В том смысле, что ему не скоро захочется меня вернуть?

— В том смысле, что я не прочь встретиться снова.

Мне действительно хотелось увидеть его еще хотя бы раз. Потому что его история уже закрутилась в моем воображении, обрастая деталями, которые Алик утаил или которых не было вовсе. И едва простившись с ним, я бросилась в свою комнату, чтобы успеть донести до ноутбука порочное обаяние этого несчастного мальчика, которому никак не удастся сжиться с самим собой: не слишком умным, никем не любимым, попавшим в зависимость...

Но это было позднее.

— А мы еще не расстаемся, — объявил он и вскочил. — Пойдем!

Я даже не спросила: куда? Доверила ему свою руку, полетела следом, чувствуя себя воздушным змеем, которому он хочет подарить облака. Голубизна неба в тот день была теплой, мягкой, не такой пронзительной, как бывает зимой. И ладонь его тоже была теплой и казалась крепкой, надежной, хотя я уже знала, что лучше всего эта рука умеет ставить фишки...

Куда мы бежали? Была ли у него какая-то цель? Или ему, как обычно, нравился сам процесс, движение в неизвестность, где может повезти, а может, и нет. Но Алик так улыбался, оборачиваясь на бегу, что мне даже не хотелось задавать вопросы. Только подумалось, что во всем этом есть нечто романное, что люди не ведут себя так на самом деле, и, возможно, я уже придумываю и Алика, и этот день, который слишком хорош после нескончаемой зимней пасмурности, и себя саму, согласившуюся куда-то идти с незнакомым парнем.

Впрочем, как сказала бы моя мать, это как раз в моем духе: пойти не зная куда, чтобы найти там

неизвестно что. Похоже, я кажусь ей сказочным персонажем, этаким русским гоблином или Иванушкой-дурачком в женском обличье. Хотя это самое обличье я не особенно ощущаю... И обреченности носить свой пол не чувствую. Воспринимаю себя человеком и хочу, чтобы окружающие видели во мне то же самое.

Что видел Алик в тот день? И вообще — видел ли меня? Или его собственные фантазии, на которые он, как мне показалось, мастер, клубились вокруг, застыя глаза, и ему не удавалось разглядеть меня — реальную? Да не очень-то и хотелось рассматривать это маленькое, черненькое существо, похожее на ожившую кляксу, обряженную в шорты и топик.

Если б он увидел меня в тот день... Да, все могло бы сложиться иначе! И мне не о чем было бы писать в своем романе, потому что историю любви я сочинять не стала бы — не доросла еще до того, чтобы суметь описать это достойно, без соплей. Поэтому моя книга получилась скорее о нелюбви. О том, как она подменяет нам все возможные чувства, делая инъекцию анестезии прямо в душу. И мы перестаем замечать, как тусклеет мир вокруг, и небо затягивается серым, и цветы исчезают из поля зрения. Наверное, они остаются где-то рядом, буквально под ногами, но их мир уже воспринимается параллельным, которого не замечаешь в будничной жизни.

Однако в тот день все живое еще было с нами.

— Смотри!

Алик подтащил меня к старой березе, толстый ствол которой расходился на три. И начал пихать меня в этот трезубец, а когда я кое-как заползла туда, вскарабкался и сам.

— По идее, она выросла, — озираясь, пробормотал он. — А для меня стала ниже, чем лет пятнадцать назад.

Я стяхнула муравьев, которые деловито поползли по моим шортам.

— Ты часто сюда забирался?

— Да я вообще нечасто к бабушке навещался, каюсь! Но, знаешь, я так люблю Питер, что мне даже на каникулы не хотелось уезжать. Каждое лето на велосипеде гонял по городу и все время находил новые улицы, новые дворы. Это город, который невозможно узнать до конца.

Я ревниво заметила:

— Москву тоже. Она побольше Питера.

— Но в ней нет его магии, — возразил Алик. — Москва — это хаос. В ней хорошо жить тому, в ком самом такая, знаешь, полная упорядоченность.

— Это называется гармонией.

Но он мотнул головой, потер небритый подбородок:

— Нет, я не о том. Гармония — это уже просветление. Высшая стадия развития. Нирвана такая внутри тебя... А я говорю о порядке. Когда ты ясно знаешь свои цели и понимаешь, как их достичь. И ты идешь и идешь к ним, вот как мураши эти, — он щелкнул одного пальцем, — как те колонны офисных работников, которые цепляют с утра белые воротнички и становятся в строй. Вперед, к вершине карьеры! Вот им хорошо в Москве, потому что она хоть чуть-чуть их оживляет.

— А тебе нужны прямые улицы Питера...

— Потому что внутри у меня черт-те что! — кивнул Алик и сокрушенно вздохнул. — Я этим вовсе не

горжусь. В нашем с тобой преклонном возрасте уже пора бы как-то определиться...

— Мать без конца твердит мне об этом...

— И мой отец тоже. Будто это всем так легко дается: разобраться в себе, понять, в чем твое предназначение? Зачем вообще ты здесь? — Он взмахнул рукой. — В этом мире... Вот отцу всегда нравилось командовать людьми, и он подался в военные. И преуспел. А твоя мама?

Алик заглянул мне в глаза. Хоть он и доставлял близким массу неприятностей, глаза у него были добрыми, в окаймлении веселых морщинок... Впрочем, такой взгляд как раз и характеризует слабых людей, которые и не хотят портить окружающим жизнь, но ничего не могут с собой поделать. У моего отца похожие глаза, такие же темные и блестящие, как у Алика. И у меня самой...

— Моя мама стала тем, что сейчас называют бизнес-леди. Еще несколько лет назад она тамадой на свадьбах работала... А потом...

Нет, об этом я еще не готова была рассказать ему. Слишком много гноя выдавится из этой раны, если ее затронуть... И я продолжила уклончиво:

— Потом она предприняла кое-какие энергичные действия, у нее появился стартовый капитал, и ей удалось открыть свое агентство. В том же духе, конечно... Они проводят разные праздники, юбилеи, презентации и прочую дребедень. Развлекаловка. Ничего интересного. Вот мой папа...

И я поделилась с ним отцовской идеей будущего театра, уже существующего в его воображении во всех деталях, вплоть до рисунка на программках. Но на его создание тоже нужны были деньги, а мать не

проявляла желания подвести материальную базу под мечту своего мужа, даже когда ее агентство стало приносить доход. Ей важнее было достроить этот чудовищно гигантский дом, чтобы всем утереть нос, пустить пыль в глаза и причинить массу прочих неприятностей, которые всегда доставляет зависть. Только она ни разу не задумалась о том, что тот, кто ее вызывает, тоже вполне может навлечь на себя беду...

— Знаешь, — задумчиво произнес Алик, — а я ведь неплохо рисую. Большого художника из меня не вышло, но, может, твоему отцу понадобится декоратор... Я дорого не возьму! Я ведь из тех придурков, что за идею готовы работать. Особенно если будет крыша над головой и какой-никакой обед.

— Разве ты играешь не ради денег?

Он дернулся так, что я чуть не свалилась с дерева. Вместо улыбки мелькнул оскал. Я даже струхнула немного.

— Да как ты... — опустив голову, Алик будто подавил нечто вскипевшее в нем. — О-о, да ты совсем не понимаешь природы азарта! Деньги для меня вообще ничего не значат. Я запросто мог бы подарить тебе миллион, если бы вдруг выиграл. Тут ведь другое... Игра — это, знаешь, возможность проверить, насколько ты способен управлять событиями. Кожей почувствовать, где твое везение.

— Ты говоришь об интуиции?

— Не только, — Алик бросил на меня опасливый взгляд. — Не знаю, поверишь ли... Но я, честно, каждый раз пытаюсь заставить рулетку остановиться там, где нужно мне. Силой мысли, понимаешь?

— Конечно.

Обрадованно улыбнувшись, он с шаловливым видом закусил нижнюю губу, и лицо его стало совсем мальчишеским.

— Когда я научусь этому... Уже получается иногда! Нет, правда-правда! Но когда не станет проколов, тогда мне все будет подвластно, понимаешь?

— Ты тоже хочешь управлять людьми?

Он сразу нахмурился:

— Как мой отец? Нет. Только не это. Я еще и сам не понимаю, чем хочу управлять. Может, всего лишь собой. Своей удачей. Своими желаниями. Но у меня еще есть время разобраться с этим, правда?

Внезапно Алик прыгнул вниз и прошелся по траве той особой походкой, какой обычно выходят на сцену комики. Потом раскланялся — больше перед березой, чем передо мной.

— Любезнейшая публика! Сейчас вашему вниманию будет предложена пантомима!

Зачем-то вытерев ладони о джинсы, он взял в руки что-то невидимое, и вдруг я совершенно отчетливо увидела мольберт и кисть. Прищурившись, точно всматривался в натурщицу (которой вовсе не я оказалась), Алик мазнул кистью по одной из красок и нанес первый штрих. Его движения были лаконичны, но так выразительны, что мне почудилось, будто я и впрямь вижу то, что он рисует. Это была женщина. И это была не я...

Может, эта горечь и не позволила мне забыть о нем тотчас, как мы расстались у дома его бабушки? Он настоял, чтобы я проводила его и запомнила, куда прийти в гости. И с тех пор прошло уже больше года. Сегодня я дописала свой роман о нем... Он получился немного дерганым, как и сам Алик. Тем бо-

лее я смешала его с собой. Но та солнечная, ничем не подкрепленная радость, что сияла в его глазах, его детское желание повелевать обожаемым миром, в моей рукописи тоже есть. Кажется... Если бы Алик еще был тут, я попросила бы его почитать ее. Ведь нужно же убедиться, что написанное мной интересно еще хотя бы одному человеку. Рядом со мной нет такого человека...

Но и Алик больше не возникал в моей жизни. Я с головой ушла в историю, для которой он, живой, уже не был необходим, ведь персонаж, похожий на него, уже оброс плотью. А когда я вспомнила о реальном Алике и наведалась к домику М.В., то никого там не застала. Уже кончалось лето, и, видимо, полковник позволил сыну вернуться в строй...»

* * *

Когда-то Наташа рвалась уехать от своей матери за тридевять земель, но город не отпустил. Как можно было расстаться с женственностью московских холмов, с румяными баженовскими фантазиями, с тихой красой Новодевичьего монастыря, вблизи от которого родилась? К пруду у его изюбья бегала летом с мальчишками. В детстве почему-то лишь с ними дружила, наверное, опять же из-за матери: девчонки воротили от Наташки носы — дочка городской сумасшедшей!

Хотя Наташина мать никогда не бродила по улицам с малахольной улыбкой, какая сегодня, пугая, возникла на Анином лице. Наташа до сих пор поживалась, вспоминая: говорят, все дурные заболевания в третьем поколении передаются, как бы ее девочка не унаследовала...

У матери были свои «тараканы». Какое-то заблуждение ее детства, школьное прозвище Маркиза разрослись в ее больном сознании до того, что Варвара Игнатьевна и впрямь начала считать, что в жилах у нее течет голубая кровь, а челядь, ее окружающая, создана для услужения. Ходить на службу она отказывалась наотрез, даже когда ее просила об этом дочь. Которую она тоже, кстати, держала за обслугу, только изредка вспоминая, что они — одной крови.

От того, как мать разговаривала с соседями, Наташку в жар бросало. Но до какого-то времени она находила этому оправдания, ведь Варвара Игнатьевна и выглядела в своем дворе разорившейся аристократкой, и знала много такого, о чем простодушные соседки и не догадывались. Они, например, не слышали имени Аристотеля, не знали, кто такая Сафо, а мать свободно цитировала обоих. И сама что-то постоянно писала в коричневых общих тетрадках — обложек другого цвета тогда было не найти.

Все бы ничего, если б с каждым годом не разрасталось количество опасных странностей... Наташу приводило в бешенство, когда мать начинала огрызаться с дикторами, с садистской точностью возникающими на телеэкране. Вечно полуголая, обожающая свое полное, розовое тело, часами пролеживающая в облупленной ванне, вечерами мать устраивалась перед телевизором в старом кресле с потрескавшимися, облезлыми подлокотниками и корчила злобные рожи экрану. Всех, кто добился хоть мало-мальского успеха, Варвара Игнатьевна ненавидела просто неистово, потому что ей этот успех так и не улыбнулся. Скорее скорчил подобную гримасу...

В детстве голосистой, белокурой Вареньке прочили сценическую славу, потом экранную популярность и ждали от литературно одаренной девочки романов... Но романы хотелось не писать, а переживать на деле, и это увлекло до того, что ее начали считать нимфоманкой, сходявшей с ума из-за любых штанов.

До какого-то момента Наташка не понимала всего этого и до боли любила свою красивую, мягкую, когда прижмешься, всегда сладко пахнущую мать. Хотя жить на одни алименты, которые щедро выплачивал отец, было не так уж сладко. Но до школы Наташку это не слишком заботило, потому что в садик она не ходила и не понимала, что одета в обноски — гулять всех выпускали в чем похуже... И она до одури носилась по двору, самовольно расширяя его границы чуть ли не до Кремля. Загорелая, как головешка, длинноногая уже в шесть лет, вся в садинах. Зимой добавлялись синяки от снежков, разбитые на горке локти и колени. Тогда и в Москве зимы еще были снежными...

Но однажды мать вышла во двор в одной коротенькой розовой сорочке с транзистором, который подарил Наташке отец, и начала какую-то странную, непристойную пляску. Соседи собрались быстро — не каждый день такое зрелище увидишь! Слова «шоу» тогда еще и не слышали...

За Наташей прибежали давившиеся злорадным смехом девчонки:

— Там твоя мамаша такое вытворяет!

— Она вам не «мамаша»! — только успела огрызнуться она.

А сама уже мчалась к дому, увлекая за собой толпу мальчишек, которых сейчас ей меньше всего хоте-

лось видеть рядом. Но так уж сложилось, что они повсюду были вместе.

До сих пор помнилось, как резануло стыдом, даже скорчилась от боли. Как брызнули слезы... Как впились в горло ухмылки соседей по двору, впервые показавшемся сумрачным — каменным мешком. Никто не увел безумную женщину, не набросил халата на ее голые плечи. Наташе бросилась в глаза штопка на сорочке — неумелая, расплывающаяся. Мать никогда не была рукодельницей, да и готовить толком не умела. Вообще ничего не умела и не хотела учиться. Но только этим дочь в жизни ее не попрекнула бы. Как и нищетой, которая напомнила о себе этой штопкой, похожей на кривую, беззубую усмешку. Наверное, тогда Наташа впервые устыдилась их бедности, возненавидела ее.

Не позволяя вырваться наружу плачу, от которого уже сводило горло, она затолкала сопротивляющуюся мать в подъезд. А та неистово отбивалась:

— Пусти! Что ты мне вечно мешаешь? Они же все любовались мной. Ты видела, как мужчины смотрели на меня? А ты мне завидуешь, тощая уродина! Все мне завидуют!

Впервые открылось с изумлением, что мать видит в ней не только ребенка, но и подрастающую (в семь-то лет!) девушку. То ли ее так раздражала Наташина похожесть — льняные кудряшки светлым маревом вокруг лица, то ли сама принадлежность к тому же полу? Наташа потом прошла через то же самое: сына любила со звериной страстью, горло за него готова была перегрызть. Родилась бы мальчиком, узнала бы, каково это — чувствовать себя люби-

мым ребенком. Даже если б в отца удалась смуглостью кожи, точеной правильностью черт.

Мать иногда заговорщицким тоном нашептывала Наташе:

— Ты с их проклятым басурманским родом не имеешь ничего общего. Это я тебе говорю!

Что-то Наташа уже понимала в том возрасте, потому что от обиды за отца бросало в жар.

— Врешь! — сатанея, кричала она в перекошенное лицо матери. — Это мой папа! Ты все врешь!

Она любила его так же необъяснимо, как теперь Аня своего. За что? Никаких достижений на его счету не было, он преподавал в техникуме физкультуру, хотя и спортивным прошлым похвастать не мог. Звезд с неба не то что не хватал, даже не засматривался на них. Об олимпийских медалях не мечтал, жил простыми радостями: баня, рыбалка, телевизор... Наташа до сих пор не понимала: как они вообще сошлись с матерью? Ей-то по земле и ходить зазорно было. Презирала все, что ниже неба. Но вышла замуж за мускулистое, смуглое тело, родила дочку, как живое подтверждение того, что все-таки искра была...

С Наташей они не виделись по полгода (отец жил во Владимире), при встречах стеснялись друг друга, не могли найти тем для разговоров. Но раставались мучительно, и она долго не могла прийти в себя. Ночами едва не плакала от обиды за себя, за то, что опять не смогла показаться отцу умницей-красавицей. До жути боялась, что он разочаровался окончательно и больше никогда не приедет. А зачем? Бестолковое мычание ее послушать?

Но почему-то он приезжал, и они гуляли по Москве как взрослые — под ручку. Иногда он шалил:

— Пусть думают, что ты — моя юная любовница.

От этих слов ее передергивало, но даже ему Наташа не смела сказать — почему? Никому вообще не обмолвилась ни разу, и сама старалась скомкать и затолкать в самый темный уголок памяти. Что там? Уже и не помнится... Лучше об отце думать. Он — это самое светлое, хоть и темнолик.

Было что-то глубинно правильное в том, что отец жил в таком «мужском» городе, а безумная мать — в Москве. Когда он умер от инфаркта, Наташа зарыдала, еще не дослушав, что ей говорит по телефону его соседка. А маленькая Анечка, которой и четырех лет тогда не было, забралась к матери на колени и очень серьезно сказала:

— Дедушка умер, да? Ты не плачь. Он сейчас на третьем небе, ему хорошо. Правда-правда!

А ведь Наташа еще не произнесла вслух ни слова, никому не объяснила, что случилось и отчего она разрыдалась. Анины слова так поразили ее тогда, что она и впрямь успокоилась. А через несколько лет ей попалась книжка, в которой говорилось об устройстве Вселенной. И там было описано то самое «третье небо». Там действительно было хорошо... Откуда Аня узнала это?

Когда стали писать о детях-индиго, Наташа с некоторой опаской начала искать общие признаки. Но в отличие от того сообщества пришельцев ее дочь никогда не выдавала никаких откровений об устройстве их мира и Вселенной в целом.

Наоборот, иногда такие вопросы задавала, что Наташа терялась:

— Мама, вот наша Земля входит в Солнечную систему. А за ней — что? Ты можешь представить Все-

ленную? Как это понять, что она — бесконечна? Летишь, летишь, и ничего нет? Одна пустота? Это же страшно!

Наташу тогда даже напугал этот недетский интерес, ей почудилось, что с девочкой не все в порядке. Бабушкина наследственность никогда не позволяла расслабиться, все детство следила за своими малышами: никаких странностей?

Кажется, она так ничего вразумительного и не ответила тогда дочери. Попыталась заговорить с ней на более подходящую, «детскую» тему, но Аня сразу потеряла к разговору интерес. Может, с тех пор к отцу с такими вопросами обращалась? Наташа не знала этого. Некогда было расспросить его...

Дневник в блоге Мантиссы

«Бабушка говорит, что моя мать с детства обожала деньги. И эта страсть заставляла ее жирные полы в столовых вылизывать за копейки. И кое-что еще делать... В это страшно поверить, и бабушка не говорит этого напрямую, когда мы сидим с ней в блеклом холле психушки, но доверительно (а кому еще ей доверять?) шепчет: «Ну, ты понимаешь, о чем я... С детства она не давала мне устроить личную жизнь, вечно вертела хвостом перед моими мужчинами. У меня ведь было много поклонников... Но хорошенькая девочка, если она одержима дьяволом, всегда может вытянуть из мужчины деньги. Ну, ты понимаешь... Эта их порочная страсть к школьницам, в коротких форменных платицах... Она даже в десятом классе в таком ходила, что еле попу прикрывало! А ведь мини уже вышло из моды, все де-

вочки ниже колен юбочки носили. Теперь ясно, почему сейчас она катается как сыр в масле?»

И хотя мне ни разу не представилась возможность уличить мою мать в неверности отцу, я действительно ясно вижу пухлые губки ее младенческой поры, капризно выпяченные, сладкий сок которых, со слов бабушки, сосали все окрестные мужики. И перепачканные слюной белокурые кудряшки, всю ее кукольную физиономию, которая до сих пор сохраняет младенческий вид, хотя моей матери сейчас уже сто лет! Но, видно, внешне ее законсервировал глубинный инфантилизм.

Тогда ей не терпелось отведать взрослой, женской жизни, зато теперь она порой ведет себя как ребенок, не понимая, что такая непосредственность раздражает. Мне так часто бывает стыдно за нее, особенно на людях, потому что мать совершенно не умеет себя вести. И если (редко-редко!) мы выходим куда-то вместе, мне постоянно приходится ее одергивать.

Но я не могу находиться с ней постоянно, потому что меня стошнит от той чепухи, которой мать занимается, считая это делом жизни. А она, похоже, не вспоминает ни обо мне, ни о естественных нормах поведения, когда находится вне дома...

Наш дом — это отдельная история. Она твердит, что строила его для нас всех, для семьи, и кованые решетки заказала в память о давней поездке в Испанию, когда мы все действительно были счастливы. Но я уверена, что с самого начала мать задумывала избавиться от нас и соорудить памятник при жизни только себе, любимой. Своему чертову трудолюбию, которым она так кичится! Все, мол, своими руками заработала, смотрите, люди добрые, оказывается,

можно! Торжество тупого труда. «Колхозница» Мухиной...

Меня она откровенно презирает за то, что не шустрю, как большая часть моего поколения, сделавшего из денег культ и смысл жизни, а не способ вознаграждения за труд. Это слово «труд», кажется, вообще скоро исчезнет из словарей, потому что все меньше остается людей, которые помнят его смысл. То, что я пишу, она не считает трудом. Хотя творчество — это единственное, в чем русские могут конкурировать со всем миром. Только ей этого не понять. Она и свою работу считает творческой! Иногда мне кажется, что мы говорим с ней на разных языках.

И так было с самого детства: она всегда пыталась говорить со мной, как с умственно отсталой, хотя я уже в два года все понимала во взрослой речи. Наверное, потому, что брат был младше меня, в сознании матери и я неизменно опускалась на его уровень. Меня бесило то, что она сюсюкает со мной, я требовала естественного уважения, а ей казалось, что я капризничаяю.

Бабушка разговаривала со мной, как со взрослой. Точнее, она общалась сама с собой, и спорила, и даже кричала. У нее всегда находился невидимый собеседник, порой даже диктор на телеэкране. Ленька боялся бабушки до жути, отказывался ходить к ней в гости, тем более она никогда ничем нас не угощала, наоборот, ждала подношений. А мне было интересно, я ловила каждое слово. Она читала вслух стихи, чему я научилась у нее, поняв, как важен звук, его вибрация в воздухе. Имена и лики Цветаевой, Есенина (казалось бы, несовместимых!) сизыми тенями витали, сливаясь, вокруг ее прокуренного

ложа. Замерев в уголке, я пропитывалась атмосферой квартиры, из которой мать выжила бабушку, оправдавшись перед собой и любопытствующими соседями, что важнее создать условия детям. За нами ей виделось будущее! А старуха, которой тогда было от силы лет пятьдесят, может и в психушке свой век дожить. Ведь совсем уже гусей гонит...

И я лишилась предмета обожания. Отцу тогда уже было не до меня, он углубился в поиски концепции нового театра. Рылся в книгах, бегал по друзьям... Мать же сводила наше общение только к быту. Ее непонимание доводило меня до того, что я начинала беситься: швыряла в стену фарфоровых слоников, которых она «обожала», выдавливая ей в туфли зубную пасту. Она приходила в ярость и тащила меня в бывшую бабушкину комнату, чтобы запереть, а я визжала, что когда-нибудь припомню ей это. И сама дурела от своего крика...

Наверное, тогда я и пристрастилась к одиночеству, болезненно втянулась в него, и это теперь так бесит мать. Того, что сама же впервые и закрыла меня, вынудив углубиться в себя, она уже не помнит.

Мы и теперь понимаем друг друга ничуть не лучше. Вернее, она-то для меня — раскрытая книга. Бульварный роман. А для нее то, что пишу я, — чудовищная тягомотина. Двусмысленное слово «писульки» звучало уже не раз. Она считает это блажью или болезнью, или затянувшимся детством, уж не знаю... Я по глазам вижу, как она пытается разгадать меня, понять, почему я осталась с ней. Ведь при всей ее глупости она не настолько тупа, чтобы не понять, что мы с ней — разных планет.

Их поколение сорокалетних с лишком, бывших пионеров-комсомолок, отравлено всей этой чушью насчет того, чтобы «не было мучительно больно...» Только вот «бесцельно прожитые годы» мы с ними понимаем по-разному. Их муравьиное карабканье к однажды намеченным вершинам вызывает у меня желание со всего маха дать битой по ломким коленкам, чтобы раз и навсегда остановить это тупое движение.

И, может, однажды я решусь на это...»

* * *

Уже оставив машину, Наташа подумала, что надо было заезжать на Поварскую через Садовое. Раза в два быстрее добралась бы, хоть и до разворота перед Новым Арбатом лишний километр. Взглянула на часы:

— Ох ты, боже мой!

Опоздание в сорок минут было не в ее стиле. И подумалось, что это дочь, встретившись, задержала, подставила подножку. Иначе отчего так ноет ушибленная душа?

Бедолаги-музыканты наверняка еще ждут. Куда им деваться? Утром Наташа слышала по радио в машине, что Москва обошла другие столицы мира по числу симфонических оркестров, и ощутила невольную гордость за Отечество. Хотя подумала при этом, что самим музыкантам такой рекорд вряд ли в радость: конкуренция в любом деле снижает тарифы. И потому студенческий квартет из Гнесинки, который она собиралась использовать в своих мероприятиях, будет ждать еще час, если потребуется.

Об этом подумалось не с пренебрежением — с состраданием. Чувством, в общем-то, непростительным в бизнесе, но Наташа всегда делала поправку: русский бизнес имеет свои особенности. Как и национальная охота. Настоящие акулы в наших водах не приживаются... В каждой можно найти что-то человеческое, надавить на особую, не надорвавшуюся от натуги струнку...

В Наташиной душе сейчас тихонько звучала память о мальчике с третьего этажа того дома, где прошло ее детство. Он играл на виолончели... Каждый день таскал эту бандуру, как называли ее соседи, в музыкальную школу в двух кварталах. Теперь ее, кажется, уже нет там, офисные наросты сожрали... У виолончели был густой, печальный голос, от этих звуков почему-то тянуло заплакать, даже когда игрались гаммы. Видимо, он был талантлив, этот Наташин сосед, потому что обычно ученики школ играют на этом инструменте так, что мухи дохнут от тоски. А он умел извлекать музыку...

Этот мальчик был старше ее на несколько лет, и они даже не здоровались во дворе. Может, он и не замечал вовсе маленькую, белокрытую девчонку... Но и спустя тридцать с лишним лет, когда Наташа слышала виолончель, ей вспоминалось, какие у него были спокойные серые глаза. Глубокие, как та музыка, которую он любил. А имя забылось... Может, она и не знала его никогда. Взгляд и музыка — вот что было для нее главным.

Потому-то Наталье Малаховской так хотелось дать работу этим безвестным музыкантам, которых она еще не видела. Может, тот ее мальчик — из их сообщества непризнанных гениев? Без иронии, не как о муже.

Если уж к Баху истинное признание пришло через двести лет после смерти... Ей действительно хотелось помочь им, раз это в ее силах. Хотя она старалась и не задумываться, не пытается ли искупить тем самым свою непризнанную вину перед мужем, которому не помогла. Не захотела помочь. В последний год Володя отчаянно искал денег на постановку, в провале которой она была уверена, как за последний шанс цеплялся. А Наташа не рискнула теми средствами, что могла бы вложить... Хотя дом уже был построен, казалось бы, можно было откликнуться. Но напрямую супруг не просил, только со страдальческим видом рассказывал вечерами о своих безуспешных попытках найти мецената в самом богатом городе мира...

Дочь тоже не просила у нее денег на издание книги. Да и сложились ли она — эта книга? Кому она нужна? Выпустить ее и свалить тираж в подвале? Наташа сжимала зубы: чем они оба, всю жизнь палец о палец не ударившие, заслужили, чтоб она осуществляла их мечты? Они, презирающие ее работу...

А с этими музыкантами другая история, они оказались необходимы Наташе: элитные клиенты все чаще заказывали классический репертуар. Потуги казаться аристократией? Или впрямь душа начала просить? Это было не ее дело, она только выполняла пожелания клиентов. Важных для нее, потому сама и отправилась на прослушивание, на этот раз не доверившись мальчику, который обычно подбирал музыкантов. У него Мерзляковка была за плечами, он бы с первых звуков понял, стоят ли эти ребята тех денег, которые Наташа собиралась им платить. Но ей важно было взглянуть на них глазами не профессионала, а своего потенциального заказчика.

Навстречу ей рванулось узкое, смуглое лицо, чуть косящие лисьи глаза сошлись к переносице. Черные кудри надо лбом врасстопырку. Семенящая походка вечной старушки, хотя встречающая была явно не старше Наташи. Какие-то жуткие туфли-калоши без каблучков...

Замерев, она ужаснулась про себя: «Неужели мне придется выпускать *это* на публику?!» *Это* остановилось в паре метров, и Наташа перевела дух, потому что уже почудился дурной запах изо рта.

— Здравствуйте, здравствуйте! Виновата — каюсь! Очень не люблю опаздывать. Вы — Лидия Владимировна, правильно?

Постаралась, чтобы это прозвучало приветливо, по крайней мере, без опаски. И тут же испытала облегчение еще большее.

— Нет-нет! Я — мама одного из мальчиков. А вы — Наталья Евгеньевна? Мне так вас и описали: шикарная блондинка.

«Это издевка? — задохнулась Наташа. — Как будто я не знаю, что в устах этих интеллектуалов «блондинка» уже приговор!»

— Даже так? — Она постаралась улыбнуться. — И кто же, интересно, меня так описал?

«Так и думала, что у нее выпирает верхняя челюсть. А ведь хороший человек, наверное... Мать музыканта. Но этот прикус... Вот когда нижняя немного выступает вперед — это так мило. По-детски как-то...» — Наташа дала себе слово не заглядывать больше ей в рот.

— Мой Шурик на сайт вашей фирмы залез...

— Шустрый Шурик.

Лисьи глазки вдруг засветились так, что Наташе увиделось лицо своего сына.

— Он у меня хороший мальчик.

«И у меня — хороший! — стоном откликнулось внутри. — Мой благородный юный рыцарь... Разве я думала, что однажды ты отречешься от меня?»

Уже вошли в лифт, и Наташа повернулась лицом к двери, как делала всегда, чтобы хоть положением тела оградить свое личное пространство. И вдруг... Светлые завитки, насмешка в голубых глазах, плечи уже мужские, а рот детский... Она рванулась к выходу, но створки звучно сошлись перед лицом, заставили отшатнуться.

«Это был он?! Ленька? Откуда?» — Ее длинные ухоженные ногти впились в ладони. Она постаралась удержать дыхание: «Очнись, очнись. Это не он... Что ему делать в Гнесинке? Он же не музыкант... Господи, но я же видела его!»

Она постаралась убедить себя, что сын только померещился ей. Это был кто-то похожий. Преступно похожий. Расслабив пальцы, Наташа украдкой взглянула на ладони: остались вдавленные скобки. Что — в скобках?

(Маленький мой... Что с нами случилось? Почему мы перестали слышать друг друга? Я разговариваю с тобой постоянно, делюсь всеми новостями, всем смешным, что встречается за день, как было раньше. А ты не слышишь... А вдруг и ты говоришь со мной, пытаешься достучаться через Космос, но уши сдавлены тишиной, я не различаю твоего голоса?)

Почему так жжет руку телефон, когда собираюсь позвонить тебе? Сотня звонков за день дается легко, но главный никак не получается сделать. Хотя ведь мысленно уже простила тебя, твое отступничество. Сво-

ими благими намерениями ты устал мою дорогу в ад... Но я понимаю, что ты поступил как мужчина в свои семнадцать. Только это так глупо, так несвоевременно... Что ты будешь делать в этой глуши? Куда пойдешь учиться? Ведь сейчас уже надо поступать, выпускные балы отвальсировали... Хочешь повторить судьбу своего отца, погрязшего в обидах на мир, укутавшегося в свою неопцененность? Какая незавидная судьба...)

Лифт расторопно доставил их на седьмой этаж. Наташа машинально отметила цифру, посулившую везение. Впрочем, это музыканты, наверное, молились сейчас за свою удачу: пусть эта Малаховская расчувствуется от их игры и вознаградит работой. Ее застарелый комплекс опять дал о себе знать: «Я хоть смогу оценить то, как они исполняют? Что я соображаю в этом со своим дипломом «кулька»?»

— Струнники на этом этаже.

— Замечательно, — откликнулась Наташа. — Им вообще здорово повезло в жизни, верно? Учиться в Гнесинке — об этом тысячи музыкантов мечтают.

Быстро оглядевшись, сопровождающая шепнула:

— А они называют ее «шарагой».

Наташа воздела глаза к потолку, подразумевая небо:

— Пацаны! Не ценят того, что у них есть...

И с любопытством огляделась: вокруг стайки студентов, на вид обычных ребят, обрывки анекдотов долетают, воздух густеет от сленга. Но девочки у окна вдруг начали напевать, что-то доказывая друг другу:

— Да ты неправильно интонируешь!

Наташа улыбнулась. Теперь, когда дочь окончила университет, уже не доводилось окунаться в атмос-

феру студенчества, которой ей самой и не довелось надыхаться. Сколько раз собиралась поступить в институт, получить наконец высшее образование, но дети появились рано, по нынешним меркам даже слишком, а надежда на то, что Володя сможет прокормить их всех, не возникала вовсе. Конечно, с ее работой не постареешь, вся жизнь — как подготовка к «Студенческой весне», но настоящего братства одноклассников, с которыми хотелось бы встречаться и переписываться на сайте, в Наташиной жизни не случилось.

Время от времени, правда, проявлялись те, с кем вместе оканчивали училище культуры, но ее такие встречи не радовали, потому что эти хронические неудачники просились работать у нее, а Наташе были нужны молодые и резвые. Только на днях пообщались в кафе с тем, кто в их «шараге» был звездой, кумиром девчонок с московских окраин. Андрей сам позвонил ей, напомнил о себе, попросил о встрече. Припомнились темные волосы «домиком», тягучий взгляд... На нее он не действовал даже в те годы, но поговорить Наташа согласилась.

И пожалела об этом, только увидев его: серые мешки под глазами, пары зубов не хватает, голова наполовину седая. Если б не была уверена, к кому идет, не узнала бы...

Но она просияла навстречу, как любому другому:
— Андрюшка! Сколько лет...

И самой стало скучно: какой предсказуемый разговор! Сейчас эта развалина станет жаловаться на жизнь, винить в своих неудачах всю Вселенную. Она слышала это уже сотни раз. Можно было подумать, что на нее манна небесная просыпалась...

— ... и я бегал, как пацан, по их гримеркам, минералку разносил. Не дай боже перепутать! Любой из этих безголовых засранцев мог мне в морду плюнуть, если «Ессентуки» ему не с тем номером принесу. Да, кроме шуток! Ты не представляешь, Натаха, чего я натерпелся...

— Бедненький, — наспех пожалела она и скосила глаза на часы. Но так, чтобы он заметил.

— Торопишься? Все нынче торопятся... Вся жизнь в спешке.

— А где Зоська? — вдруг вспомнилось ей. — Помнишь, ты жил в общежитии с Зоськой Коваленко? Вы не поженились?

Отвисшие собачьи брыли даже подобрались.

— Да что ты! Кто же так рано женится? Это ж априори значило крест на себе поставить.

— Правда? — Наташа усмехнулась, на миг почувствовав себя Федотом-удальцом, вынырнувшим из крутого кипятка невредимым и помолодевшим. — А я вот не побоялась. И не пропала, как видишь!

Он до того раздул щеки, что проступили красные прожилки, потом протяжно выдохнул:

— Ну... Я слышал. Ты, Наташка, уника. И в этом плане, и вообще.

— Просто женщина, — отозвалась она. — Я не могла позволить себе пропасть. Это мужчины любят себя жалеть, а нам просто некогда. — И напрямик спросила: — Тебе работа нужна, Андрюшка? Очень жаль... Нет, правда! Но у меня штат укомплектован, мне нечем тебе платить. И потом... У меня же не ребята, а просто школа начинающих волшебников — такие чудеса придумывают! Ты не потянешь, Андрюшка. Ты уже выдохся для чудес.

— А сторожем? — печально спросил он.

Она улыбнулась, поднявшись:

— У меня сигнализация. Мне не нужен сторож...

«И одной такой рожки было бы много!» — обыграла она мысленно.

И рассталась с однокашником без сожаления, а сейчас, в коридоре Гнесинки вдруг опять на миг затосковала о том времени польских джинсов и пластиковых пакетов, которые были на вес золота. Тогда «Машина времени» взрывала сознание, и никто точно не знал, как пишется слово «кроссовки». В те дни фонтаны еще не умели петь, но воздух звенел от солнца... И она так и не стала студенткой, потому что влюбилась в Володю по уши.

Потом вроде бы и нужда в учебе отпала — работы ей всегда хватало за глаза, но страх перед собственной некомпетентностью остался, застрял осколком давно отшумевшей войны и время от времени давал о себе знать.

Как сейчас в лифте, когда подумалось: «А если эти скрипачи-виолончелисты скажут: «Да что ты понимаешь в настоящем искусстве?! Со своим училищем культуры...» И ведь будут правы... Что я в самом деле понимаю? Как та кошка из какой-то повести, о которой Аня рассказывала... Кошка всегда выходила послушать «Адажио» Альбиниони, это я запомнила. Садилась перед колонкой и замирала. Чувствовала эту музыку. Я тоже только чувствую. Но разве я смогу объяснить, почему это — хорошо? Или плохо. Да и нужно ли это объяснять?»

На лицо налипла уже привычная маска приветливой снисходительности. Будто в зависшую между ветками паутину ткнулась на бегу. В детстве не передергивалась, если такое случалось, потому что любила сказку «Пинкере», а в ней паучихой была

добрая и трудолюбивая девушка. Какой она сама старалась быть. Трудолюбия ей всегда было не занимать.

Сопровождавшая Наташу тетушка семенила впереди, но то и дело оглядывалась и улыбалась, пытаясь подогреть в благодетельнице желание послушать ее сына. Шустрога Шурика.

«А ведь в душе она презирает меня, — внезапно догадалась Наташа. — И ненавидит. Сейчас ее сын зависит от меня больше, чем от нее. И она уверена, что я этого не заслужила... Сама, наверное, с консерваторским образованием. В калошах... Из рта несет голодной гнилью. Все нищие презирают богатых, тем и держатся. А богатые борются с чувством вины перед бедными... Хотя моя-то вина в чем? Ничего не украла, никого не убила ради денег. Да и не так уж я богата, хоть пахала как проклятая всю жизнь. Если б ее драгоценный Шурик так работал... Рассказывали, как маленький Дениска Мацуев часами за инструментом сидел. Так вот и вышел толк!»

Она услышала, как донеслось из кабинета:

— А эта певичка говорит: «Я хорошо пою, не сомневайтесь! Особенно «Авиа Мария» получается!»

Хохот вышел разноголосым. «Над чем они смеются? — не сразу сообразила Наташа. — А, эта дуручка сказала: «Авиа...», вот что... Не опозориться бы перед ними!»

— Сюда! Прошу вас, Наталья Евгеньевна! — Мать музыканта, имя которой так и осталось не признанным, пошире распахнула перед ней дверь.

«Боже мой! — Ей захотелось немедленно выйти из кабинета с ободранной кожей. — Голь-то какая... Как они могут играть в таких условиях?»

Это заметила прежде, чем лица музыкантов. Они наплывали на нее постепенно. Сначала увиделись мальчики, наверное, уже считавшие себя мужчинами. Заносчивые, но до пота на ладонях взволнованные мальчики, прекрасные своей юностью. Один светловолосый, легко краснеющий — стоило ей взглянуть, как его щеки тут же залило жаром. Виолончелист, напротив, невозмутимый, ироничный даже в молчании. Темные кудри так и просят пружинистого прикосновения ладони.

Волосы третьего, стоявшего у окна, серебрились ковылем. Он взглянул на нее, кивнул и опять посмотрел на что-то под окном. Наташе внезапно представилось, что внизу этого мальчика ждет та длинноволосая, похожая на свежий бутон девушка, которую она заметила в толпе. Они подошли бы друг другу...

«Про нас с Володей говорили, что мы — безумно красивая пара. Белое и черное. Все, не нужно об этом! Кто из них тот шустрый Шурик?» — Наташа попыталась определить похожего на мать, но ни у одного из них не выпирала верхняя челюсть.

— Добрый день, ребята, — произнесла она сдержанно, хоть и улыбнулась. — Извините, что вам пришлось подождать. Ну что, вы готовы?

Решила, что не нужно их обнадеживать, вдруг ей совершенно не понравится их исполнение или не подойдет репертуар? Ждать, пока они разучат что-то новое, некогда, музыканты нужны к четвергу — юбилей одного человечка намечается.

Девушка откликнулась раньше и звонче других. Только тогда Наташа и заметила ее спокойный, серый взгляд — знакомый! «Не может быть, — отшатнулась она и потянулась снова. — Таких совпадений

не бывает... Да если даже... Если это и впрямь дочь того мальчика из нашего двора... Ведь он, наверное, стал музыкантом, вон сколько оркестров в Москве, как выяснилось. Сидит в какой-нибудь яме... Но для меня что это меняет? Мне нужен профессионал, я по протекции на работу не принимаю».

Но в душе беспокойно зазвенели крошечные, слабенькие колокольчики, какие дарят на память в день Последнего Звонка. Чтобы детство иногда подавало голос, когда во время генеральной уборки затронешь коробку со старыми реликвиями и замрешь на секунду, соображая: «Что это?»

— Я попрошу вас исполнить отрывки, — оживленно заговорила Наташа, пытаясь заглушить этот непрошенный звук. — Честное слово, мне хотелось бы прослушать программу целиком! Но совсем нет времени. Вас должны были предупредить.

«У меня нет времени! — откликнулось в душе стыдом. — Еще бы! В четыре меня ждет тот парень, Сережа... Номер уже забронирован, шампанское охлаждается. Это будет приятней музыки? Что выразит взгляд этой девочки, если я скажу ей: «Мне некогда слушать твою скрипку, мне не терпится забраться в койку с очередным...» Кем? Разве его можно назвать любовником, если мне даже неинтересно, что он за человек? При чем же здесь любовь?»

— Да, нас предупредили, — ответил маленький белокурый скрипач, которого так и хотелось назвать «блондинчиком».

Иногда она так сына дразнила... А этот, наверное, и не понял бы, что это цитата из дурацкого, но смешного фильма о поросенке, которого так называла одна обезьяна. Наташе вдруг стало весело:

она — обезьяна, кто же еще? Всю свою жизнь она дурачится и прыгает, что-то изображая, кривляясь. И все пытается достать самый спелый, самый сладкий банан. Но он висит так недоступно высоко, что пока обезьяна охотится за ним, ее детки успели вырасти, и теперь некому принести его. А самой так ли уж нужна эта добыча?

Оглядевшись, Наташа увидела единственное кресло, явно приготовленное для нее, и, не уточняя, села.

— А где же Лидия Владимировна? — вспомнила она. — Я так поняла, что она ваш... импресарио. Или как там это у вас называется? Не продюсер же?

— Вообще-то она замдиректора, — пояснила девушка.

— К ней там родители одного парня пришли, его чуть не отчислили, — охотно пояснил курчавый виолончелист.

Скрипачка фыркнула:

— Из-за физкультуры! Пропусков — на целое столетие... Но это ведь всего лишь физкультура!

— Да не только из-за этого... Он же Литавре схамил. Не очень умно с его стороны...

«Хорошенький еврейчик», — успела подумать Наташа прежде, чем «блондинчик» упрекнул:

— Шурик, ну кому это интересно?

Она раскрыла глаза: «Это — Шурик? Вот неожиданность... У такой страшенькой тетки родился симпатюлька. Каприз природы. Не может же папа быть красавцем? Каким ветром такого надует ей в постель? Сюрпризы искусственного оплодотворения?»

Ей захотелось зажмуриться: к чему такое раздражение, зависть, что ли, гложет? Этот случайный Се-

режа, что недавно звонил и уже, наверное, дожидается в отеле, тоже ничего... Но ничего — это и есть ничего. Вакуум не может заполнить ни душу, ни жизнь. Володя справлялся с последним, хотя в душе у нее всегда было пусто. Точнее, с какого-то неуловимого момента...

Почему она так быстро перестала верить в него? Не стала для него той одержимой женщиной, которая одной силой любви способна удержать художника на плаву... А Наташа первой решила, что режиссер из него средненький, даром что студентом надежды подавал. И в московский театр его не возьмут никогда... Володя перебивался постановками в подмосковных ТЮЗах, где от него тоже не были в восторге, но их скудные бюджеты не позволяли приглашать мастеров высшего класса. Он, как водится, плакался, что если б дали денег на постановку, да позволили ставить то, чего душа просит, да других бы артистов, да прежних зрителей...

— Я сама тоже гостей на свадьбу не выбираю, — пыталась пробиться Наташа. — Надо работать с теми, кто есть.

Он выслушивал молча, но ей слышался отклик: «Ты всего лишь тамада. Как ты можешь сравнивать себя со мною?» Ее так и тянуло продолжить: «Со мною, с самим Балдою...»

...Заставив себя очнуться, Наташа вслушалась в музыку: вроде звучит проникновенно. И следом подумала, что так, наверное, оценивают только дилетанты, не способные копнуть глубже.

«Среди заказчиков тоже будут дилетанты, — успокоила она себя. — Я потому и пришла сама... Главное, чтобы четверговому юбиляру ласкало слух».

Она заглянула в листок с программкой: Вивальди. Это хорошо. Вивальди все знают.

— Достаточно, ребята, — остановила Наташа. — Давайте дальше.

Хотя это было вовсе не обязательно, ведь про себя она уже решила, что берет их. Ребята хорошо смотрятся, что тоже немаловажно. А играют так очень прилично, по крайней мере, на ее вкус.

Но следующий отрывок вдруг зацепил. Звуки будто взволновались в темной глубине, пошли кругами, которые то расходились, то снова сжимали сердце. Заставили Наташу выпрямиться, попытаться продохнуть, словно боль могла оказаться физической. Скользя взглядом по листку, нашла имя Рахманинова и слегка удивилась: всегда думала, что он писал только фортепианную музыку. Что-то слышала и его, и о нем... Нахваталась по верхам, а это оказалось так глубоко, что воздуха не хватило.

Ей захотелось зажмуриться: «А что, если это все же был он? Там, возле лифта? Вдруг мой мальчик приехал, нашел меня, а я не поверила своим глазам? Сколько раз за жизнь человек так упускает свое счастье...»

— Хватит!

Наташа выкрикнула это и затихла, уже сообразив, что выдала себя, показала чужим людям свою боль. Потом попыталась оправдаться:

— Рахманинова я неплохо знаю. А вы неплохо исполняете. Что у вас еще есть?

— Гендель, — за всех отозвался Шурик. — Генделя знаете?

Если бы он не спросил этого, не позволил себе взглянуть на нее с высоты своего таланта, не напомнил бы в этот миг ее дочь, которая часто колола по-

добным: «Ты хоть знаешь это?», Наташа наняла бы этих ребят. Но Шурик испортил все... Аня испортила...

И выслушав Генделя, Наташа проговорила достаточно жестко, чтобы никому не пришло в голову ее уговаривать:

— Извините, вы мне не подходите. Не тот уровень.

* * *

Надо было баюкать и нежить это младенческое золото волос, а она была слишком сердита на себя и набросилась на этого банкира с есенинским именем в исступлении. Как-то дочь сказала ей, что Есенин — не поэт, так, рифмач, и Наташа растерялась, потому что только его стихи и были с ней созвучны. Лишь они и запоминались... Оказалось — дурной вкус. Или она сама и вправду — примитив, как считала дочь. Не говорила такого вслух, но Наташа читала это в ее взгляде. Аня смотрела на нее так же, как когда-то мать...

Окна в гостиничном номере были зашторены, полумрак волновал и был кстати: все же ей уже не двадцать лет, чтобы позволить незнакомцу разглядеть все в ней. Глоток вина, которое заказал Сергей, уже подогнал кровь, и ее потянуло к этому человеку на одно свидание, кожа которого исходила запахом хорошего парфюма. И это возбуждало, но, видимо, недостаточно. Наташа старалась изо всех сил, но ничего не почувствовала, как будто все произошло виртуально — никаких ощущений. Почему?

«Я не больна? — Особой тревоги не испытала. — Что происходит с моим организмом?»

Лежа в постели в старых домах, подсказки ищут в рисунках потрескавшегося потолка, и каждый находит что-то свое. Но в этом казенном номере — ни трещинки, ни паутинки. Ответа не дожидаться.

«Пора уходить, пока он не начал выяснять отношения». — Наташа даже не стала улыбаться ему с притворной радостью. Уже решила, что больше они не увидятся. Случайный мужчина случайно оказался в случайном месте. Но в результате получился не счастливый случай, а случка. Самая похабная, безрадостная случка.

— Что-то не так? — наконец дошло и до него.

Она привычно просияла фальшивой радостью, огладила его мокрое лицо. И едва удержалась, чтобы при нем не вытереть ладонь о простыню.

— Ну, что ты? Все отлично! Просто мне пора бежать.

— Вот так и уйдешь?

Наташа спросила голосом Винни Пуха:

— А разве еще что-нибудь осталось?

Думала насмешить, а он смутился. Решил, что это намек на то, что его сил не хватило на марафонскую дистанцию. Перевернулся на живот, пристально уставился ей в лицо. Не удержавшись, Наташа ладонью стерла легкую испарину с его кожи.

— Что, милый?

— У тебя много таких, как я?

Она сделала вид, что не поняла:

— Кудрявых?

— Одноразовых! — процедил Сергей сквозь зубы. — Почему ты развелась с мужем? Кольца нет... Тебе так нужна была свобода?

— Семья — это безумный труд, — повторила Наташа где-то слышанную фразу. — А мне работы и без

того хватает. Любовь должна быть отдыхом. Который случается, когда ты сама этого захочешь...

— Незаметно, чтоб ты сильно радовалась этому отдыху.

— Не могу же я скакать по постели, правда? Я тихо радуюсь.

— Слишком тихо...

От того, что Сергей разозлился, ей почему-то стало легче. Будто сегодня задачей дня было испортить жизнь всем, кто встретился на пути. Наташа тронула зависшую на тоненькой ниточке бородавку, похожую на головастика.

— Не больно?

— А ты хочешь, чтобы мне было больно? — Он ничком упал на подушку, пробормотал, вывернув голову, губы перекошены: — А я-то думал, что мы хотим подарить друг другу немного наслаждения.

«Совсем немного», — признала она про себя. И равнодушно чмокнула его в плечо:

— Извини, дорогой. У меня сегодня все как-то... через пень-колоду.

Из его расползшегося рта вырвался смешок:

— Давно не слышал этого выражения!

— Какие твои годы, — ей уже стало скучно: очередной разговор ни о чем! Лучше б он на руках прошелся, что ли... Или хоть ушами пошевелил.

Но Сергей не шевелился, только бормотал в подушку:

— Да, наверно, такие же, как твои.

Наташа села, повернулась к нему спиной:

— Я в ванную.

Резкие струи вернули ей способность мыслить, и она даже попыталась понять, почему все так не

заладилось. То ли день, то ли жизнь... Кажется, все сбилось с ритма, когда увидела дочь. В неположенный час в неположенном месте. К тому времени страх, пережитый на подземной стоянке, уже улегся, и желание дарить незнакомым людям цветы тоже остыло. Но встретила дочь, и все опять пошло наперекосяк. Сейчас Аня представлялась черной кошкой, что перебежала дорогу, даже не рискуя собственной шкурой — машины-то практически стояли.

И понимая, что несправедлива и дочь не имела ни малейшего понятия, где в этот момент находится Наташа, она все же подумала о ней с раздражением: «Все мне готова испоганить! Настроение каждый день портит... Еще и секс испортила. Он и так у меня раз в месяц...»

Провела рукой по запотевшему зеркалу, но отражение снова затуманилось, чуть исказило черты, затушевало возраст, и Наташе почудилось, что это непохожая на нее дочь выглянула из Зазеркалья, куда вполне могла ускользнуть в возрасте Алисы. Или это она сама, только та — семилетняя, которую мать впервые публично признала соперницей?

— Анька — соперница? — произнесла Наташа одними губами.

И до дрожи испугалась своих слов: «Неужели до такого маразма дожила, что дочь воспринимаю как другую женщину?!» Но мысли уже вышли из подчинения, метнулись к тому, кто ждал ее в комнате. Хоть и случайный... А все же: кого он предпочел из них двоих, таких похожих? Двадцати- или сорокалетней? Вряд ли даже задумался бы...

— Ох, как подло! — Она сморщилась, устыдившись себя. — Какая же я паршивая мать...

Ведь ясно же как божий день: все лучшее детям, все для них. Если твой сын хочет последний кусок хлеба, сдохни от голода, но накорми его. Если дочь хочет твоего мужчину — отдай ей. В Наташиных мыслях мелькнуло малодушное: «Да этого-то добра не жалко!» Потому что, по сути, мужчины сейчас и не было в ее жизни. Так — невкусный заменитель.

Вот за Володю им когда-то пришлось побороться. Не всерьез, конечно. Наташа это и за соперничество не считала, а двухлетняя Анютка, кажется, ненавидела ее со страстью. Отталкивала, когда Наташа пыталась вступить в их с отцом игру:

— Ты не умеешь! Уйди!

Володя разыгрывал с обычными куклами целые спектакли, разговаривал на разные голоса. И каждый раз это были новые истории, режиссер как никак... У него времени было навалом, чтобы развлекать дочку, а Наташе постоянно нужно было куда-то бежать, веселить чужих детей — и маленьких, и подростков. На свою не то чтобы суток не хватало, просто сил не оставалось, чтоб еще и перед ней плясать. Приползала домой и падала.

Аня еще домогалась ее, тормошила:

— Мама, вставай! Давай поиграем.

Володя уводил ее в другую комнату:

— Дай мамочке отдохнуть.

Потом она и просить перестала. С папой оказалось веселее. Только его тоже ненадолго хватило, свои игры увлекали больше. А к бабушке Наташа ее старалась близко не подпускать. Чтоб еще ей душу дегтем залила? Нет уж...

И Анютка осталась практически одна. Вернее, со своими книжками... С Ленькой они так и не сдружи-

лись по-настоящему. То ли разница в возрасте сказалась, то ли детская ревность...

«Я упустила ее любовь. — Наташа направила душ себе в лицо. — Она ведь и сейчас не со мной осталась, а в гнезде. Испугалась неустроенности, провинциальной скуки... Хотя какая разница, где целые дни на диване валяться?»

...Из ванной Наталья вышла уже готовой к прощанию, собранной во всех смыслах. Спутанные кудри ожили, поймали отблеск солнца, которое она впустила в комнату. Решила, что так он скорее очнется от наваждения.

— Ну, прощай! — Она легко улыбнулась. — Звони, если какое торжество наметится.

Сергей даже не улыбнулся в ответ:

— Скидку сделаешь?

— С какой стати? — вырвалось у нее.

Не так уж он был хорош, чтобы еще и платить ему за это! И едва удержалась, чтобы не передернуться: как все пошло, как мерзко... Любовь, скидки — все в одну кучу. Он, конечно, пошутил... Попытался пошутить! Не вышло.

— Не заслужил?

— Ты же знаешь закон бизнеса: дружба дружбой, а денежки врозь.

Даже замутило от собственного тона, от этой фразы, уже замусоленной липкими пальцами, слюнявыми языками. Произносить банальности, подстраиваясь под общий тон, общий стиль, чтобы, не дай бог, не выпасть из обоймы, — когда это стало для нее необходимой составляющей жизни? Ответ Наташа знала. Еще в одиннадцать лет она стала желать одного: ничем не отличаться от других девочек, с их

игрой в «резиночку», с их «анкетами» в общих тетрадях и стрижками «гарсон». Она без сожаления состригла свои кудряшки, чтобы только не выделяться из строя солдатиков в коричневых форменных платьицах. Потому что ее отличие ото всех было чудовищным...

Внизу солнца уже не было. Там, в номере на десятом этаже, они еще поймали его закатное тепло, возле отеля же густо растекались сумерки. Наташе показалось, что она переместилась во времени: так сразу и не поймешь, где оказалась! Ей даже не удалось вспомнить, где осталась машина, пришлось поискать взглядом.

И вдруг сердце дрогнуло: почудилось, что та же самая светловолосая девушка, которой утром ей захотелось подарить цветок, проходит позади фонтана. Струи спрятали ее, будто вуаль набросили, сумеречное марево водяной пыли. Наташа успела заметить только простое льняное платье, нежный полупрофиль, длинные обнаженные руки, уже слегка загоревшие.

Кто-то толкнул ее в плечо, Наташа обернулась, даже не различив, на кого взглянула. И снова искала глазами ту девушку. Но ее уже не было. Словно она шагнула в фонтан и безболезненно раздробилась струями...

Наташа привычно стиснула кулаки: что еще за видение?! Ладно, когда сын мерещится, это хоть понятно. Но это — кто? Когда-то у нее самой были пряди такой же длины... Отросли, когда не стало нужды уничтожать саму себя. Когда в глазах Володи отразилась, как она прекрасна... И она поверила в это.

* * *

— Какой вечер сегодня чудный! Ты видела? Звезд полное небо! Как на юге... Даже кажется, что аромат такой же... — Она засмеялась своим словам. — Ты знаешь, а я сегодня на крышу лазила! Будем проводить там вечеринку одним товарищам. Там так чудно было! Полететь хотелось!

Подождав от дочери хоть какого-то отклика, Наташа спросила:

— А ты чем сегодня занималась?

Постаралась, чтобы голос прозвучал беспечно — дежурный вопрос. Рука машинально потянулась к стакану, Наташа жадно отпила воды и спохватилась: не выдала этим то, как нервничает? Но дочь, кажется, и внимания не обратила. Меланхолично пережевала салатный лист, пожалала плечами:

— Да так... Читала. Написала кое-что.

— Никуда не ездила?

— А куда мне ехать?

«Скрывает от меня все, даже самое невинное, — она пыталась поймать взгляд дочери, но тот не то чтобы ускользал, а просто жил сам по себе, не пересекаясь с ее плоскостью. — Ведь она же не была пьяной, и шла одна, так чего скрывать? Просто не хочет пускать меня в свою жизнь».

Показалось, что ожил домашний телефон, пробиваясь сквозь голос кухонного телевизора. Наташа прислушалась, вытянув шею, но усмешка дочери поймала ее, как лассо. Опять соперничество, если не с братом, то с любым человеком, возникающим в жизни матери. Хоть на необитаемый остров увози ее, чтоб отошла...

— Слушай, а давай махнем в Испанию? На Коста-дель-Соль! — внезапно пришло Наташе в голову. — О-о, как там хорошо! Ты же помнишь? Мы были там лет пять назад...

Проведя остатком светлого листа по губам, Аня поправила тем же тоном:

— Десять.

— Неужели так... — Наташа задумалась, подцепив кусочек помидора.

— С чего вдруг сейчас? — Взгляд стал пристальным. — Чем это я заслужила такую милость?

Еще глоток воды. Красная долька на тарелке свесила мякоть набок, растеклась сукровицей. Наташа повозила ее вилкой, отправила в рот и не почувствовала вкуса. О чем она говорит, эта девочка?

— Совсе не милость! При чем здесь милость? Разве тебе не хочется...

Успела. Вовремя сглотнула слово «отдохнуть». От чего отдыхать ее дочери? От своего дивана? От книжек, которые прочитывает десятками за неделю?

— Развеяться, — нашлась она. — Новые впечатления, и все такое. А я заслужила отдых!

Последнее вырвалось напрасно, дочь сразу ошетижилась:

— В смысле, я-то не заслужила?

— Не лови меня на слове!

— А на чем тебя ловить? Есть что-то другое?

Соскользнув с куска копченого мяса, нож громко звякнул о тарелку, хотя Наташа дала себе слово не нервничать. Погоняв вилкой светло-зеленые горошины, спросила ровным тоном:

— А тебе обязательно нужно ловить меня?

Улыбка дочери показалась ей карикатурой на ее собственную:

— Мамочка, разве не в этом заключается жизнь вдвоем?

Отчего-то постоянно пересыхало в горле. Наташа попыталась сглотнуть, вышло слишком громко.

— Аня, у тебя какие-то... извращенные представления обо всем!

— Какие получила, живя с вами, — улыбнулась дочь. — Ты же только тем и занималась, что ловила папу!

— Я?! Да я сроду...

Аня поморщилась:

— Ну, не в смысле ревности! Ты, конечно, не выслеживала его. Тебе вообще плевать было, как и чем он живет... Ты пыталась поймать его на том, из-за чего с ним можно развестись!

— Тут и ловить нечего было...

Опрокинувшись, узкий стул с тонкой металлической спинкой издал испуганный двойной стук. Аня резко оттолкнула его ногой и нависла над матерью.

— Хочешь сказать, что ты всегда считала его неудачником? Бездарностью, да? Может, ты и меня считаешь бездарностью?

— Детка, да ведь я...

Она тоже попыталась встать, но дочь вдруг сделала резкий взмах над ее головой, будто пыталась снести ее рукой, и Наташа осела на стул.

— Конечно, ты одна у нас работаешь, и всех кормишь, и дом этот купила... А мы все — дармоеды! Сидим у тебя на шее и ни черта не делаем!

«Ну, в общем, да», — угрюмо подумала Наташа, но не решилась произнести это вслух.

— А я, между прочим, тоже работаю!

— Где? — вырвалось у нее.

— Вот! — выкрикнула Аня, слегка оскалившись. — Для тебя работа заключается в том, чтобы зад отсидеть в офисе или бегать, развлекать пьяных идиотов. А то, что человек может работать, не отправляясь к девяти утра на службу...

Она ткнула себя в голову, потом в грудь:

— Этим работать! И этим. Такого ты не признаешь, да?

— Работа, детка, это когда тебе за это платят деньги, — вздохнула Наташа. — Когда она кормит тебя.

— А если наши издательства еще не дозрели до того, чтобы печатать то, что я пишу?! — Ее голос сипло сорвался.

Вскочив, она обняла дочь, всю подрагивающую от рыданий, которые она не выпускала наружу. Прижалась щекой к ее волосам: «Как я могла думать о ней с ненавистью?! Что я за мать такая?»

— Солнышко мое, девочка моя, — раскачиваясь с ней вместе, простонала Наташа. — У тебя все получится, вот увидишь. Ты пиши пока «в стол», так ведь все начинают, правда?

— Не все, — шмыгнув, буркнула Аня, но не оттолкнула мать. — У Саган уже первый роман стал бестселлером. Но я не хочу писать, как Саган! Это такой примитив!

— Разве? — удивилась Наташа. — А мне она всегда нравилась.

— Тебе-то, конечно! Ты одни мелодрамы смотришь...

Виновато пожав плечами: «А что в них плохого?», Наташа увлекла дочь к выходу в сад.

— Пойдем на наши качели? Поболтаем немножко. Мы так редко с тобой разговариваем...

Ночь попыталась отвлечь ее, оживленно зашептав о своем, наверняка романтичном, зажурчав любимыми фонтанчиками, установленными по всему участку. Но Наташа дала себе слово не рассеиваться, нужно сосредоточиться на дочери. Иначе разговора не выйдет. Стоит Ане почувствовать, что не является центром Вселенной...

Уже усевшись рядом на подвешенной на цепях скамейке и слегка пожившись от вечерней свежести, Наташа решила спросить:

— А как кто ты хочешь писать?

— Как никто! — Плечо дочери опять дернулось в ее ладони. Острое, худенькое плечико.

— Ну, должны же быть какие-то...

Аня насмешливо фыркнуло:

— Кумиры? Это очень современно!

— Ориентиры... — договорила Наташа и удивилась. — А ты не хочешь быть современной?

Не поверила этому: «Как такое возможно в ее возрасте? Главный страх юности — выпасть из поколения. Оказаться белой вороной. Неужели она не боится этого?»

— Быть современной значит быть как все, — отозвалась Аня и бросила на мать быстрый птичий взгляд. — По-моему, нет ничего ужаснее, чем слиться с толпой.

— Для какого-то человека ты можешь стать особенной...

— Как это по-женски! — поморщилась дочь. — Быть для кого-то... Я просто хочу быть особенной. Не для кого-то, а сама по себе. Разве это так трудно понять?

«Я избаловала ее, — удрученно подумала Наташа. — Если б ей приходилось думать, чем и как прокормиться, она не забивала бы себе голову всякой ерундой. И уже давно повзрослела бы... А я позволяю ей оставаться ребенком, который может развлекаться всякими интеллектуальными играми».

— Хотя для кого-то, хоть для себя самой нужно что-то постоянно предпринимать. — Она постаралась, чтобы это не прозвучало назидательно. — К чему-то стремиться... Ты же знаешь: Бог дает тому, кто работает.

Аня откровенно усмехнулась:

— Ты прямо Чехов, мама! Работать, работать и работать. В Москву, в Москву! Мы уже в Москве. Бабушка никогда не работала, как ты знаешь, но прожила более насыщенную жизнь, чем ты.

— Бабушка? Моя мать? — Ей показалось, что она ослышалась.

Но дочь подтвердила:

— Она самая.

— Да ты хоть знаешь, чем была наполнена ее жизнь?

— Богатством духа человеческого.

Не удержавшись, Наташа расхохоталась в голос:

— Духа?! Ты не понимаешь, о чем говоришь...

Аня упрямо глянула на нее исподлобья:

— Сколько она прочитала! И мне — вслух, чего ты никогда не делала.

— Я читала, пока ты не научилась сама. Но ты же рано этому научилась... А твоя любимая бабушка просила увести тебя уже через пять минут! Ты что, забыла? Кричала, что ты мешаешь ей отдыхать. От чего, интересно?

— Я такого не помню.

— Вот этого так ты не помнишь!

— Зато помню, сколько бабушка знала всего, пока ее лекарствами глушить не стали, — огрызнулась Аня. — С ней было интересно. Ты за это ее заперла в психушке? Эрудиция для тебя и есть сумасшествие?

Наташа почувствовала, как внутри все мелко задрожало:

— Да что ты... Что ты знаешь о своей бабушке?! Я ведь ничего тебе не рассказывала! Какое у меня детство было, разве ты знаешь?

— Да уж наслышана...

— От нее? А ты веришь каждому ее слову? Почему? За что ты так гордишься ею? Она за всю жизнь палец о палец не ударила!

Она уже кричала, захлебываясь негодованием, от которого жгло в горле, как после приступа рвоты. И ей впрямь был до тошноты отвратителен этот разговор, и казалось невозможным посвятить дочь в подробности своего детства. Своего несчастного, оскверненного детства...

Не чувствуя всего этого, Аня стояла на своем:

— Да, она не суетилась. Потому, что была выше тщеславия, выше жадности, наконец!

— При чем тут жадность? Разве своих детей кормишь из жадности? Ты несешь какой-то бред!

— А ты всю жизнь прикрывалась нами, чтобы со стороны не распознали, что ты тупо делаешь карьеру. И ради чего? Какая у тебя цель? Всей Москве устроить вечеринку на высшем уровне? Господи! Это же так мелко! Как ты сама не понимаешь?

— Дарить людям радость — это мелко?

— Но ты же ее не даришь! — парировала дочь. — Ты продаешь им радость. А это уже не по-христиански... Если ты это имела в виду... Я, по крайней мере, пытаюсь работать, не думая о вознаграждении.

«Потому что я тебя обеспечиваю куском хлеба с маслом, — мрачно подумала Наташа. — Как Володю. Как и мать в свое время... Карма такая, что ли? Неужели сумасшедшая бабка кажется Ане более достойной уважения, чем я? Нет, это невозможно!»

Ей вдруг стало страшно продолжать этот разговор, который заводил в какую-то трясиину, и Наташа не понимала, как из нее выбраться. Сорвав попавшийся под руку листок, она обернула им указательный палец, потом порвала его пополам, и еще, и еще. Отшвырнула зеленые конфетти.

— Сегодня мне показалось, что меня преследует какой-то маньяк, — призналась она для того, чтобы вывести дочь из постоянной сосредоточенности на себе. Может, хоть слегка встревожится за нее?

Аня даже не шелохнулась. Когда пауза стала уже неприличной, она все же спросила:

— И что?

— Ничего. Там никого не оказалось. Мне померещилось.

Аня пожала плечами:

— Зачем же об этом говорить?

— А кому же мне сказать об этом?

— О чем? Ничего же и не было! — Легкий смешок в темноту. — Никогда не думала, что у тебя столь развитое воображение...

— А может, он был, но убежал? — Наташе самой эта попытка удержать внимание дочери показалась жалкой. — Тебе кажется это смешным?

«Нелепым, — подумала про себя, еще не дождавшись ответа. — Я руковожу двумя десятками людей... А перед собственной дочерью теряюсь как кролик перед удавом. Почему она так подавляет меня? Что в ней за сила? Ведь, в сущности, она безвольное, никчемное существо... Я, конечно, люблю ее, и все такое... Но если быть объективной...»

— Быть смешным — не самое страшное, — задумчиво проговорила Аня. — Многие гении вызывали смех. Другое дело — дурачиться намеренно, чтобы вызвать смех... Это отвратительно!

— Почему же? А клоуны? Разве это не благородная профессия?

Она подумала и о себе тоже, ведь ей часто приходилось веселить других. И Аня не могла забыть об этом... Когда люди смеялись, даже пьяно, Наташа чувствовала, что поработала на славу.

Но дочь подумала о другом. Подвинувшись на диване (Наташа не поняла: к ней она хотела податься или от нее?), Аня угрюмо спросила:

— Ты Леньку вспомнила? Он любил в качестве клоуна выступать.

«В качестве клоуна, — невольно повторила Наташа. — Как это мертво звучит...»

— Он никогда не был клоуном, — возразила она. — Ты забыла... Он был гораздо... Господи! Почему мы говорим о нем «был»?!

— Потому что мы говорим о детстве. А оно в прошлом. Значит — был.

— Тебе виднее. Ты у нас работаешь со словами.

— Со словом... Нет, не со словом! Со звуком. Тебе действительно интересно? — оживилась Аня. — Понимаешь, мама, когда пишешь, то слышишь особую музыку, и ее ритм...

Но тут подавший сигнал телефон, притаившийся в Наташином кармане, прервал ее. Отшатнувшись от матери, как будто услышала голос чужой крови, она отрывисто засмеялась, встала и, заложив руки за спину, приподнимаясь на носочках, пошла к дому.

— Аня, стой! — крикнула Наташа, но кто-то посторонний требовал ответа, заставляя маленький телефон вибрировать от нетерпения.

Не оглянувшись, дочь поднялась на крыльцо. Наташа сделала несколько шагов за ней, но палец уже привычно нажал на кнопку, трубка тепло прижалась к уху.

— Да? А, добрый вечер!

Аня скрылась в доме. На крыльцо опустилась пустота, которую Наташа ощущала всякий раз, когда дочь уходила от нее слишком демонстративно. И в каждом ее движении виделось слияние с братом, очередное его отдаление, отстранение, отторжение... Наташе захотелось отбить звонок, но разговор был важен для нее. У нее возникло ощущение, что она контролирует его частью мозга, может быть, одним полушарием, а второе сосредоточено на том горе, что входило в ее день ежедневно, наслаивалось, превращая прожитые недели в года. И она уже чувствовала себя старым, больным деревом, зачем-то еще цепляющимся за почву, хотя плоды уже сорваны и унесены.

* * *

В дом она почему-то входила с опаской. И поймала себя на том, что это ощущение уже знакомо ей, в чем-то даже привычно. С тех пор, как отсюда ушли муж с сыном, Наташе стало казаться, что она

осталась жить с тем неведомым чудищем из сказки об аленьком цветочке, которое время от времени подает голос, но совершенно непонятно, кто же на самом деле скрывается в темноте?

Она резко потрясла головой: что за бред?! Это же ее Анька-Нюшка, как они сами прозвали дочку в детстве, когда прочитали сказку про кота Ваську-Муську. Тогда Наташе казалось, что дочка вырастет необыкновенной... Такой уж она была ловкой и ладненькой — смуглый, живой чертенок, научившийся плавать в первый же их день на море, тогда еще на Черном. А было-то ей года четыре, Ленька еще даже не родился.

Гибкое Анино тельце поблескивало в смирных волнах чудесной рыбой, приплывшей из сказки. И они с Володей так смело, с такой охотой обживались в этой сказке, убежденные (по юношеской глупости!), что ее для них и сочинили. Он ловил рожденную ими рыбку в желтеньком, заметном в воде, купальнике, поднимал ее к небесам, осторожно ронял в волну. Разлетались брызги и взвизги. Наташа хохотала, расстилая по воде кудри, похожие на морскую пену.

И старалась не вспоминать свое первое знакомство с морем, которое стало потрясением на всю жизнь. Сначала захватило дух от того грандиозного и могучего, что распахнулось перед ней, когда автобус вывернул из-за скалы, и она, восьмилетняя, живую увидела ту стихию, о которой до сих пор лишь читала. Много читала, сейчас самой не верится...

— Смотри, доченька, это море! — громко произнесла тогда ее мать и жестом, который Наташа не любила в ней, поправила светлые локоны. Шальной

лазоревый блеск глаз мог посоперничать с тем самым морем, а улыбки по ослепительности тянулись к солнцу.

Опешив, Наташа уставилась на нее: зачем это было сказано? Неужели она считает свою дочь недоразвитой настолько, что Наташа сама не поняла бы — что перед ними? Чуть сместив взгляд, девочка увидела сидевшего через проход мужчину, уже такого загорелого, будто он не приехал, а уезжал из Крыма. Он был со спутницей, но Варвару Игнатьевну это никогда не останавливало. И стало так очевидно, что эта ненужная фраза была произнесена в расчете на его уши, что Наташе сразу сделалось тоскливо. Все показное. Все нацелено на охоту... Причем и добыча-то не столь важна, сколько сам процесс.

А процесс был беспрерывным. И если ускользала одна жертва, тотчас в поле зрения возникала другая. Предсказуемость их попадания в ловушку утомляла даже маленькую Наташу. Она еще не предполагала, что здесь, у моря, угодит за матерью следом в целый водоворот страстей, и чужие лица замелькают перед ней, как на карусели — чуть смазанные и от этого уродливые, даже не смешные.

В первый вечер ей было так страшно оставаться в незнакомом доме, где они сняли крошечную комнатку, больше похожую на кладовку с окном. Мать заставила ее лечь в кровать в восемь часов и велела спать, а сама ушла на танцы. Но незнакомые шорохи, запахи, тени быстро наполнили комнатку, заставив девочку съежиться в постели, забраться под одеяло с головой. Она никогда не была трусихой, но ей было всего восемь лет, и трудно было отделаться от ощущения, что ее бросили в незнакомом мире,

может быть, на другой планете, откуда самостоятельно не выбраться.

И все же она попыталась... Измучившись страхом и слезами, и еще странным ощущением, которому не знала имени — одиночеством, она в отчаянии сбросила одеяло, натянула пестренький сарафанчик, который был куплен специально для этой поездки, и, сунув ноги в старые сандалии (на все денег не хватило!), выбралась за порог. Уверенность в том, что с мамой случилось нечто страшное, что этот незнакомый город поглотил ее, спрятал, и только дочери под силу нюхом отыскать несчастную жертву и спасти, придавала девочке решимости. Хотя курортный городок злорадно пугал ее изо всех сил, заставляя незнакомые тени подползать к Наташе со всех сторон и доводя до дрожи потрескиваниями и кошачьими воплями из темноты.

Она не успела уйти далеко, залиvistый смех ее матери заполнил темный переулок, мужские голоса баюкали его в своем потасканном бархате. Шарахнувшись, Наташка бросилась в дом, но потеряла сандалик, который в спешке не застегнула. Пришлось прыгать назад на одной ноге, искать его в темноте...

— Доченька, что ты здесь делаешь? Почему ты не спишь? — Изумление матери было неподдельным.

Она и вправду не могла понять, почему брошенный среди ночи в незнакомом городе ребенок не наслаждается сновидениями в чужой постели? Наташе хотелось провизжать ей в лицо все упреки, что уже закипали в горле, но рядом с матерью, с двух сторон обвив ее полные руки, стояли посторонние люди, которым совсем не обязательно было знать, как бывает страшно и одиноко маленьким девочкам...

Судорожно сглотнув, Наташа сунула ногу в неожиданно подвернувшийся сандалик и бросилась в свою кладовку.

— Пописать захотела, — глубокомысленно заметил один из спутников матери, такой тщедушный, что на его фоне Варвара Игнатьевна казалась большой белой планетой.

Что за подземные бури уже бушевали в ней? Матери нельзя было пить, это Наташа и раньше знала. Но ведь та не слушалась, каждую ночь возвращалась сильно навеселе, а то и вовсе не возвращалась. И однажды кипящая в недрах ее организма лава выплеснулась наружу, расплавила грецкий орех мозга, вырвав из горла жуткий вопль:

— Это они!

Наташа подскочила на своей кровати, бросилась к матери, попыталась усмирить ее:

— Мам, ты что? Кто там?

Сама выглянула из окна:

— Да там нет никого.

— Они там! — Вытарашенные глаза Варвары Игнатьевны безумно вращались. — Они опять хотят увезти меня в горы! Ты не представляешь, какой это был ужас! Они насильовали меня всем подряд... Бутылками... Собаку пустили... Этот кобель весь зад мне разодрал!

У Наташки вспыхнули щеки:

— Мама, ты что говоришь?

Но липкие, мерзкие подробности продолжали сыпаться с языка матери, заставляя девочку передергиваться от отвращения и жалости. Ей хотелось обнять маму, прижаться к ней, успокоить, но какое-то неодолимое отвращение к ее телу уже воз-

никло и оттолкнуло Наташу. Стиснув руками голову, закрыв уши, она замерла на своей кровати, желая только одного: чтобы этот кошмар оказался сном и можно было очнуться солнечным утром под легкомысленный щебет избалованных теплом птиц.

А истошный крик матери уже вырвался из тесной комнаты, заполнил весь дом. И как Наташка ни зажимала уши, до ее слуха донеслись другие проснувшиеся голоса, резкие команды хозяйки, что-то о «Скорой помощи». Словно очнувшись, девочка бросилась следом за матерью и увидела, как та мечется по большой хозяйской комнате, куда Наташа и не заглядывала раньше, резко срывает шторы, будто надеется кого-то обнаружить за ними. А полуодетые жильцы толпятся в дверях, не решаясь приблизиться к обезумевшей женщине... И только маленькая темнолицая хозяйка пытается ее удержать.

— «Скорая» приехала, — заметил кто-то.

Жильцы покорно затоптались, расступаясь, и Наташе удалось наконец прорваться к матери. Ей показалось, что та не узнала дочь...

* * *

Из Аниной комнаты доносились звуки стихов, всегда отзывавшиеся мыслями о матери, которая тоже часто бормотала себе под нос что-то такое в рифму... Наташа и сейчас прислушалась, но не вспомнила — чье это? Наверное, никогда и не знала... К поэзии ее и раньше не тянуло, наверное, из-за матери отторжение произошло. Хотя читать тогда любила, пряталась в книгах от того, что происходило с нею и вокруг. И в то страшное лето, когда за ней

к морю прилетел отец, девочка не сразу оторвалась от книги, даже ради него. «Овода» читала из хозяйской библиотеки, и трагическая история Артура как раз подходила к кульминации. Маленькое сердечко так и разрывалось от сострадания... Может, собственную боль пыталась чужой подменить? И ведь получилось! Вот и не верь после этого в силу искусства...

Она еще раз прислушалась: может, Аня сейчас старается спастись от того же и тем же? Отчаянием, которому кем-то уже придана форма, глушит то бесформенное, растрепанное, что нарастает в душе.

— Да с чего ей страдать-то? — очнулась она. — Что уж такого болезненного ей переживать?

Аня давно уже не была маленькой девочкой, которая могла бы до опасного болезненно воспринять развод родителей. Самой впору семью создавать, а не за кровную цепляться. Наташа закусил губу: «Да что ж я... Это же мой ребенок! Я ее почти два года грудью кормила, на руках до четырех лет таскала! А теперь думаю как о чужой... Оттолкнуть пытаюсь. Да что это со мной?»

Но протянутая рука замерла перед дверью, постучать Наташа не решилась. И сама не поняла, чего больше испугалась: того ли, что дочь не откроет ей, или обратного... О чем говорить, если снова окажутся лицом к лицу?

Еще немного постояв возле комнаты дочери, Наташа крадучись вошла к сыну. Так думала до сих пор, хотя Ленка здесь не бывал уже несколько месяцев. А ей до сих пор чудилось в темноте его сонное дыхание... Когда-то он спал с тем Конгом в красной кипе, которого она связала. Куда он делся, этот обезьян, у которого уже и голова не держалась, и лапы бес-

сильно обвисли? В ее сердце толкнулась надежда: «Может, он с собой его забрал?!»

И Наташа бросилась искать эту старую игрушку, открывая дверцы встроенного шкафа, перебирая оставшиеся вещи, которых было немного, в них уже невозможно было спрятаться. «Только бы не найти! — молила она. — Только бы не найти!»

Нашла. И села в обнимку с Конгом прямо на пол, застеленный пушистым ковром — Ленька любил ходить босиком.

— Он и от тебя отказался, — бормотала она, раскачиваясь и прижимаясь щекой к шерстяной макушке. — Даже тебя забыл... Не нужны мы ему. Я виновата, малыш... Это я во всем виновата.

Она долго сидела в комнате сына, куда приходила как в часовню, чтобы в темноте разглядеть свою душу. Ленькины книги, давно не шелестевшие страницами, подаренные друзьями безделушки, брошенные в углу гантели — все они вслушивались в бормотание женщины, которой больше не с кем было поговорить в своем доме. Ответная тишина вдруг показалась особенно глубокой, и Наташа сообщила, что остановились часы.

— Нет, с ним ничего не случилось! — испуганно прошептала она, вскочив. — Просто батарейка села... Надо купить.

Потом она унесла Конга в свою спальню, где уже ничто не напоминало о существовании мужа. И кровать сменила, и занавеси на окнах. Комната стала более женской, округлой, прозрачной. Какой мужчина впишется в такой интерьер?

Уложив вязаную обезьяну на постель, Наташа перешла в свою голубую гостиную, где все было по-

добрано с одной целью — подчеркнуть цвет ее глаз. Хотя вслух это никем не произносилось. Уже забылось, где она вычитала о таком подходе к интерьеру, но это пришлось по вкусу и показалось забавным. Аня наверняка скривилась бы, если б догадалась: «Безвкусица!» Ей Наташа объяснила выбор цвета тем, что окна гостиной выходят на южную сторону, надо добавить холодку.

Телевизор что-то успокаивающе забормотал. Мягкий диван охотно принял ее, предложил убаюкать. Но Наташа знала, что не сможет уснуть, пока ноги гудят, как телеграфные столбы. За день нахватывалась энергетики, а к вечеру тело мучительно освобождалось от нее. Иногда ей казалось, что вены взорвутся, выплеснув дурную кровь, которую Наташа сама в себе признавала. И боролась с ней как могла, все материнское в себе перечеркнула еще в отрочестве. Никаких кошачьих загулов, один брак на четверть века. Так гордилась собой!

А вот, когда Володю загнала в ловушку, впервые подумала, что, может, не так уж и вознеслась над той, кого презирала всю жизнь. Она пресекла мысли, устремившиеся к запретному... Оттеснила воспоминанием о том, как недавно кто-то из ребят у них в офисе зачитал:

— «В детстве мы очень любим родителей; взрослея, начинаем их осуждать, но прощаем их крайне редко».

Наташа запомнила это дословно, хотя имени автора не спросила. Теперь думала, что и оно пригодилось бы. Перед Аней блеснуть...

Трубка телефона сама легла в руку. Она все подумала в своем доме так, чтобы как можно меньше приходилось напрягаться, этого за день хватало.

И номер подруги запрограммирован на семерку, как обещание счастья. Она из тех немногих, с кем поговоришь, и хорошо...

— Привет! Как ты? Слушай, мне пришла в голову потрясающая идея! Почему бы не махнуть с Анькой в Испанию? Вы с Егоркой компанию не составите?

Ей думалось, что разговор поплывет за сигаретным дымом, такой же прозрачный и бесформенный. Но он сразу же наткнулся на ту стену, о которую всегда больно биться, — наши дети. Голос Татьяны будто съезжился:

— Он сидит целые дни у себя в комнате с этим чертовым компьютером, и ему ничего не надо. Вообще ничего! Никакая карьера его не интересует. Я уж, грешным делом, пожалела, что от армии его отмазала! Может, его там взяли бы за шкуру и встряхнули, чтоб мозги на место встали. Чтобы ценил то, что имеет.

— Армия — это сильный экстрим, — осторожно заметила Наташа.

— Согласна. Потому и откупила его. А теперь — что? Из института его выперли, работать их высокочество не желает, все ему не по душе, видите ли.

— Та же история, — прошептала она. — Неужели это поколение такое? Дофенисты... Моей тоже ничего не надо. Только бы ее оставили в покое. Ни честолюбия, ни жадности — ничего в ней нет!

— Ничего, — печально откликнулась Таня. — Но ведь у меня в офисе полно мальчиков и девочек, которые так и шустрят? Землю роют, чтобы продвигаться! Почему наших детей среди них нет?

Время на раздумье равно одной затяжке, вопрос бессильно опадает пеплом:

— Может, это мы их подавляем своей безумной энергией? Может, пахала бы поменьше, это Аньку не так раздражало бы?

— Ну, хорошо. Сдуюсь и мы тоже, тогда уж точно все пойдет прахом! Если бы не ты, не было бы у твоей семьи ни дома этого...

Осеклась сама, пробормотала какие-то слова извинения. Наташе даже не пришлось напоминать, что у ее семьи и так нет этого дома. И самой семьи больше нет.

— Я — чертова Лара Крофт! — вспомнился ей совершенно дурацкий фильм, который когда-то смотрели ее дети. — После меня одни руины...

— Неправда! — как и ожидалось, заспорила подруга. — Ты даришь людям праздник. Причем изо дня в день. Это дорогого стоит!

— Праздник за их деньги, — вяло уточнила Наташа, повторив обвинение дочери.

— Все равно! За те же деньги можно откровенную лажу сделать. А у тебя всегда все на высшем уровне.

«Кроме любви...»

Этого она не произнесла вслух, не сказала даже подруге. Хотя в мыслях мелькнуло, что, наверное, то же самое о ней думают все окружающие, даже обязательно делиться с ними плодами самокопания. Любовь тоже — за ваши деньги. Иногда Наташа позволяла себе это... Как многие женщины ее круга, навевывалась поглазеть на мужской стриптиз. Делала вид, что веселится, подыгрывала остальным, которые — подозревала! — в душе были так же расстерянные и несчастны, однако изо всех сил изображали разбитных, холодных стерв, давно забывших, что такое чувства.

Иногда Наташа отдельно оплачивала услуги пригланувшегося мальчика. Отважно хорохорилась, убеждала себя, что большего и не требуется, только физическое удовольствие. Все красиво и именно так, как ей захотелось... И глупо, так глупо, что сердце щемит и щемит, как будто ее опять обманули. Хотя любви за эти деньги никто и не обещал...

* * *

Утром она решила закинуть очередную наживку, хотя уже пора было смириться с тем, что дочь выплевывает одну за другой. Встали обе поздно: у Наташи — выходной, для дочери — обычное дело, обычный день. Иногда матери приходило в голову установить в доме камеры слежения, чтобы узнать наконец, чем Аня занимается неделями напролет. Но если бы дочь как-то пронюхала об этом, заметила хотя б одно «всевидящее око», то собрала бы вещи в тот же день. И — «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»! И что тогда? Остаться совсем одной?

То и дело Наташа бралась доказывать себе, что это не так уж и страшно. Миллионы людей пребывают в одиночестве годами и при этом не выпадают из жизни.

«Но я — выпаду, — признавала она удрученно. — Разве мне когда-нибудь хотелось чего-то для самой себя?»

Во время завтрака Наташа так и не нашла в себе сил начать этот разговор. Для начала необходимо было подкрепиться, как учил незабвенный Винни Пух. Перебрали необязательные газетные сплетни, точнее, это Наташа их перебирала, а дочь слушала,

даже не улыбаясь. Только морщилась, когда слухи совсем уж отдавали желтизной. Наташа понимала, что только раздражает Аню такой ерундой, но не в тишине же завтракать, честное слово!

Только заложив тарелки в посудомоечную машину, она решила на серьезный разговор:

— Детка, почему бы тебе не поработать со мной?

Чуть не сказала «на меня», вовремя спохватилась, а то искра сразу обернулась бы пламенем. И без того взгляд — почуявшего опасность зверька.

— Что значит — поработать?

«Даже слова такого не знает, — Наташа подавила усмешку. — Это ж надо было так избаловать ребенка!»

— Ты же хорошо пишешь, — начала она ласковым мурлыканьем Багиры. — А мне позарез нужен сценарист.

— Сценарист? Ты что, кино снимаешь?

— Ну, не глупи! Сценарии праздников писать.

— Я? — уточнила Аня.

— Нет? — уже поняла она. — Ну, нет так нет...

И вдруг увидела их обеих как бы со стороны: женщины из разных измерений. Она сама — высокая, светлокожая, в прозрачном голубом пеньюаре, белесые кудри по плечам, жемчужная улыбка... Будто из морской пены только вышагнула. А перед ней то ли девчонка, то ли мальчишка... Смуглое маленькое существо в джинсовых шортах и майке, лицо все напрыглось — приплюсывается: не тянет ли гнилью? Неужели ей все видится в рентгеновском изображении?

Сжав мелкие зубы, Аня процедила:

— Ты хоть поняла, как оскорбила меня сейчас? Ты вообще ни во что меня не ставишь?

— Да что ты?! — опешила Наташа. — Как ты... В чем — оскорбление-то? Со мной работать — это позор, что ли?

По кухне уже металась шаровая молния, благо было где развернуться. Темные волосы топорщились, будто наэлектризованные. В каждом взгляде — разряд! А зубы оскалены так, точно это ее ударило током. Некрасивая какая...

— Я все поняла! Ты папу всю жизнь считала ничтожеством!

«А кем же он был, по-твоему?» — успела удивиться Наташа.

— И я тоже кажусь тебе бездарностью!

— Нет же, детка, — снова попыталась она. — Разве бездарности я предложила бы сотрудничество?

Свирепый рык в лицо:

— Да любой дурак может написать сценарий праздника! Нашла что предложить писателю!

У Наташи чуть не вырвалось: «Кому?»

— Неправда. Нынешний сценарист меня не устраивает.

— Значит, он вообще... ниже плинтуса!

— Почему ты не хочешь мне помочь? — Наташа попыталась зайти с другой стороны. — У меня просто безвыходное положение... Намечается большой юбилей, а этот... дурак, как ты говоришь, может предложить только что-то... шаблонное. А мне хотелось бы чего-то неординарного... Ты ведь можешь такое придумать!

Отскочив к открытому французскому окну, ведущему в сад, Аня остервенело замотала головой:

— Ты не опустишь меня, поняла?! Я никогда, никогда не буду этим заниматься! Иначе так и увязнешь в этом дерьме...

— Конечно, гораздо проще жить на всем готовом! — не выдержала Наташа. — Тебе любая работа дерьмом кажется, ты — вся в бабуку! Только валяться бы на диване целый день и мечтать!

— Ты надеешься меня задеть сравнением с бабушкой? А меня это не оскорбляет! Ты нарочно хочешь довести меня, чтоб и я с ума сошла, как она! Из-за тебя! Все из-за тебя!

Этот визг затих уже вне дома.

— Из-за меня? — растерянно повторила Наташа. — Я-то здесь при чем?

Бросившись к окну, она увидела, как дочь бежит к воротам, и сама кинулась в спальню — сменить голубой пеньюар на что-нибудь более подходящее. Внезапно вспотевшие пальцы плохо слушались, ей мерещилось, что Аня со всех ног мчится к обрыву, который был тут неподалеку, и, не замедлив движения, бросается вниз.

С чего родился этот страх? Ведь за дочь никогда особо не боялась, она росла собранной и самостоятельной, всегда четко знала, где у нее что лежит, что запланировано на день. Даром что тоже — творческая личность! Вот сын, как Наташе казалось, всегда плохо ориентировался в пространстве, погруженный в свои мысли. И она практически не выпускала его руку, пока он рос, если б могла, у груди носила бы до совершеннолетия — такой страх был потерять его! И потеряла. Совсем не так, как представлялось в жутких видениях... Но, может быть, еще страшнее.

Натянув светлые джинсы и подвернувшуюся под руку майку, Наташа сбежала вниз, сунула ноги в мягкие летние тапочки. «Догоню ли?» — подумалось

с тревогой, но уже и с оттенком веселого азарта: начиналось действие, движение, а это было по ней. Когда Наташу захватывала круговерть событий, даже кровь в ее жилах начинала пениться, кипеть, в голове радостно шумело, как от шампанского... Еще и поэтому она так любила свою работу, презираемую дочерью.

— Где же она?

Наташа выскочила за ворота, готовая к бегу, настроенная на поиск, но неожиданно увидела дочь в пятидесяти метрах от дома. На миг ей показалось, что это другая девушка: таким милым и светлым сделалось Анино лицо. Даже волосы ее пригладились, будто по мановению волшебной палочки. Точно споткнувшись, Наташа остановилась возле старой сосны, вжалась ладонью в шершавый ствол, ощутила его сухость и отпрянула, будто старость древесного тела могла заразить ее. Рассеянно взглянула на ладонь — уже возникли узорчатые вмятины, прилипли чешуйки коры.

Она потеряла руки, всматриваясь в лицо дочери: что у нее с этим мужчиной? Старый знакомый? Любownik? Или это случайная встреча? На него взглянула не сразу, но когда посмотрела, что-то зацепило. Лицо, выдающее силу характера, и при этом веселый, мальчишеский взгляд. Правда, под глазами темнеют мешки, может, пьет много? Набок зачесанные светлые, удлиненные волосы — вид богемный, с такого станется... Рот улыбочивый, но при этом чувствуется, что он может быть твердым, и приказ, сорвавшийся с таких уст, не покажется неуместным, нелепым.

В мыслях пронеслось вспышкой: «Мой мужчина!» Испугавшись этой внезапности, Наташа подалась

назад, и в этот момент дочь заметила ее, замолчала, устремив на мать тяжелый взгляд.

«Сделать вид, что мы незнакомы? Пройти мимо? Глупо!» — Наташа сделала несколько шагов, стараясь сбросить и растоптать незнакомую робость, которая вдруг охватила ее. Кого она больше боялась в тот момент? Дочери, которая смотрела на нее юной волчицей, еще не уставшей от схваток с себе подобными? Или этого незнакомца, что разглядывал ее с откровенной приязнью?

— Это моя мать, — проронила Аня как ругательство.

— Очень приятно! — откликнулся он вежливо, но при этом как-то нахально улыбнулся, заставив выпрямить спину. — А я тут разыскиваю в ваших краях одну пожилую даму. Наше издательство заинтересовано в публикации ее мемуаров. Ей есть что вспомнить... Камелькова Мария Васильевна. Не слышали?

Наташа качнула головой, даже не попытавшись вспомнить. Она знала себя: если имя сразу не вытянуло из памяти образ, то уже и пытаться нечего.

— Я мало кого знаю из соседей...

— Ты и не можешь ее знать. Я провожу вас к Марии Васильевне!

С одинаковым изумлением уставившись на Аню (она: «Откуда знает?!», он: «А почему же сразу не сказала?»), они ждали пояснений, а та, дернув плечиками, пробормотала почти неразборчиво:

— Еще Ван Гог писал, что самое интересное в жизни — это люди...

— Ну, об этом не только Ван Гог писал, — он улыбнулся уже отечески. — Я, кстати, не представился. Олег Тараненко.

Анин взгляд так и впился в его лицо.

— Просто Олег?

— Не вещей, — согласился Тараненко, хотя она, конечно, спрашивала об отчестве.

Наташа протянула руку, назвала свое имя, и — заодно! — представила дочь. Несильно сжав, Олег чуть качнул ее руку и склонил голову так, что светлые волосы свесились крылом:

— Никогда не подумал бы, что вы мать с дочерью.

— Мы нисколько не похожи, — выпалила Аня прежде, чем Наташа успела принять эти слова как комплимент ее молодости.

— Не похожи, — задумчиво согласился он.

— Так вам нужна Мария Васильевна?

Оглянувшись на Аню, он выпустил Наташину руку, но не просто разжал пальцы, а скользнул своими по ладони — тайком погладил.

«Что за вольность?» — вяло возмутилась она. Но вслух ничего не сказала. Не при дочери же! Да и вообще... Не так уж много он себе позволил.

Аня заторопила:

— Пойдемте же!

И уже отступила, призывая Тараненко к движению, подтягивая его теми невидимыми нитями, которые завязываются между людьми даже при маломальском знакомстве. Наташа чуть насмешливо проследила, как Олег послушно потянулся за ее дочерью, сделал несколько шагов, опять оглянулся. Поджал губы в виноватой улыбке и пошевелил в воздухе пальцами.

— Рад нашей встрече, — проговорил он так тихо, будто надеялся, что Аня не расслышит его слов.

Только улыбнувшись левым краешком рта, Наташа повернулась и пошла к дому, показывая ему

дорогу на случай... Впрочем, какой еще может быть случай? Вот он — уже состоялся. И окончился ничем, потому что опять вмешалась та, что иногда кажется совершенно посторонней, почти незнакомой, только мешающей жить...

«Да что я несу?!» — ужаснулась Наташа, и вся сморщилась от приступа отвращения к себе, разучившейся любить своего ребенка с той всепрощающей нежностью, которая была в ней когда-то, она еще помнила это. Оглянуться она себе не позволила, но и, не глядя, отчетливо увидела маленькую фигурку дочери, все удаляющуюся и удаляющуюся от нее. И вдруг остановилась в замешательстве, пытается понять, что же почувствует, если это непонятное существо совсем исчезнет с ее горизонта?

Дневник в блоге Мантиссы

«Моя мать даже не подозревает, что существуют люди, ведущие совершенно другой образ жизни. Как М. В. — та самая дама (по-другому назвать язык не поворачивается!), бабушка Алика, найти которую я помогла Олегу. И благодаря ему просочилась в ее дом, куда могла бы прийти гораздо раньше. А вот сейчас, напротив, следовало бы уйти, проводив его до калитки. Но по дороге он успел мне рассказать, что М. В. была знакома и с Анастасией Цветаевой (о чем я уже знала от Алика!), и с Беллой Ахмадулиной, и... Да с кем она только не знакома! Как я могла упустить шанс вживую прикоснуться к истории литературы?! К тому же мне хотелось что-нибудь узнать об Алике. Я ощущала себя его должницей. И не только... Мне просто хотелось что-нибудь услышать о нем.

И я упросила Олега взять меня с собой. Пробормотала что-то о собственных пробах пера. Его немного шкодливые зеленоватые глаза улыбнулись, и он сказал: «Хорошо. Но за вами будет должок!» Почему-то мне даже в голову не пришло, что в его словах может быть какой-то эротический подтекст. Хотя, признаться, я ничего не имела бы против. Олег из тех мужчин, которым достаточно просто смотреть на тебя и улыбаться (ну, еще не болтать глупости!), чтобы ты влюбилась по уши. Этаким стареющий, но все еще обворожительный плейбой.

Влюбилась ли я? Да. Хотя не столько в него самого, сколько во все очарование этого дня, который благодаря моей матушке начался отвратительно, а потом Олег и М.В. наполнили его божественным светом. Она приняла нас, совершенно незнакомых людей, как близких друзей, угостила хоть и растворимым, но безумно вкусным кофе, который М.В. готовит необычным образом, энергично замешивая его с сахаром, а уж потом добавляя воду. Конечно, предложение Олега опубликовать написанные ею мемуары очень ее обрадовало. Но... Но! Радость ее была замешана не на интересе к деньгам (она даже не спросила о гонораре!), а лишь желанием донести до людей то богатство жизненных впечатлений, которым она владеет. Уверена, что она рада была бы и сама заплатить тому, кто на это решится, да только вряд ли у М.В. имеются какие-то сбережения.

Домик у нее более чем скромный и уютится с краешку нашего шикарного поселка бизнес-класса. Но мне ее окруженный деревьями дом с мезонином, как водится в Подмосковье, показался милее нашего холеного коттеджа, которым так гордится

мать. Есть что-то изысканно-запущенное и грустное в этом яблоневом саду, по границам которого молчаливыми часовыми высятся сосны, и крепкий дуб подает себя как средоточие старины. Позднее М.В. поведала нам, что во время войны прямо в ее сад упал подбитый советский самолет, чудом не повредив дом. И дуб остался не задетым. А вот плодовые деревья пришлось высаживать заново.

У совсем тогда юной М.В. в тот день были гости, и они пили чай на веранде — приезжали артисты московского театра. Какого именно, я тут же забыла. В этом ли дело, когда рассказ — о ней?! Хотя гостей принимала скорее не она, а ее отец — театральный критик, которого посадили сразу же после войны. Из ссылки он уже не вернулся, даром что жив остался в тот день... А М.В. сполна испытала, что значит быть дочерью врага народа: из института ее исключили, и диплом она получила уже после смерти Сталина и реабилитации отца.

М.В. провела нас на веранду и показала место в саду, куда рухнул самолет. Москвичи к тому времени уже попривыкли к бомбежкам, никто даже не подумал прятаться, когда завязался воздушный бой, тем более им казалось, что они так далеко от города. Москва ведь тогда была куда меньше! Ну, чертыхнулись пару раз в адрес фрицев и продолжили разговор... Но когда жуткий вой возник прямо над их головами, а потом — взрыв, пламя, ужас! — всех не воздушной волной, а страхом разметало в разные стороны.

А чахоточный отец М.В. бросился спасать летчика. В огонь бросился. И вытащил истекающего кровью мальчишку, моего ровесника. Его успели до-

ставить в госпиталь, его спасли. Летчик даже получил медаль, был назван героем. Но почему-то через пару лет даже не подумал вступить за человека, который спас ему жизнь... А может, просто никогда больше не интересовался его судьбой.

Обиды в голосе М.В. не было, но паузы, которые иногда возникали в ее повествовании, были так многозначительны, что мне подумалось: «Из нее вышла бы блестящая актриса». Но как она сама рассказывала, ей хотелось стать великой спортсменкой, ведь в те годы культивировались ловкость и крепость тела. И М.В. даже стала мастером спорта по легкой атлетике! В ней и сейчас, хотя ей уже, судя по всему, за восемьдесят, чувствуется эта легкость бегуны, пружинистость шага, стремительность передвижений. Но чемпионкой она так и не стала, охладев к радостям телесным и устремившись к наслаждениям духа.

— Я бродила по берегам Клязьмы и вслух читала стихи Блока. Казалось бы, он никоим образом не связан с этой речкой, но для меня это все было — любовь. Я была влюблена в Блока как гимназистка! Как все гимназистки Серебряного века... Хотя я-то родилась гораздо позднее, — уточнила она чуть лукаво.

Об Анастасии Цветаевой она тоже рассказывала, и мы слушали с открытым ртом, но это отдельная история. Ее история. И Олег, если все получится, вскоре ее опубликует. А мне навсегда запомнится, как после очередной порции кофе М.В. предложила:

— А сейчас давайте...

— К цыганам! — озорно подхватил Олег.

Она рассмеялась:

— К этому я, пожалуй, еще не готова.

И зажгла свечу, хотя сумерки только-только собирались сгущаться, и стала читать стихи. И нервный огонек начал творить чудеса, сжигая наслоения лет, и мне то и дело казалось, что напротив меня сидит молодая, очаровательная женщина, которая говорит стихами Ахматовой так естественно, будто это ее сердце выкрикнуло: «Уйдешь — я умру!» Олег подыграл ей и подхватил последнюю строчку, произнес именно так — «спокойно и жутко»:

— Не стой на ветру.

У меня мурашки бежали от этого священнодействия, честное слово! Старческая рука в недорогих перстнях накрыла руку Олега.

— Bravo! Я и не надеялась, что кто-то из молодых людей может цитировать Анну Андреевну.

— Видимо, я не такой уж и молодой, — улыбнулся он.

— Молодой, молодой! — воскликнула она. — Для меня вы оба совсем юные. И такие красивые!

Олег взглянул на меня с опаской, будто этими словами М.В. чуть ли не повенчала нас, и соорил гримаску. Я рассмеялась, чтобы развеять его страхи:

— М.В., мы с Олегом познакомились на пороге вашего дома!

— А это не имеет абсолютно никакого значения, — заверила она. — Разве вы не замечали, что обычно люди в первый же момент чувствуют: могут ли они стать друзьями?

Олег чуть качнул головой, и пламя свечи затрепетало перед ним.

— Слишком часто это чувство нас обманывает. Когда я встретил свою будущую жену, мне показалось, что на свете нет женщины, способной понять

меня лучше. Наша семилетняя война, к обоюдной радости, закончилась разводом...

— И теперь вы не женаты?

— Нет, не женат.

— Опасаетесь угодить в ту же ловушку?

— Да не то чтобы опасуюсь... — Он опять посмотрел на меня с каким-то странным выражением и пожал плечами. — Да и некого, собственно.

М.В. театрально воздела руки:

— Не верю! Вы такой обаятельный человек...

Обаятельный, это верно. Но что такое обаяние, как не умение подделываться под вкус собеседника? Хамелеонство. Моя мать — самая обаятельная из женщин. Я не обаятельна и знаю это о себе. Чьего поля он ягода?

— А ваши дети... ваши внуки не цитируют Ахматову?

Это прозвучало явно не к месту, но как иначе мне было что-то выведать у нее об Алике, который после этих слов вспомнился своим обаянием — неподдельным...

— Мои все в Петербурге. Дочь вышла замуж за военного. Им еще немало пришлось поездить прежде, чем они вернулись на его родину.

М.В. произнесла это с видимым сожалением, но без той страдальческой горечи, от которой обычно начинают слезиться глаза старушек, скучная жизнь которых совсем пуста без переживаний, доставляемых детьми. Но я этим не удовлетвовалась и продолжила с садистским упорством:

— Но они навещают вас?

— Редко, — призналась она, чуть приподняв подбородок, чтобы не выглядеть несчастной. — Но мы постоянно перезваниваемся.

Она так ни слова и не сказала об Алике, а мне уже было неловко пытаться ее дальше. Тем более Олег заговорил о другом, и я не посмела его перебить. Но в душе у меня так и осталась тревога о случайном человеке, подарившем мне целый роман...»

* * *

Аня вернулась только вечером. А телефон свой, убегая, не захватила, и Наташа несколько часов промучилась, гадая: что с дочерью, где она? То ли уехала с этим самым Олегом в Москву, то ли просто бродит невесть где, пытаясь рассеять свою злость, которая увиделась Наташе серым пеплом, что сыплет на траву ее дочь. Когда-то Анютка сделала из песка прерывистую дорожку, которая вела к песочнице:

— Чтобы ты меня не потеряла!

Хотя Наташа сидела на скамейке в паре метров.

— Я же тебя хорошо вижу, — попыталась убедить она, но девочка была непреклонна.

— Так ты меня точно не потеряешь.

«А я все-таки потеряла, — от этой мысли стало зябко. — Она так боялась, что наши миры разойдутся, удалятся друг от друга... И это случилось».

Кашемировая шаль, наброшенная на плечи, показалась слишком тонкой, Наташе никак не удавалось согреться. Но не хотелось выбираться из глубокого кресла в гостиной, подниматься в спальню... И она продолжала кутаться в прозрачную материю, не замечая, что осматривает свой дом новым, затравленным взглядом, как загнанный в угол зверь. Больше страха, чем агрессии.

— Ну уж нет! Я не сдамся. — Она быстро прошла в гостиную, включила диск с заводными песенками Жасмин.

Покрутила руками, пытаюсь разогнать кровь. Лучше бы не было никаких выходных, честное слово... Со всех сторон беззвучно напознала пустота, которую не разогнать было и музыкой. И, уже чувствуя ее физически, Наташа беспомощно сжималась, надеясь не пустить ее внутрь, защититься скрещенными руками. Как спазмом горло перехватило вопросом: «Почему я одна?!» Разве так уж мешал ей муж, что стоило плести интригу, в которой он доверчиво запутался? Он ушел, и дом опустел. Кто бы мог предположить? Ей-то Володя всегда казался столь незначительным явлением ее жизни, без которого ничто, по сути, не изменилось бы...

Она попыталась подпеть девочке, но сумрак уже давил на плечи так, что Наташа ощутила, как стареет с каждой минутой. Вечность свернулась спиралью и ввинтилась ей в темя, заставив сжать виски — больно! Оказывается, стареть больно...

«Нет! — испугалась она. — До старости еще, как до Китая... Я просто расслабилась. Завтра — рабочий день, завтра все будет по-другому. По-прежнему. Я ведь тоже не робот, мне нужно иногда отдыхать! Никто из них никогда не понимал этого...»

Упрек был послан мужу, но вернулся бумерангом. И откуда донеслось, совсем не ее голосом произнесенное: «А ты разве понимала его? Хотя бы пыталась понять? Ты решила, что поднялась на другой уровень только потому, что стала руководить людьми, вести свое дело... Но что все твои достижения с точки зрения Господа? Бестолковая и ненужная мушинная суета...»

Ее руки судорожно забегали по плечам, ранив кожу длинными ногтями. Еще несколько лет назад сын говорил про такие: как когти у хищника. Неужели хищница? Та самая стерва, которыми теперь принято восхищаться? Разве об этом мечтала в семнадцать, когда не терпелось начать настоящую, как ей казалось, взрослую жизнь? Хотя, надо признать, хотелось идти «по жизни, смеясь», как учил Макаревич. Только вот без сопутствующего «плачет ночами»... А по отдельности, как выяснилось, не бывает.

— Вот так выходной она мне устроила! — проговорила Наташа вполголоса, надеясь, что хоть этот звук рассеет тоску. — Сеанс психоанализа вместо релакса... Спасибо, доченька. Ты так активно портишь мне жизнь, что хоть и тебя к папочке отправляй...

Но когда Аня вернулась, она не сказала ей этого, удержала в горле, отчего трудно стало дышать. Только спросила:

— Ничего не случилось? Тебя так долго не было...

— Общалась с интересными людьми! — В голосе прозвучал вызов, который Аня и не пыталась скрыть.

Наташа без труда расслышала: «Не чета тебе!» Но отозвалась весело, попыталась лукаво поддеть дочь:

— С этим красавчиком? — Имя уже вылетело из головы. — Из какого-то издательства?

— И с ним тоже, — отозвалась Аня уже из кухни.

Пройдя за ней следом, Наташа молча проследила, как дочь наливает холодное молоко, выпивает залпом. И пожаловалась:

— А я что-то все мерзну...

Даже не стерев молочные усы, которые на минуту опять сделали ее маленькой, Аня произнесла с присвистом:

— Согреть некому. Нечего было отца гнать!

— Маленькой ты была добрая! — вырвалось у матери, хотя дочь не видела своего испачканного белым ртом и не могла понять, почему Наташины мысли метнулись в прошлое.

— Маленькие все хорошие...

— Не все. По-моему, наоборот! Дети бывают очень жестокими.

Аня широко улыбнулась — впервые за долгое время:

— Это ты о нас, мамочка?

— Разве вы — маленькие дети?

Утерев рот ладонью, дочь спросила угрюмо:

— А разве ты позволяешь нам вырасти?

* * *

Эти слова вспыхнули в памяти ожогом, когда, вернувшись на следующий день, Наташа обнаружила, что дом полон пьяных чудовищ — так ей показалось в первый момент. Ожившее полотно Босха, которого Аня за что-то любила, разнузданное уродство вокруг...

Остолбенев на пороге, Наташа пыталась сжиться с изменившейся реальностью, но получилось не сразу, сказала усталость, залившая тяжестью все тело.

— Что здесь происходит?

Ответить ей никто не мог, эти чудовища уже не могли говорить. Она озиралась, пытаясь найти дочь, рвануть к себе, тряхнуть так, чтобы разом вылетел

весь хмель. Но Ани нигде не было видно, и Наташа ощущала себя как на улице — шла в толпе, где ею никто не интересовался.

Потом начали проявляться знакомые лица, оказалось, что многих она видела с Аней — ее бывшие однокурсники. В друзьях у нее никто не числился, ее дочь слыла одиночкой, но приятели по университету у нее все же были, иногда заезжали. Однако Наташа впервые видела их всех пьяными до неузнаваемости.

«Взрослость свою доказывают?! По-другому им и в голову не приходит? Чертовы маменькины сынки...» — Больше не пытаюсь найти дочь, она прошла к акустической системе и выключила музыку. Тишина оглушила их, ударила по ушам, некоторые даже скорчились.

— Что за праздник в будний день? — Наташа смотрела на них тем взглядом, от которого холодели ее подчиненные. Умела, при всей своей солнечности...

Но эти ребята были слишком пьяны, чтобы ощутить дрожь в коленках. Один из них, которого дочь называла Митькой, даже приветственно вскинул руку:

— О, приветствую! Хозяйка дома пожаловала!

— Не пожаловала, а вернулась с работы, — отчеканила она. — И хотела бы отдохнуть в своем доме. Если вы не возражаете!

Ей казалось, что это прозвучало иронично, но никто не усмехнулся и не смутился. Они смотрели на нее одинаково мутными глазами, и Наташа видела в них только отражение надоедливой тетки, которая мешает им жить.

— Это только твой дом, да? А я на него вообще никаких прав не имею? Я здесь не живу, что ли?

Теперь ей удалось найти среди них Аню. Раньше не заметила потому, что та сидела на коленях у раскрасневшегося от похоти парня, который и не подумал убрать руку с Аниной груди, и продолжал тискать на глазах у матери. Наташе показалось, что штаны у него уже расстегнуты. Да пусть бы, не маленькая девочка, но не на глазах же у всех, спяну, чтобы потом полжизни тошнило от воспоминаний!

— Встань, — отрывисто приказала Наташа. — И проводи своих гостей!

— С какой стати?! — взвилась дочь. — Я не имею права даже друзей пригласить? Чего ты вообще раскомандовалась? Это мой дом или что вообще? Тюрьма? Зона особо строгого режима?

— Это мы потом выясним, — она попыталась пробиться к непрошеным гостям. — Молодые люди, вечеринка закончена. Прошу вас удалиться.

Как ни странно, они послушались и, почти не ропща, потопали к порогу. Наверное, было куда податься... Роняя бокалы и сшибая углы, они покорно сбились в маленький отряд, готовый к новым подвигам за дело уничтожения идеалов отцов. Каждое поколение проходит этот путь в своем направлении, затаптывая проложенные тропинки. В этом глупость и правильность развития человечества.

Наташа держала паузу, пока последний из гостей не закрыл за собой дверь. И дочь держала взглядом, самой казалось, что пригвоздила ее к дивану, и не испытывала жалости, наблюдая, как та корчится. Хотя и щеки пылали, пока Аня демонстративно натягивала трусики, которые вытянула из щели между диванными подушками.

— Сладко было? — не выдержала Наташа. — Бабушкина похоть в крови разыграла?

Дочь пьяно завизжала, мотая растрепанной головой:

— Заткнись! Заткнись! Не смей говорить о ней гадости! Свои похождения вспомни.

Наташа опешила:

— Какие еще похождения? Что она тебе наплела?

— Правду о тебе рассказала! Она хоть по душам со мной разговаривает, а ты только пустяки на меня вываливаешь. Что, не заслуживаю твоей откровенности?

— По душам поговорить захотелось? — закричала Наташа, выйдя из себя от одного лишь упоминания о матери. И, схватив дочь, поволокла ее в ванную. — Проспринцуйся сначала, дура, как следует! Не дай бог, еще забеременеешь от какого-то отморозка!

Зарычав, Аня выгнулась всем телом, рванулась прочь, едва не вывернув себе руки:

— Да отстань ты! Он ничего и сделать-то не смог.

— Твое счастье...

— Счастье?! — взвилась дочь. — Какое счастье? Ты меня всего лишила!

Наташа опешила:

— Я? Лишила? Да я...

— А теперь и молодости лишаешь! Когда еще безумствовать, как не в двадцать лет?

Не сделав уступки, мать напомнила:

— Тебе уже почти двадцать три. Пора бы повзрослеть.

— Для чего?

Вывернувшись в шутовском поклоне, Аня снизу ухмыльнулась ей в лицо.

— Жизнь коротка, мамочка! И от нее нужно успеть получить максимум удовольствия. Или — счастья! Как тебе угодно! А иначе его не получишь. Вот ты разве счастлива оттого, что загрэбла кучу денег? А? Ну, скажи мне как на духу! Ты счастлива?

— Как на духу? — Наташа вобрала в грудь воздуха, чтобы ответить. — Нет.

Плюхнувшись в голубое кресло, Аня забросила голые ноги на подлокотник и произнесла удовлетворенно:

— Вот!

— Это состояние счастьем не назовешь. А ты счастлива оттого, что куча подонков загадила наш дом? Оттого, что ненужный тебе мужик всю тебя облапал? Как ты могла вообще?! Неглупая ведь девка!

Дочь вскочила, метнулась в сторону, точно пыталась укрыться от осуждения.

— А как ты могла? Как ты могла сломать всю нашу жизнь?! — отступая к лестнице, ведущей на второй этаж, выкрикивала она. — Тебе никого не жаль! Ты всегда лучше всех все знаешь... Разве ты не этого хотела? Чтобы я побольше общалась с людьми... Вот я и общалась...

У нее со свистом заплелся язык, и Аня удивленно замолчала. Наташе показалось, что только в этот момент дочь поняла, что пьяна. Повиснув на перилах, она поползла наверх, хотя ее комната была на первом этаже. Наташа следила за ней с замиранием: «Не дай бог, ее вырвет сейчас сверху! Фейерверк отворачения... Это было бы в ее духе».

Но здоровый желудок дочери справился с изрядной порцией яда, которым Аня пыталась убить стыд. Ей удалось. Она становилась достаточно сильной, чтобы бороться с матерью на равных.

— Это уже маниакальный психоз, — пробормотала Наташа, почувствовав, как страшно открыть дверцу машины и снова шагнуть в полутьму подземной стоянки.

Зажав в руке заготовленный электрошокер, женщина все же распахнула дверцу, покинула свое убежище. Прислушалась: тишину ничто не нарушало, но почему-то она показалась затаившейся, скрывающей нечто ужасное... Затем решительно нажала кнопку брелка, прослушала ответное пикиканье и быстро пошла к выходу.

Слушать звук своих шагов, отдающийся эхом, все равно что сочинять балладу об одиночестве. Однажды в самой южной точке Европы — городе Кадисе, где обнаружился потрясающей красоты светлый, в римском стиле, кафедральный собор, они спустились в усыпальницу. И отзвуки их голосов, любых движений, боязливого смеха разнеслись по всему подземелью, едва освещенному, слегка пугающему. Казалось, что невидимые духи подхватывают каждую ноту человеческой жизни и молниеносно развеивают их над гробницами, напоминая усопшим, какими они были... Было жутковато и сладостно бродить в этой полутьме, касаясь вековых наслоений на стенах, вдыхать аромат тления, который она, может быть, придумала тогда же, но он тоже помнился.

И сейчас Наташе почудилось, что каждый шаг уводит ее в ту самую усыпальницу, в царство мертвых, откуда может вывести только другой человек, как тогда ее вывел сын. Володя, кажется, уже поднялся, не дождавшись их. Или наоборот — задер-

жался там. Она почти не помнила его присутствия. А где была дочь? Наверное, с ним. Его верная спутница, похожая на юную любовницу. Все отцы любят гулять с подростками дочерьми... Только не всем девочкам это в радость.

Ей вдруг померещилось, что один из духов проснулся — она услышала крадущиеся шаги. И тут же будто упала в реальность, однажды пережитый ужас черным смерчем пронесся в памяти. Быстро оглянувшись, Наташа ускорила шаг, но разнобой звуков усилился, идущий за ней пошел быстрее.

«Мир звуков мстит мне за музыкантов!» — Она мотнула головой, прогоняя нелепую мысль. При чем здесь гнесинцы, ею отвергнутые? Уже других нашла, осчастливила... Угрызения впились в душу только на секунду, страх, гнавшийся по пятам, заставил их разжать челюсти. Еще раз оглянувшись, Наташа заметила шархнувшуюся тень и, отвергнув опасение выглядеть смешной, бросилась бежать, пытаясь догнать бывшее убеждение, что такого с ней просто не может случиться, заново сжиться с ним.

Но шокер во вспотевшей ладони подтверждал, что она и сама уже отчасти поверила в происходящее. Невозможное возможно. Хотя ей еще удавалось цепляться за обрывки спасительных надежд: «Это какой-нибудь автослесарь... Что-нибудь отремонтировал тут... Или тоже — владелец. К своей машинке торопится. Ему так же страшно?»

Но в это не верилось, потому что ужас рождало собственное тело, спина, покрывшаяся испариной. Нужно было просто заставить его двигаться чуть быстрее и добраться до просвета впереди, пока не догнали. Кто? Тьма. Она всегда дышит нам в спину,

и вся жизнь, собственно, это стремление к спасительному свету впереди. Некоторым так и не удается подняться...

«Всё! — внезапно поняла она. — Не успею».

Это сложилось не мыслью, а ощущением безнадежности, от которой разом отказали ноги. Просто обмякли, и Наташа упала на колени, будто просила пощады, хотя вовсе не собиралась этого делать. Что-то черное налетело на нее, ей показалось — бесформенное, безликое. И она из последних сил ткнула в него той волшебной палочкой, что была зажата у нее в кулаке.

Сдавленно вскрикнув, парень выронил бейсбольную биту и рухнул с ней рядом. Наташа зажмурилась, обхватив голову. Она даже не видела — трясет ли его от разряда, или он уже потерял сознание. Ей не удавалось сообразить, сколько секунд она жала на кнопку, но когда открыла глаза, увидела, что человек, упавший рядом, обездвижен. Левая рука его была подмята телом, ноги скрючены, как у эмбриона... Держа шокер наготове, она осторожно стянула с его лица черную маску, не совсем понимая, зачем ей так необходимо посмотреть на него? Разумнее было бы убежать, пока он не очнулся, и вызвать милицию.

И только увидев перекошенное лицо нападавшего, измазанное произвольно выделившимися от разряда слезами и соплями, Наташа поняла, что подсознательно ожидала чего-то подобного. Обнаружить знакомого. Догадаться о самом чудовищном...

Она отшвырнула маску, продолжая сидеть рядом с Аниным одноклассником, который столько раз бывал у них дома, что казался насквозь знакомым. Правда, его имя всплыло не сразу, хотя было до-

вольно простым — Костя Васильев. Теперь студент-медик. Им учится дольше, он еще не успел окончить...

«У него всегда было полно денег, — припомнила Наташа растерянно. — Папа же прочно на нефти сидит... Зачем ему охотиться за мной? Наркотики? Тайный долг какой-то?»

Больше Наташа не испытывала ни страха, ни отвращения и просто сидела с ним рядом, бессмысленно разглядывая брошенную битую. Мучительное желание понять, что происходит, легко побороло и брезгливость, и инстинкт самосохранения. Хотя риска было немного: вряд ли Косте сразу удастся поднять тяжелую битую, даже когда он придет в себя.

— Нет, — прошептала Наташа, передернувшись от холода, который волной окатил все тело. — Не может быть, чтоб она...

Она гнала эту мерзкую, как скользкая жаба, мышь до той минуты, пока не раздался сдавленный стон. Не собираясь помогать, Наташа хладнокровно наблюдала, как Васильев ворочается, пытаясь совладать с онемевшим, как отсиженная нога, телом. Когда он разлепил глаза, она бросила ему платок:

— Утрись!

Вряд ли понимая, что случилось, он машинально вытер лицо, хотя руки еще не вполне его слушались. Потом вдруг шархнул от Наташи:

— Вы!

— Зачем? — спросила она отрывисто. — Деньги? Или что? Убить меня хотел?

Язык у него еле ворочался:

— Не убить... Нет... Только повредить...

— Что повредить? — Она подалась к нему, опять напугав.

— Коленную чашечку...

— Что? — Наташе показалось это полным бредом. — На кой черт тебе...

И поняла прежде, чем закончила фразу: не ему это надо было. Этому мальчику нет никакого дела до ее чашечек и лопаток. Но старой подруге Костя просто не мог отказать.

— Зачем ей нужно было искалечить меня? — спросила она почти шепотом.

— Как вы...?

— Зачем?!

Он отполз от нее, как больная каракатица, смешно перебирая конечностями. Теперь страх был только в его глазах.

— Вы меня сдадите?

— У тебя сопля на щеке, — поморщилась Наташа. — Тебе еще платок дать?

Кажется, он даже покраснел, хотя в полумраке трудно было разобрать. Где-то неподалеку завелся мотор, и Костя содрогнулся от постороннего звука.

— Сдадите?

— Ты сначала на мой вопрос ответь.

— Зачем она... А вы сами не понимаете? — Он вызывающе шмыгнул. — Чтобы удержать вас при себе хоть на месяц. Почувствовать наконец, что у нее тоже есть мать! Наговориться с вами! Только не так, как вы с нами общаетесь — между переговорами по телефону. Мне вот тоже иногда хочется шмякнуть чем-нибудь своего отца...

— Да ведь вы уже взрослые люди, — растерялась Наташа. — Что за инфантильность такая?

Он попытался подняться, но снова тяжело осел. Потер лицо, которое все еще было чужим.

— Уж какими воспитали... Разве вы не хотели этого? Всем распорядиться, все решать за нас? Ведь только вы знаете, как правильно!

— А, по-вашему, правильно — битой по колену?

— Ну, это уже... — Он пошевелил в воздухе пальцами, подбирая слово. — Жест отчаяния. Иначе же вас не удержишь рядом... И моего папашу тоже. Я лет с пяти кормлюсь его обещаниями съездить вместе то на рыбалку, то на лыжах покататься. Но он никогда не оторвется от своего дела ради меня! Ему вообще плевать, как я живу и чем. И вы такая же!

Собравшись с силами, Наташа поднялась и взяла его битую. Слегка отклонившись, он взглянул на нее затравленно.

— Бить будете?

— Стоило бы. Я смотрю, ты уже вполне очухался, так что сможешь запомнить: Ане скажешь, что я убежала, после того, как ты отключился. И твоего лица не видела. О нашем разговоре ни слова. А то, если я кого-то найму, тебе мало не покажется. — Уже отойдя, она вспомнила: — Кстати, почему — ты? Ведь ты же будущий врач! А как же клятва Гиппократа? Не навреди, и все такое?

— Я еще не давал ее, — отозвался Костя мрачно. Он все еще сидел на полу и смотрел снизу, как запуганный пес. — И потом только я мог попасть точно по коленной чашечке так, чтоб не раздробить ее напроць...

...Уже когда села в машину, сжалась от застарелой, не забытой боли: лет сорок назад у них во дворе мальчишки палками забили беременную кошку. Маленькие были ребята, еще в школу не ходили. А кошка даже не попыталась убежать от них,

тяжелый живот по земле стелился... Она только затравленно жалась и озиралась. Потом лежала на заскорузлой тропинке посреди двора с оскаленным, окровавленным ртом, с вывернутой шеей. Наташка редела в голос, бросалась от одного к другому, пыталась спасти будущих котят, их мать...

Тогда ей еще было невдомек, что однажды она и сама захочет убить свою мать. А ее дочь, в свою очередь, саму Наташу. В свои пять лет она просто не догадывалась, что матерей убивают каждый день, каждую минуту... До тех пор, пока у кого-то не достанет души прервать эту порочную цепь, научившись любить.

* * *

Она просто ездила и ездила по Москве до того часа, когда, по ее расчетам, дочь не легла спать. Как сейчас встретиться с ней глазами, выдержать взгляд? Никаких сил не хватит. Когда Наташа возвращалась поздно, Аня не выходила ее поприветствовать. А иногда и днем не выходила... Не хотела видеть? Как это уживалось в ней с желанием силой удержать мать рядом? Искалечить, но заполучить в пользование...

«Чудовище, — стонало в ней все. — Я вырастила чудовище!»

Только каким бы страшным и мерзким ни казалось Наташе происходящее, ей никак не удавалось избавиться от мысли о том, что, наверное, такой же ужас рвал душу ее собственной матери, когда до ее мутного сознания дошло, что отныне она будет заключена в сумасшедшем доме.

Но оправдывала себя тем, что матери только воздается по заслугам, ведь не за что было уцепиться в воспоминаниях! Все детство осквернено неумемной похотью женщины, готовой ублажать свое чрево днем и ночью, при гостях уходившей в ванну и раздевавшейся при открытой двери. То один из них, то другой скрывался за этой дверью, а Наташка забивалась в дальний угол, прятала пылавшее от стыда лицо.

— Мужчины меня любят, — мурлыкала мать, когда они оставались вдвоем. — Они с ума от меня сходят...

А вот когда она сама окончательно сошла с ума (не в фигуральном смысле!), то вчерашних любовников разметало мгновенно. После больницы Варвара Игнатъевна больше походила не на маркизу, а на пингвина — неповоротливого, заторможенного, с глупо растопыренными руками. Ее белоснежные кудри зачем-то коротко остригли, вши в больницу водились, что ли... И Наташе не раз мерещилось, что в их доме поселилось какое-то незнакомое существо, с вечно пересохшим, старческим ртом и диковатым взглядом.

Спустя несколько месяцев мать отошла от оглушающего лечения, волосы ее отросли, хотя виться почему-то перестали. Но ужас, вызванный изуверским изнасилованием, с помощью таблеток поистерся в ее памяти настолько, что Варвара опять начала с интересом поглядывать по сторонам. От лекарств она сильно располнела, и если раньше ее кокетливость вызывала умиление, по крайней мере у мужчин, то сейчас она стала их пугать. Но Варвара Игнатъевна садилась на подоконник большой белой жабой и, призывно разевая рот (что ей самой каза-

лось голливудской улыбкой), ждала, когда появится Иван-царевич, готовый превратить ее в прекрасную невесту.

Этот ежедневный позор бесплодного материнского ожидания заставлял Наташу пулей пролетать через двор, чтобы, не дай бог, какая-нибудь старуха не успела прошипеть ей вслед: «Шлюхино отродье!» Она уже научилась им отвечать, но у нее никак не получалось не плакать от этих слов, снова и снова спрашивая себя: за что ей это?

Мать родила ее случайно и против воли. Она сама не раз говорила, что хотела сделать аборт, но первый и единственный законный муж уговорил ее родить ребенка. Хотя молоденькая Варенька не испытывала никакого желания осложнять себе жизнь пеленками и кормлениями. Кормить грудью, кстати, так и не стала, Наташка выросла в обнимку с бутылочкой. И потом гордилась тем, что чуть ли не по два года выкармливала своих детей. Почему-то вообразила, что они будут благодарны ей за это...

— Вот и получила благодарность, — собственный голос показался ей тоскливым.

Радио в машине не включила, любые звуки раздражали бы сейчас. Мешали бы вспомнить, что детей надо рожать бескорыстно, не рассчитывая на их грядущую отдачу. Они ведь не просили обрекать их на жизнь в мире, полном зла. «Это тебе хотелось излить на тепленького, забавного младенца всю накопившуюся в душе любовь, — холодно напомнила себе Наташа. — Ты получила свое. И не требуй большего. Если детям захочется в ответ согреть любовью тебя — твое счастье! Значит, вы одной крови... Что далеко не всегда обеспечено близким родством».

Она то и дело бросала взгляд на стационарный телефон, локтем ощущала его близость: «Позвонить ей? И что же сказать? «Я люблю тебя, детка! Не надо меня убивать»? Это приведет ее в восторг!»

Не отдавая себе отчета — зачем, Наташа остановилась возле Тверского бульвара, где на днях случайно встретила дочь, и вышла из машины. Не помня наверняка, она пошла примерной тропой, которую проложила здесь Аня, пытаясь ощутить подошвами ног следы дочери. Хотя о чем они могли поведать ей — затертые, невнятные? Маленькие отпечатки, оставленные девушкой, которая готова была сражаться за любовь своей матери до первой крови...

— Ведь она любит меня, — Наташа прошептала это, замерев посреди по вечернему оживленного бульвара. — Как-то жутко, но любит.

Она уже хотела вернуться к машине, чтобы наконец поехать домой, когда ее окликнул голос, не сразу ею узнанный:

— Наталья?

На этот раз имя всплыло сразу:

— Олег Тараненко, если не ошибаюсь? Простите, не знаю отчества...

И похвалила себя за сдержанный тон, который был единственно верным в общении с человеком, на целый день укравшим ее дочь. При чем здесь то, что сейчас он чуть ли не расшаркался, спрятал за спину сигарету? Наташа уже мысленно возвела между ними стену, хотя обычно искрила радостью, разговаривая с людьми. Ее клиенты должны были с первой секунды почувствовать — эта женщина может подарить им настоящий праздник. Как Василиса Премудрая,

она с легкостью разворачивала разноцветный ковер-самолет, на котором обещала доставить их в волшебную страну.

Но Тараненко не был ее клиентом, она не чувствовала себя обязанной быть с ним милой. А то, что ей померещилось там, возле дома, когда она увидела его в первый раз, было всего лишь наваждением — непрошеным и быстро рассеившимся. Аня провела с ним целый день... Что там было за день? Всякое могло произойти. А соперничество с собственной дочерью немыслимо! Отвратительно...

— Я тоже не знаю вашего отчества, — заметил он, отыскивая глазами урну, куда можно было бросить окурок.

Наташа указала пальцем. Остаток сигареты полетел в мусор выдохшейся кометой с едва теплящимся венчиком. Зачем-то отряхнув ладони, словно до этого сворачивал сигарку, Олег взглянул на них с откровенным недоумением, и Наташа так и не поняла: то ли ему хотелось протянуть ей руку, то ли обнять... Но машинально отступила, оберегая свое личное пространство, за неприкосновенностью которого, при все своей общительности, следила бдительно, не позволяя посторонним слишком приближаться. Чужое дыхание, нежеланный запах раздражали ее. Не именно в этом случае... Сейчас она еще ничего не успела почувствовать.

— Как вы здесь оказались?

Откинув спадающие волосы, он спросил об этом с каким-то подозрением, и Наташе подумалось, что, должно быть, странно выглядит среди юнцов почти ночью. Может, ему пришло в голову, что эта женщина ищет мальчика на ночь? Неужели она выглядит настолько одинокой?

— А вы? — бросила она в ответ.

И подумала, что странно затевать разговор-поединок с человеком, которого едва знаешь. Еще можно было просто повернуться и уйти, чтобы постараться не вспоминать о нем... Если дочь не напомнит! Но что-то удержало ее в первый момент, и она поняла, что уже не уйдет, пока не выговорится или хотя бы не отвлечется с помощью этого человека. Наташа чувствовала себя с ним как в море: ее то отбрасывало прочь, то опять влекло к нему.

Эта неожиданная ассоциация напомнила, что она мимоходом обещала Ане поехать на юг Испании, в тот рукотворный рай, где им было — то ли пять, то ли десять лет назад — так хорошо... То, что они уже были изгнаны оттуда и растеряли друг друга в трудном, унижительном пути, вовсе не значит, что им нельзя попытаться все вернуть. Хотя бы им двоим...

Но этот третий, неожиданно возникший, опять вмешался:

— Не хотите перекусить? Может, кофе? Мороженое? Мы стоим почти у «Макдоналдса»...

«Я — в «Макдоналдс»?!» — едва не вырвалось у Наташи возмущенное, но она успела подумать, что это будет даже забавно. Этаким ночной экстрим в виде ресторана быстрого питания. Нельзя сказать, что она никогда не заходила в такие заведения, но этого не случалось с ней уже очень давно...

— А пойдете! — Она тряхнула кудрями. — Кофе там, конечно, паршивый...

— Там есть кофейня.

— Правда? Я даже не обращала внимания... А вы там часто бываете?

— Я живу неподалеку, на Бронной.

— На Большой или Малой? — Наташа сама смутилась. — Господи, зачем я об этом спросила?

Олег рассмеялся, удивив ее светлой открытостью улыбки:

— На Большой.

— В любом случае неплохо. Вы влезли Москве в самое сердце!

— Моей заслуги в этом нет, — заметил он без смущения. — Бабушка мне квартиру оставила.

— У вас еще недавно была жива бабушка? Вам повезло. Наверное...

Они уже вошли в кофейню, и Наташа с наслаждением втянула горьковатый запах. Выбрала столик у окна, чтобы понаблюдать за ночной жизнью. Обычно она столько работала днем, что к вечеру валилась с ног и лень было снова ехать в Москву, чтобы просто прогуляться. И теперь она смотрела на ровесников своей дочери с некоторым недоумением: кто они? Эти мальчики и девочки, готовые перебить ей колени...

Возникшая перед ней чашка манила черным глазом, приглашая погадать на кофейной гуще. Она никогда прежде этого не делала и не испытывала желания, придерживаясь убеждения юности, что человек — сам строитель своей судьбы. Чего ей стоило обрести ту жизнерадостность, которую ненавидела в ней дочь, — кто знал?

— Несокрушимая оптимистка, — насмешливо говорил о ней муж. — И атеистка.

— Неправда! — вскипала она. — Хотя бы раз в месяц, но я бываю в церкви. А ты — никогда!

— Ты ходишь туда отмечаться у Бога. Чтобы зачлось... Это нельзя назвать верой.

— А что же можно? В чем твоя вера? — нападала она.

— В том, что я признаю: ни один волос не упадет...

У нее не хватало терпения дослушать:

— Так можно всю жизнь прождать, пока в твоей судьбе что-то произойдет! Если бы я сама не пахала как лошадь, так ничего у меня и не было бы.

Теперь он был бы вправе напомнить: «А у тебя и нет ничего».

* * *

Сначала они просто пили кофе, потом перебрались в сам «Макдоналдс», и тут, словно спустившись с искусственно нагроможденных пьедесталов, стали хохотать как дети, когда салат начал вываливаться из заказанных ими «Биг-тейсти» и влажными лягушками шмякаться на салфетки. Ничего особенного не происходило, и со стороны двое взрослых, давившихся бутербродами и смехом, Наверное, выглядели идиотами, но Наташа внезапно ощутила, что осколок отступил, позволил продохнуть. И неожиданный здесь, почти забытый голос Криса Ри обернул ее в бархат, понежил, заставляя забыть о плохом. Лето за окном, теплая, тихая ночь, зовущая в московские переулки, в уснувшие дворики.

— Пойдем?

Она как-то незаметно перешла с ним на «ты», и Олег глазом не моргнул, принял это как данность. И по-дружески протянул руку:

— Пойдем.

И пошли по бульвару к Никитским воротам, нащупывая темы для разговора, что, впрочем, проис-

ходило не натужно, а легко, как даже в юности не давалось, когда перед свиданием с Володей приходилось продумывать, о чем рассказать, чтобы не провести вечер в неловком молчании.

— Другая Москва, правда? Я так давно не гуляла ночами по улицам... Будто в незнакомом городе очутилась! — Она даже вертелась, озираясь. — Хоть Пушкин на месте.

— Я Тверскую до сих пор называю улицей Горького, — признался Олег. — Трудно менять то, что уже вошло в разряд автоматизмов. Хотя понимаю, что это справедливо было — вернуть вековые имена. Наверное, постепенно привыкнем.

Она слушала его, опустив голову и улыбаясь. Розовый песок, в темноте утративший свет, приятно поскрипывал под ногами. Пальцы Олега то и дело ненавязчиво переплетались с ее, слегка озябшими. Не от ночной прохлады, а от всего, что случилось вечером... И черный страх, и сладкий, какого много лет не испытывала — с тех пор, как Володя вот также попытался сжать ее руку. Если б отдернула тогда, вся жизнь могла бы сложиться иначе...

И сразу вспомнилось, что на днях как раз на этом месте увидела дочь, которую непонятно каким ветром сюда занесло. Маленькое, жестокое существо в шортах и сандалиях детского размера... Может ли из него прорасти женщина? То, что на вечеринке мерзкий тип затащил Аню на диван, еще не говорит о том, что он увидел в ней девушку... В том состоянии любой из них реагировал на все, что движется. Был бы трезвым...

Она бросила на Олега вопросительный взгляд. Перехватив, он спросил одними глазами: «Что?»

— Вы не могли бы мне помочь? — пробормотала Наташа. — Правда, это такое дело... Деликатное.

— Мне хотелось бы помочь вам, — серьезно отозвался он. — Только мне показалось, что мы перешли на «ты»...

— А? Да! Точно. Извини.

Олег отозвался с милой насмешливостью:

— Ничего-ничего! Так в чем нужна моя помощь? Шкаф передвинуть?

— Это очень деликатное дело!

— Разве нет? — Он остановился и придержал ее за локоть. — Что случилось? Говори.

И ей мучительно захотелось поделиться с ним... Всем. Но в первую очередь заговорила о дочери, которая уже напомнила о себе, кольнув в сердце: «Как же она могла?!» Чтобы не смотреть ему в лицо, Наташа быстро пошла по мягкой дорожке, тщетно пытаясь убежать от вопросов, что рвали ее сердце. Только показалось, что отлегло, пока болтали в кафе, а этот бульвар напомнил о дочери отпечатками ее следов, которые жгли Наташе подошвы, и потому она шла все быстрее. На ходу забрасывала Олега подробностями о парне с битой, о темном страхе, об Ане, которая то ли до того ненавидела ее, что готова была убить, то ли — любила...

— У меня в голове не укладывается, как такое возможно? Иscalечить меня на всю жизнь только ради того, чтобы поболтать?! Ну, скажи мне: она — сумасшедшая, да?

О том, была ли у него близость с Аней, спросить не решалась. Это был бы уже запредельный разговор...

Олег не перебивал, понимая, что Наташе и ответы-то были не нужны, она просто должна была

выговориться, освободиться от обиды, согреться душой. Так шибануло ее холодом там, в подземелье, когда Наташа сорвала черную маску...

— Неужели нельзя было по-другому дать мне понять, что она нуждается во мне? Мне казалось: она отталкивает меня всеми лапами! Я уж и не знала, как к ней подступиться...

— А хотела?

Она даже остановилась:

— Ты что? Хочешь сказать, что ей иначе было не пробиться ко мне?

— Ты сама это сказала...

— Да нет же! Я всегда открыта для общения...

Его нос так и сморщился:

— Ой-ой-ой! Какая депутатская фраза!

— Депутатская? — Она хотела возмутиться, но вдруг стало смешно.

И, едва удерживая губы, готовые расползтись, Наташа выпалила как школьница:

— Дурак несчастный! Что ты понимаешь?

Его смех обдал лицо теплом. И это осязаемое ощущение жизни в нем окончательно убедило ее, что у него, как ни у кого другого, получится то, о чем она хотела просить.

— Так вот в чем ты мог бы мне помочь... Ты не согласишься немного поухаживать за ней?

— Что? — опешил он.

— Чтобы она почувствовала себя красивой девушкой! — Она мысленно призвала на помощь весь свой дар убеждения. — Кому-то необходимой. Не одинокой. Ей ведь не я нужна, по большому-то счету! Верно? А близкий человек. Не эти «мажоры» чертовы, с которыми надраться можно! А тот, с кем

можно поговорить... В этом ты ей будешь даже интересней, чем я.

Наташа уже тащила его дальше, чтобы энергия движения подкрепила ее слова. Но Олег опять оставился:

— Ты себя недооцениваешь.

— Ну что ты! Я себя очень даже ценю. Но вы с ней... У вас более близкие интересы, правда? Литература и все такое.

— Что — «такое»?

— Да ты ведь сам знаешь...

Она почувствовала, что выдыхается. Ей казалось, мужчине только предложи пофлиртовать с молодой девушкой, и он тут же сделает стойку. А этот еще и копается... А он ведь не гей, это она чувствует, и разведен — с его слов. В чем тут дело?

— А если мне больше хочется поухаживать за тобой?

— За мной? — Она вдруг обнаружила, что не слишком удивлена.

Что-то в том, как он посматривал на нее в кафе, забывая улыбаться... Нет, еще там — в их поселке, когда встретились впервые, какое-то радостное изумление в его взгляде предупредило Наташу, что это признание рано или поздно прозвучит. Только ей показалось, что это не может помешать Олегу помочь ей. Никто же не просит его влюбляться в Аню... Не дай бог!

— Тебе не кажется, что это будет слишком сильным ударом для нее, если потом она узнает, что все это время я был влюблен не в нее?

— Влюблен? — растерянно повторила Наташа.

Это слово было почти забыто, хотя Володя тоже когда-то говорил ей о любви. Но в духе тогдашней

богемной тусовки: «Старуха, знаешь, я как-то прикипел к тебе...» После этих слов она и согласилась выйти за него замуж. Зря, наверное... Может, он вовсе не любовь подразумевал этой фразой?

— Так ты сделаешь это? — перечеркнув слова Олега, требовательно спросила она.

— А ты идешь к своей цели напролом? Так ты сделала свой бизнес?

«Я мать свою в сумасшедший дом заперла, чтобы в ее квартиру свою семью поселить, а в арендованной однушке офис устроить! А потом продала свое чертово родовое гнездо ради строительства дома, в котором теперь некому жить. Вот как все делается в этой жизни!» — Наташа до боли закусила губу, чтобы не выкрикнуть все это в лицо зеленоглазому идеалисту, который получил квартиру в наследство и в ус не дует. Такие кичатся тем, что им много не надо... Сидит себе в издательстве, получает фиксированную зарплату, и все его устраивает! А может, просто не способен на большее? Или трусит даже взглянуть на вершину, не говоря уж о том, чтобы начать восхождение. Можно ведь в кровь израниться... А потом — пойди разбери: то ли своя кровь на руках, то ли чужая...

— Ладно, — процедила она. — Не хочешь — обойдусь. Найду другого.

Она уже повернула назад, пытаюсь вспомнить, где оставила машину, но Олег крикнул:

— Подожди!

Не оборачиваясь, Наташа остановилась, дождалась, пока он догонит ее. Его шумное дыхание обдало ей ухо, будто он собирался сообщить ей секрет.

— Ладно, — выдохнул он. — Раз тебе дочь не жалко... Мне-то что?

Улыбнувшись, она повернулась и угодила в его руки. Они сомкнулись у нее на спине так уверенно, словно такая расплата была заранее оговорена.

— Что такое? — строго спросила она.

— Все, — шепнул он. — Все, что захочешь.

* * *

А утром, когда, открыв глаза, она увидела лицо Олега на соседней подушке, не обнаружила в себе желания убежать, что иногда случалось после пробуждения в чужой квартире: «И как меня угораздило?!» Хотелось погладить его, спящего, даже не касаясь ладонью, чтобы не разбудить. Провести — над.

И ожило ощущение первого поцелуя, когда Олег, уронив на Наташино лицо свои непослушные волосы, втянул ее всю, только коснувшись губами. И от одного его дыхания она почувствовала свое тело податливым, способным принять любую форму, какую руки, прижавшиеся к ее спине, захотят вылепить. Увиделось даже, как она растворяется в удовольствии и обволакивает Олега, словно растопленный воск. Он хочет вдохнуть и дышит ею же, заполняется ее сущностью, задыхается и воскресает иным, более совершенным... Или прокаженным? Пропитанным ею... Отравленным...

Эти странные мысли и пугали, и тешили, как всегда бывает с порочностью, и чужой, и собственной. Там, возле моря, когда она, восьмилетняя, осталась без матери, за ней присматривала хозяйка дома. Но больше — ее сын, который был чуть ли не старше Наташиной матери и, может, не раз был женат, однако в то лето жил один.

Нет, он не приставал к осиротевшей девочке, он просто любил побеседовать с ней. И при этом ему нравилось развалиться в кресле, широко расставив ноги, чтобы короткие шорты, под которыми не было белья, чуть задрались и наружу вывалилось все, чем этот отвратный мужичок обладал. Жирное, голое... Не заметить было невозможно, и девочку шпарило кипятком. Взгляд судорожно цеплял за что-нибудь постороннее — деревенский умывальник возле туалета, сизые плоды инжира, опустившиеся на крышу летней кухни, трещины бетонированного двора. И все же невозможно было удержаться, чтобы вновь — с ужасом! — не взглянуть на то отвратительное, уродливое, что высывалось из шорт.

Больше он ничего себе не позволил, наверное, ему другого и не требовалось, но Наташа чувствовала себя оскверненной, утратившей невинность, ведь она — *видела!* Больше для нее не существовало тайн, она чувствовала себя постаревшей на два десятка лет. Потому и взрослая книга про Овода-Артура увлекла ее больше сказок, которые тоже имелись в хозяйской библиотеке. Старые издания, наверное, этот мерзкий эксгибиционист читал их в розовом детстве.

Еще и за это она не могла простить свою мать... За то, что подвергла ее такой пытке, бросила на произвол судьбы. А недобрая шутница подсунула ей картинку, которая вызвала отвращение к мужскому телу как таковому. Наташу долго тошнило, когда она вспоминала увиденное... До того, как не случилось еще худшее. Потом Володе пришлось долго лечить ее нежностью...

Вот тут обожгло стыдом: «А я ему так отплатила...» Она зарылась под мышку Олега, пытаясь

укрыться от мыслей о муже. Он проснулся и засмеялся, вытаскивая Наташу оттуда, не понял, что ищет убежища. Вечное женское — под крыло! Или спрятаться, или самой принять. Но чтобы один из двоих обязательно был защищен. Если ее не пустит, придется опять самой прикрывать, нянчить... Но это она уже проходила... Надоело.

— Анька будет смотреть на меня как на шлюху, — пробормотала Наташа, чтобы чем-то оправдать то, что собиралась сделать.

Хотя вроде бы имела право встать и уйти, и без объяснений. Оборвать все ниточки, которыми опутала ее эта ночь. Пока еще чувствовала их кожей, хоть и слабенько, но держали. И она оставалась в постели человека, который спросонья стал непозволительно родным. До того, что сердце щемило от одной мысли о том, что она может встать и уйти, ничего не сказав... После-то — что?

«А с ним — что? — пугала она себя. — Очередным любовником назначить? С этим-то взглядом пса, который только сначала умолял погладить его? А теперь — видно же! — готов зубами свое держать, глотки рвать всем, кто покусится! Нет, этот в мужья захочет. Прорвется в мою жизнь на законное место. А тогда что? Опять внутрисемейная война за свои права и против обязанностей? Мне и с Анькой этого хватает. Она заставляет меня чувствовать себя кругом виноватой! Если еще и новый муж добавится...»

— Мне пора! — не испугавшись банальности, бросила Наташа.

И вскочила с постели прежде, чем Олег успел сообразить, что она собирается сделать. Теперь, когда мысленно уже отвергла его, было неловко одеваться

у него на глазах. Каждый изъян сорокапятилетнего тела просто вопил о себе, и Наташа ежилась, прислушиваясь. Но когда бросила косой взгляд, полный злости: «Чего смотришь?!» — обнаружила, что Олег и не смотрит вовсе. Откинувшись на подушку, он прикрыл глаза согнутой в локте рукой.

Губы его шевельнулись:

— Что тебя вдрут испугало?

— Меня? Испугало?

— Ну да, да! Отчего ты убегаешь? Решила, что я сейчас начну предъявлять какие-то права?

Ее так и обожгло: «Как догадался?! Неужели чувствует меня — настолько? Но разве мужчина так может?»

Ответ не нашелся сразу, и Наташа промолчала, застегивая последние пуговики. Готова. К чему? К своей излюбленной роли одинокой, сильной женщины? Потому и одинокой, что сильной... Хотя и среди беспомощных дурочек тоже, наверное, полно тех, кто и поплакаться никому не может. Им еще тяжелее. Она-то может и сама себя из болота за волосы вытянуть, если начнет засасывать.

«Как раз сейчас этим и занимаюсь!» — мрачно усмехнулась Наташа. И подошла к постели. Кончиками пальцев погладила его стертый временем локоть. Олег опустил руку, посмотрел ей в лицо.

— Копьем пронзишь напоследок?

Она не совсем поняла, что он хочет сказать, но, как всегда в таких случаях, не подала виду.

— Живи! — улыбнувшись, сронила она, как последний подарок.

— Я уже был женат, если помнишь. — Олег сел, выставил напоказ голую спину.

Ей до того захотелось обеими ладонями прижаться к его лопаткам, что даже отступила. В этот момент руки себе готова была кандалами сковать, лишь бы не сделать этого. Тянуло к нему просто неправдоподобно, в голове размягчение начиналось. Только смотрела — и уже погружалась в какие-то смутные бредни: сплетенье рук, сплетенье ног... Где-то слышала о таком...

И будто не с ними даже это все было, со стороны подсмотрела через сетчатую ткань, смазавшую черты. То ли густая вуаль сна, то ли занавес прошлой жизни. Но влажность кожи, солоноватый ее привкус, утомление в мышцах — все это ощущала своим телом. Не этой ночи опыт, а нечто давно сросшееся с ней, разбежавшееся по всем кровотокам.

Еще шаг назад, чтобы не броситься в это родное, свое до того, что не оторвешь без боли.

— Был женат... И что? — уцепилась Наташа за ниточку разговора.

— Мне все эти битвы за то, кто в доме хозяин, уже осточертели. Кажется, я поумнел в одиночестве. А ты еще боишься, что все начнется сначала? Ты ведь этого боишься?

— Все-то ты знаешь, умненький Буратинко! — Она продолжала бороться не столько с самой собой, сколько с чем-то другим, гнездящимся где-то в сердцевине ее существа, не желающим подчиняться.

Поймала себя на том, что растерянно бродит по комнате, перекладывает что-то. Рубашку его подняла с пола, прижала к животу, будто разглаживая, на самом деле — поглаживая. И тут же отбросила ее на спинку стула, как живое существо, попытавшееся приласкаться к ней. Показалось, что рубашка зябко

поежилась, отлученная от Наташиного тепла. А ее хозяин горбился среди подушек и скомканного Наташей одеяла и следил за ней исподлобья, прищуренные глаза — сквозь пряди волос. Бродячий пес, готовый и лизнуть руку, и вцепиться в горло. Смотря как поведет себя человек.

И это польстившее: «Я — человек!», после постоянных указаний коллег по бизнесу на ее женское место, на дорогу от печи до порога, опять теплом залило грудь. И рука сама потянулась к спутанным волосам — переплетению солнечных травинок.

Когда вместе собирались уходить (он — проводить ее), уже в полутемной передней, где пахло старыми пыльными пальто, наверное, оставшимися от бабушки, Олег сообщил:

- Между прочим, твоя дочь принесла мне рукопись.
- Принесла? Куда? Ты виделся с ней еще раз?

Наверное, ему смешно стало, что она так всполошилась. И от этого Наташа разозлилась — больше на себя, чем на него. Задохнулась от пыли, раскашлялась. А Олег продолжал улыбаться... Губы у него были точно созданы для улыбки, такой доброй и лукавой она выходила. Хоть Наташа и подозревала, что смеется, и рассердилась, а не смогла не улыбнуться в ответ.

— Она приходила к нам в издательство. Я ведь оставил ей визитку! Знаешь, у нее довольно интересная проза... Еще хаотичная, конечно, не очень стройная, но мысли у нее определенно есть. И если с ней поработать...

- Каким образом? — резко спросила она.

Олег удивленно приподнял брови:

— Каким образом? Ну, как редактор работает с начинающим писателем... Впрочем, тебя это, наверное, никогда не интересовало!

— А должно было?

Отрицательно качнув головой, он тем не менее согласился:

— Нет. Читатель не должен заглядывать на кухню. В ресторане ведь мы не лезем к повару!

— Так ты будешь с ней... работать? — спросила Наташа о том, что интересовало ее больше читательских прав.

— А ты против?

— Нет, что ты!

Ей самой показалось, что она произнесла это слишком поспешно. Как щит вскинула фразу, которая могла защитить ее от подозрений в чудовищном: в ревности к собственной дочери. Вопрос о том, могла ли Аня пойти на близость с мужчиной в первый же день знакомства, для Наташи не возникал. Если сама способна, то чего же от дочери ждать? Загвоздка лишь в том, что мужчина у них один. Может, потому и решила рвануть от Москвы подальше, схватив дочь под мышку, лишь бы все не стало еще хуже. Ведь всегда есть куда опускать вектор отношений. До абсолютного нуля, как у нее самой с матерью. Будто и не существуют друг для друга.

Прощаясь возле ее машины, Олег напомнил:

— Ты эту дурь, насчет ухаживания за твоей дочерью, уже выбросила из головы?

— Это не помешало бы, — заметила она осторожно.

А в груди вдруг заныло: «Не хочу! Ане отдать эти солнечные нити волос? Этот весенний взгляд...

А вдруг заберет? Все еще так непрочно, как можно рисковать? Ведь еще не было мужчины, который так понимал бы меня, разве я могу отпустить?!»

Но вечная настороженность, которая процентами прирастает к деньгам, уже напомнила о себе: «А если он — просто альфонс? Хочет присосаться к кормушке? Я не такая уж золотая жила, как ему кажется, но все же побольше, чем он, имею... В таком случае он будет за меня цепляться, ведь Аньку, разозлившись, могу и лишить всего! Он это понимает, не дурак...»

— Мы с дочерью уезжаем на неделю, — неожиданно даже для себя самой окончательно решила она. — Горящие путевки предложили... Давай поговорим об этом, когда мы вернемся? Я понаблюдаю за ней там... Может, все не так плохо, как мне кажется?

— Куда вы едете? — спросил Олег без особого любопытства.

Наташа замешкалась только на секунду:

— В Испанию. Я люблю эту страну. Особенно Андалусию. Я там расслабляюсь. И все же европейцы вокруг, не раздражают, как в Таиланде...

— О-о! — протянул он с насмешливым укором. — Да ты еще и расистка?

— В Москве станешь расисткой!

— А у меня друг — чеченец, — объявил он. — А другой — узбек. Потрясающие мужики!

«О чем это мы? — рассеянно задумалась она и начала искать ключи в сумке. — Надо сейчас заехать к Маринке, может, и вправду путевки найдутся. Уехать сейчас — лучший выход! Все само как-нибудь устаканится за эту неделю...»

В руку ей опять попался шокер, и будто самому током ударил. «И это тоже, — мрачно подумала Наташа. — Нам всем нужно прийти в себя...»

Дневник в блоге Мантиссы

«Моя мать — насквозь женщина, вот в чем ее и беда, и вина. Как бы она ни пыталась втиснуться в костюм делового человека, все равно оборочки и рюшечки вылезают наружу. Она и меня в детстве пыталась сделать такой же, загнать в рамки своего пола. И если б я не сопротивлялась так отчаянно, то сейчас пописывала бы слезливые сказки и так же идиотски радовалась каждой мелочи, как моя мать. Олицетворение радости... Светлые волосы — волнами, глаза голубеют, губки розовеют — сплошной гламур! Который она даже не презирает. Не понимает, за что! Она ничего о себе не понимает...»

— С детства все пыталась доказать, что из нас двоих это она — красавица, — вспоминает бабушка, и обрюзгшее лицо ее мелко дрожит. — Ножки свои оголяла перед каждым встречным-поперечным...

Значит, это врожденное. Прогнав моего отца (отца ли?), она рыщет в поисках мужчины (для нее — с большой буквы!), который оценит ее украшательство. Ей невдомек, что он — любой! — будет в душе презирать эти ее глупые кружавчики, как презирал их папа. А она до сих пор уверена, что оказалась для него слишком сильной личностью! Она! Да она понятия не имеет, что значит быть сильной... Организовать бизнес? Руководить десятком или сотней людей? Зарабатывать кучу денег и тыкать ими в лицо мужа, на это не способного? Самообман. Вот

себя изо дня в день держать в узде, чтобы не броситься на шею той, которую любишь до ненависти, до желания стегать и стегать кнутом, пока она не прочувствует, что такое любовь... Это покруче будет.

Только ей никогда не понять этого. Никому не понять. Этот слабак, которого я попросила всего лишь, условно говоря, расковать эту неутомимую лошадь — мою мать, позвонил вечером и долго бормотал что-то невнятное: мол, он переоценил степень своей жестокости, у него, мол, рука на женщину не поднимется. Он даже не понял, что о жестокости речь вообще не идет... Я хотела спасти ее. Спасти наши с ней отношения, которые держатся на волоске. Вернуть к жизни то, что было в незапамятные времена, когда на свет еще не появился мой брат.

Меня приводит в бешенство то, что скучаю по нему просто безумно! И с каждым днем все больше. Думала, по отцу буду сходить с ума, ведь он всегда был моим домашним идиолом. А вот без брата меня как будто располовинили... Хотя никогда не считала нас одним целым! Но теперь воспринимаю себя обрубком.

Как ни странно, отсутствие отца такой неполноценности не внушает. Нелепо, но ощущение такое, будто отец не ушел от нас (от меня!), а растворился в воздухе этого дома и незримо присутствует во всем, что бы ни происходило. Я кожей чувствую его взгляд, его оценку каждого своего слова — и высказанного, и потаенного. И часто ловлю себя на том, что мысленно советуюсь с ним, даже спорю, потому что наверняка знаю, что единственный отец, которого я знала, сказал бы по тому или иному поводу. «Кашенко», конечно. «Бабушкины гены», — как ска-

зала бы мать. Но это безумие и спасает меня от тоски по нему.

А Ленька никогда не был близок мне настолько, чтобы я могла предугадать его реакцию. И потому мне хочется *говорить* с ним. Не в воображении, а на самом деле, потому что я не знаю, что отвечать за него...

Но если я попытаюсь уговорить его вернуться, и тем более если это получится, то мать я потеряю уже навсегда. Ведь она и сейчас с ним, отсутствующим, больше, чем со мной, сколько бы я ни торчала у нее перед глазами. Наверное, ее воздух заполнен сыном так же, как мой — отцом. Только почему-то она все равно тоскует по нему... Может, у нее просто не хватает воображения наслаждаться невидимым?

Сегодня она не ночевала дома, даже не позвонила. И я не набрала ее номера, чтобы не тешить ее гордыню: мол, эта маленькая дурочка нуждается во мне! Пока я сама не поняла, почему действительно так нуждаюсь в ней, матери этого не узнать. Ведь она — не М.В., и даже не бабушка Варя, ею невозможно восхищаться, уходя на ее глубину. В моей матери боязнь духовного погружения, она поверхностна, как всякий, пытающийся сделать свою жизнь сплошным праздником. Эта ее работа — начинающийся маразм. Затянувшееся детство тетки, которой далеко за сорок.

Прилетела домой, прогуляв работу (уже что-то неслыханное и невиданное!), морда лоснится от удовольствия, как у кошки. Мужиком разит от нее за десять метров... И вся такая щебечущая, подпрыгивающая — птичка божия! Правда, насчет «заботы и труда», мать

считает, что это я их не знаю. Литература — это разве работа?! К тому же меня никто и не собирается печатать. А работа, не приносящая денег, для нее сродни миражу. М.В. она облила бы презрением за то, что та даже не поинтересовалась размером гонорара.

Что с ней произошло этой ночью? Отчего так и порхала, разгоняя по комнате солнечных зайчиков, будто сама стала источником света? И губы ее, расплываясь в улыбке, выдавали, как поет все внутри, не только в душе, но и в матке... Такого неотразимого стриптизера в клубе купила? Подозреваю, что иногда она балует себя, как и все так называемые бизнес-леди, полагающие, что имеют право покупать людей. Это первое, чему они научились у мужчин.

Как бы то ни было, я благодарна тому, кто подарил ей радость, потому что на меня выплеснулись потрясающие брызги! Только что она заявила мне, что мы на неделю едем в Испанию. И раньше заикалась об этом, но поездка казалась мне мифической. А она, оказывается, все это время копала и накопила «горящие» путевки, билеты подешевле — по акции. Нигде своей выгоды не упустит.

Опять оказаться на солнечном берегу — это в тысячу раз больше, чем я ждала от этого лета. Конечно, я могла бы поехать туда одна, и мать дала бы мне денег. Но в последний раз мы были там всей семьей. И собирать мокрые от слез воспоминания мне было бы тягостно в одиночку. Мать, по крайней мере, будет злить меня и отвлекать от прошлого. Настоящее, как заостренная палка, которой тычут в бок, чтобы держать в тонусе.

А прошлое обволакивает теплым туманом, в котором не страшно заблудиться, когда вспоминаешь

хорошее... Мне есть что вспомнить. Хотя, наверное, мои разноцветные стеклышки воспоминаний похожи на все те, что использовали миллионы других детей, закапывая на память свои «секреты». Мы строили песочные замки... Но кто не делал этого у моря? Только какое мне дело до этих клонированных с меня маленькой миллионов, когда я до сих пор вижу, как отец набирает в руку мокрый, вязкий песок и темные, ломкие струи, стремясь вниз, причудливо наслаиваются, образуя узкий, высокий сталагмит?!

Похожие, только гигантские, мы видели в доисторической пещере — Cueva de Nerja, которая оказалась мне самым грандиозным изо всего великолепия увиденного в Андалусии. В общем-то, из остального я мало что и помню... Слепки увиденного тогда истончились от времени, поблекли, и потому мне по настоящему хочется вкусить это сейчас, протереть замутившееся стекло памяти. Вернуть себе чудесное лето детства с той существенной разницей, что сейчас *она* будет принадлежать только мне. Моя мать».

* * *

Уже в самолете Наташа поняла, что втайне гордится собой. Не обозлилась на дочь, даже не донимала ее, требуя объяснений, вида не подала, что знает о готовившемся на нее покушении. Простила безоговорочно и безоглядно, не просчитывая, чем это может для нее кончиться, увлекла за собой в тот рай, о котором обе мечтали втайне друг от друга. И не столько из-за красоты самого места (хотя прекрасна Андалусия, прекрасна!), сколько пережитое там вместе не отпускало все эти годы, манило...

«Он загорел тогда, как головешка, — Наташа прикрыла глаза, чтобы дочь не заметила ее тоски по Ленке. — А волосы стали совсем соломенными... Голубоглазый русский мальчик. Храбрый мальчик. Следом за отцом в любые волны бросался, а потом и опережал Володю... Никто, кроме них двоих, тогда не купался, слегка штормило. Анька волн боялась, хотя еще на Черном море плавать научилась. И мне из-за нее приходилось сидеть на берегу, ведь она одна не оставалась — чужие кругом. И каждый — мачо! Она вечно всего боялась... И в этот раз побоялась сама выйти мне навстречу с битой! А подослала слабака».

Поспешно отогнав эти мысли, Наташа опять попыталась промотать воспоминания назад, насладиться подзабытой радостью того лета, когда они еще были семьей не формально, а дышали все в такт. И море дышало с ними вместе, делилось волшебной солью, которой Наташе стоило один раз прополоскать горло, заплыв подальше, и пока добралась до берега, оно уже перестало болеть. Чудеса!

«Я помню его вкус», — она и впрямь почувствовала соль на губах и, отвернувшись к проходу, торпливо отерла лицо. Хотелось втянуть носом влагу, но этот звук выдал бы ее.

И маленький кукушонок, который всегда казался чужим в их гнезде, но выживший всех остальных, услышал бы, хоть и припал к иллюминатору. Наташа замечала, как дочь то и дело спохватывается, изображает безразличие. Зевает, глядя на синие Альпы внизу. Но потом снова забывается, чуть ли не носом, по-детски прижимается к стеклу.

За окном темнело, и женщину клонило в сон. Уже две порции кофе выхлебала, но что-то не помогало.

«Расслабилась, — насмехалась над собой. — Бросила все дела, отдыхающей себя почувствовала. Нескольким лет без отпуска — и разучилась обходиться без работы и не засыпать на ходу. Чем Аньке удастся себя взбудорить? Ведь ни черта ж не делает целыми днями! Хоть в парикмахерскую сходила бы, чудище... В фитнес-клуб какой-нибудь...»

Точно услышав ее мысли, Аня оглянулась, заставила ее напрячься: «Вот ведьмочка!»

Но та уже потянула носом:

— Ужин везут...

Наташа с облегчением перевела дух: дочь просто запах почуяла. Молодое голодное нутро откликнулось на внешний раздражитель. Голодный кукушончок разинул рот...

подавив приступ неприязни, как во время беременности дочерью давила тошноту, Наташа усмехнулась:

— Когда ты стала охотницей до общепита?

— А я всегда ею была, — огрызнулась Аня. И мстительно добавила: — Ты ничего обо мне не знаешь.

— Ты не даешь мне узнать...

— А ты так рвешься!

«Не нужно оправдываться перед ней! — остановила себя Наташа и опять закрыла глаза. — Нельзя позволять ей быть на равных, раз подружками быть не получается. Иначе на равных — только враги. А я должна оставаться матерью. Только она не дает мне почувствовать себя ею... Какую роль она отвела бы мне, если б тот урод перебил мне колено? Заполучила бы меня — и что? Истязала бы? Унижала? Если ищет любви, почему таким сложным путем?»

Не вспоминала об Олеге весь день, а от слова «любовь», которое Наташа так старалась забыть, воздух зазеленел его взглядом. Она увидела это, даже не открывая глаз — веки пронизало весенним цветом. Ей захотелось отмахнуться: «К чему это?» Ведь уже сбежала от него, себя же обманув, что исключительно ради дочери. Но в мыслях держала, что главным образом — ради себя. Чтобы оттянуть капитуляцию, которую надо было еще научиться считать победой.

За спиной ласкающие голоса стюардесс уже предлагали наперебой мясо, птицу, рыбу. Это напоминало какую-то детскую игру, только Наташе не удавалось вспомнить, в чем ее смысл? Да и существовала ли такая игра в ее детстве? Отчетливо помнились «казаки-разбойники»: кривые стрелочки могли завести невесть куда... За гаражами «войнушка», в которой победители (а ими неизменно оказывались мальчишки!) имели право поцеловать взятых в плен... Наташка не давалась, мотала головой, кусалась. И от нее отстали, потеряв интерес. Нельзя сказать, что она была очень рада этому. Ей просто хотелось от победителей большей настойчивости.

«Даже в играх — сплошная борьба. Мальчишки тогда были еще теми сволочами! Беднота. Дети алкоголиков. Отцы пороли их на закуску, а потом дети удирали во двор и забивали беременных кошек», — она поняла, что этот ужас не забудется никогда, и уже перестала гнать его. Решила: если не можешь победить страх, нужно с ним сжиться. А это был уже и не страх... Тогда боялась до смерти этих старших пацанов с палками (биты еще не были в ходу!), теперь хоть одному да врезала бы между ног. Научи-

лась драться, наловчилась побеждать... Или убеждать себя, что победила.

— Что ты будешь?

Дочь опять вынудила ее открыть глаза. В Аниных глазах, как обычно, насмешливое презрение:

— Рыбку, конечно, как всегда? Недавно слышала, как одна девчонка смеялась: мать ей объяснила, что «шаланды, полные кефали», это лодки с рыбой.

— Интересно, а как она это понимала?

— Не знаю. Меня другое поразило: оказывается, существуют матери, которые способны открыть дочерям что-то новое!

Невинно улыбнулась, почесала шершавый локоть, потерла нос. Ни дать ни взять — Лолита. Вульгарная прелесть. Хотя возраст уже не тот... Но некоторые девчонки так и не вырастают в женщин. Не хотят.

Из набоковских это был единственный роман, который Наташа дочитала до конца. И потому, что он был на слуху тоже... Но больше ради того, чтобы понять: в чем же причина этой темной страсти к маленьким девочкам? За что вообще их любят? Не о педофилах уже речь, даже вообще не о мужиках, которм за... Просто — за что их любят? Матери, отцы...

Ей самой никогда не хотелось иметь дочь. При всем ее отвращении к мужчинам, вылезшим еще из коротких шорт того хозяйкиного сына на юге, Наташа терпеть не могла и девчонок. Кажется, она вообще не умела любить... Девчонки особенно раздражали ее в младших классах, когда они висли на учительнице, лебезили перед ней, разговаривали противными, делаными голосами, растягивая гласные. Это был даже не московский выговор — девчо-

ночий. Геи подхватили его позже, усилили манерностью, в них смешной. В девчонках — отвратительной.

Набоков Наташе ничего не объяснил. Его Гумберту она просто не поверила. Все его сладострастные мучения показались ей надуманными, романскими. Что там такого волнующего в этих белых носочках на золотистых щиколотках?

В то лето на море, когда надломилось ее детство, Наташка этого также не понимала. Прыщавый парень подсел к ним на пляже... Мать тут же решила, что ради нее. Флиртовала с ним, не скрываясь, хохотала, запрокидывая голову, маня загорелой грудью. А спустя несколько дней он вдруг заговорил о том, что мечтает жениться на Наташке. Лет через десять, когда она станет совершеннолетней, а он защитит кандидатскую в своем МГУ...

Ей до сих пор помнилось, как на глазах постарела мать. Будто, переключившись на дочь, тот парень, имя которого давно забылось, что-то погасил в Варваре. Она еще сделала попытку обратить его слова в шутку и посмеяться над ним же. Но, видно, чувствовала себя униженной настолько, что чувство юмора подвело. Сейчас Наташа уже не помнила, какие именно реплики отпускала мать, но осталось ощущение, что это было грубо до того, что заставило девочку покраснеть.

И от обиды и стыда за мать она вскочила и с силой пнула студента по ноге, чтобы как-то наказать его. И рассмеялась в прыщавое лицо, чтоб он острее прочувствовал боль, хотя тот и так ударился о топчан и ссадил кожу на выступающей косточке до крови. Что-то дворовое выкрикнула в его искривившееся лицо вроде:

— Да пошел ты, урод!

Больше он на пляже не появлялся. И когда ей исполнилось восемнадцать, не нашел ее, не женился.

«Слава богу! — думала она, вспоминая то лето. — Быть женой кандидата наук... Вот уж завидная участь!»

А злость на него, сдобренная чувством собственной вины, прошла не скоро. Ведь когда изнасиловали мать, Наташе первым делом на детском уровне подумалось, что после обиды, нанесенной студентом, той остро захотелось убедиться в своей женской привлекательности, и она не рассчитала...

* * *

— Буэнос ночес! — Она улыбнулась лысому дядьке за стойкой паспортного контроля.

Из советской юности каждый раз проклевывался липкий, противный страх, что сейчас в чем-нибудь уличат, схватят, завернут. И в этой своей улыбке Наташе самой виделось что-то заискивающее, хотя зеркала не было, но привычка наблюдать себя со стороны работала.

— Ола! — небрежно пропел он в ответ.

И без интереса заглянул в ее паспорт. Потом в Анин, и вернул их через секунду, не обнаружив, к чему бы придраться. Не особенно искал. Ни презрения, ни высокомерия, одна лишь присущая всем испанцам расслабленность. Наташа вспомнила, что они прилетели в страну, где все отдыхают даже на работе. Сиеста длиною в жизнь.

— Я и забыла, что они все тут говорят: «Привет!» — шепнула Наташа дочери.

И только сейчас заметила, что цепляется за Анину руку. Как в том фильме про гардемарингов: «Это последняя русская!» А дочь даже не вырывается, не стряхивает ее с себя. Хотя, может, и язвит про себя: «Единение перед лицом страны, языка которой мы ни черта не выучили! Две идиотки...»

«Хотя бы так объединиться — для нас уже прогресс!» — Наташа мягко увлекла дочь следом за другими пассажирами с их самолета. В предлагаемых обстоятельствах стадное чувство оправданно. Даже у тех, кому все это не впервой, слегка испуганные лица, безуспешно пытающиеся изобразить уверенность, независимость. Нарочитое равнодушие... А глаза цепляются за таблички, которые не все могут прочитать даже на английском. За границей особенно остро чувствуется несовместимость русских с космополитизмом.

На выходе толпа началась дробиться, и тоненькие людские ручейки растеклись к встречающим с табличками.

— Вон мужик из нашего клуба! — первой заметила Аня.

И они шагнули к высокому носатому человеку лет тридцати, с готовностью улыбнувшемуся им навстречу. Он по-европейски был весь в светлом: с оливковым оттенком летние брюки, свободная рубашка в бежевую клетку. Наташе вдруг стало легче, будто от взгляда на него просветлело на душе.

— Вы наши гости? — Он опять улыбнулся, но не слишком широко, не по-американски. — Добро пожаловать в Малагу! Меня зовут Андрей. Я — представитель вашего клуба. Прошу вас подождать пару минут, мы должны захватить еще несколько человек.

— Мы первые? — Наташа невольно ощутила гордость за себя.

Аня фыркнула:

— Ты и здесь в лидерах!

— И ты тоже.

Ничего не ответив, дочь отвернулась к гигантскому окну, за которым уже сгустилась тьма. Но не пугающая, пронизанная подсветкой.

Андрей обернулся к Наташе:

— Простите, я могу узнать вашу фамилию? Мне нужно отметить...

— Малаховские, — не дав матери ответить, выпалила Аня с вызовом, смысл которого та не сразу поняла.

А потом догадалась, что дочь напридумывала себе, будто Наташа стыдиться фамилии мужа, как стыдилась его самого. Не объяснять же банальное, что Володя был бездарен, а фамилия — ничего себе...

— Прекрасно! — воскликнул Андрей с энтузиазмом, поставил пару галочек в списке. — Наталья и Анна Малаховские.

— Я — Анна. Она — Наталья.

«Мое имя ей тоже не нравится? — Наташа уже устала обижаться. — Произнесла так, словно отреклась».

— Очень рад! — Оптимизм Андрея не угасал, хотя даже по местному времени уже было за полночь.

Он высматривал в толпе своих туристов так пристально, будто мог опознать их с первого взгляда.

— Мы скоро поедem? — пробурчала Аня. — Я сейчас усну прямо здесь...

— Извините. Еще буквально пара минут!

— Вы это же говорили десять минут назад! — решила Наташа поддержать дочь.

Но та сразу ощетибилась:

— Он-то чем виноват, если наши дорогие соотечественники где-то копаются?

Когда наконец все подтянулись, подкатали свои чемоданы, Андрей поминутно оборачиваясь и подбадривая их улыбкой, отвел туристов в небольшой автобус. Наташа на ходу глотнула теплого воздуха и сжала руку дочери:

— Мы на испанской земле!

Аня неожиданно улыбнулась:

— Как тепло даже ночью... Я это и помнила: что все время было тепло. И надо всей Испанией безоблачное небо... Это цитата, — пояснила она.

«Поставила на место, — отметила Наташа. — Конечно, откуда тамада может знать что-то, кроме свадебной кричалки? Мне понадобится тонна терпения, чтобы выдержать неделю с ней наедине с утра до вечера! Но улыбку она подарила... Есть надежда, что и целиком отгадет в этом тепле...»

По дороге ей не хотелось ни разглядывать других пассажиров, ни всматриваться в темные окрестности.

— Сейчас мы направляемся к городу миллионеров — Марбейе, где иногда случаются пробки из одних «Бентли»...

— До первой ходки сюда я думала, произносится «Марбелья», — шепотом сказала Наташа. — Все мои знакомые говорили так. И произносили Малага...

— Ты общаешься с малограмотными, — дочь отвернулась к окну.

Оно было чистым, можно сказать, сверкающим. Собственное отражение глянуло на нее черными глазами, поманило в свое поддельное зазеркалье, существующее только ночью. Аня ощутила, как можно рас-

течься тягучей прозрачной массой по этому стеклу, слиться с ним, спрятаться ото всех в особом мире, о существовании которого мало кто догадывается... Покосилась на мать: «Вот панику подняла бы!»

— Наш клуб расположен в пригороде Марбейи — Калаонде. Пишется «Калахонда», но буква «х» в данном случае не читается. Хотя вообще-то испанцы ее любят! Нашего водителя зовут Хосе.

Услышав свое имя, пожилой шофер обернулся и на секунду растянул губы. Потом снова отдался музыке, звучащей по радио. Еще в прошлый приезд Наташа отметила, что тут везде слушают только песни на испанском. Как во французской культуре не принимают ничего наносного. А если и принимают, то брюзжа. Ей вспомнилось, как испанцы называют французов: «Наши грустные северные соседи».

— Местная обслуга не слишком приветлива, — шепнула она.

— Разве водитель это обслуга? — буркнула Аня.

«Лишь бы что-то возразить!» — отвернувшись, Наташа зацепилась взглядом за светлый наряд их сопровождающего. Остальные после самолета были в джинсах, в темных майках, чтобы не жалко было о сиденья пачкать. Андрей был среди них, как узкий месяц...

В его негромком голосе слышался какой-то легкий акцент, и Наташе вспомнилось, что когда-то они с Володей смеялись над этим: как быстро русские перенимают испанскую напевность. Хотя в этом произношении ей чудилось что-то иное.

— А вы живете здесь постоянно? — не выдержала она.

Аня толкнула ее в бок:

— Тебе-то не все равно? Не веди себя как ребенок!

— Да уже почти десять лет, — отозвался он. И пояснил, предугадав следующий вопрос: — Я приехал из Риги.

— А! — обрадовалась Наташа. — Тогда понятно.

Она пощелкала пальцами:

— Акцент.

— Есть, — засмеялся Андрей. — Мой бедный язык запутался в языках... Я ведь говорю уже на трех... На четырех! И немного по-французски.

— Где-то там море, — отвлекла ее дочь.

Наташа всмотрелась в стекло — собственное отражение качнулось навстречу:

— Где? Ничего не вижу!

— Я тоже не вижу. Я его чувствую.

«Да не бреши! — устало огрызнулась Наташа про себя. — Как можно это чувствовать?!»

И прислушалась к своим ощущениям: никакого волнения. Хотя до сих пор не забылся тот восторг, который испытала, впервые увидев Черное море. Будто в природный храм попала, восторг совершенно языческий! Но и возвышенный. Как в Библии: «восхищен» — значит, вознесен в небеса. Это ей как-то рассказала дочь, поразила тем, что, оказывается, читает и такие книги. Замышляя при этом напасть на нее с битой...

Сейчас Наташа ни восхищения («Чем? Темной?»), ни предчувствия в себе не обнаруживала. Не на праздник сюда бежала из своего дома, надеялась растерять по пути, рассеять над Европой то страшное, что вызревало между ними с Аней. В самолете, когда веки опускала, видела, как снизу тянется за ними черный след, похожий на дымный — это стекло на Альпы то смутное, темное, что она не реша-

лась назвать ненавистью с длинными ногами, достигающими до земли.

Вперившись взглядом в спинку переднего сиденья, Наташа пыталась попасть в ритм с мыслями, что устало хлюпали в голове. Было странно, что соседи не слышат...

«Размягчение мозга, — констатировала она бесстрастно. — Скажи об этом Аньке, она удивится в ответ: «А у тебя был мозг?» За ней не задержится... А если спросить ее, умную, как мне теперь жить? Чем жить? Ею? Мечтающей мне колено перебить? Плейбоем зеленоглазым... Пока не пророс настолько, чтобы рядом с ним чувствовала себя как в колыбели. А такое вообще — возможно?»

— Вы впервые стали соперницами на море? — вдруг спросила Аня.

Наташин рот дрогнул вопросительной улыбкой:

— Соперницами? С кем?

— С бабушкой. Ведь ты на море впервые отбила у нее мужика?

Она ужаснулась:

— Отбила?! Ты что несешь? Я была совсем ребенком.

— Ну да...

— И откуда ты... Когда она наболтала тебе об этом?

— Давно, — уклончиво отозвалась дочь. — Хочешь сказать, что это неправда?

Откинувшись на сиденье, Наташа закрыла глаза:

— Ты даже не представляешь, насколько это неправда.

Сбоку заглянув ей в лицо, Аня тихо проговорила:

— Ну и хорошо, если неправда... Ты не думай, что я принимаю на веру все, что она говорит. Кое в чем я все-таки сомневаюсь...

— Прошу минутку внимания, — очнулся Андрей. — Мы уже подъезжаем к нашему клубу. Сейчас каждую семью встретит свой консультант, к которому вы можете обращаться с вопросами и просьбами на протяжении всего отдыха. Я с вами встречусь утром в десять часов в ресторане, и после завтрака вы сможете выбрать экскурсии по своему вкусу.

— Так рано? — ужаснулся кто-то.

Не отрываясь от созерцания своего темного лика в окне, Аня громко проговорила:

— «Обед на первое, а речи на второе...»

— А! — Он обрадованно вытянул шею, высматривая. — Ильф и Петров.

Метнув в него удивленный взгляд, она подалась вперед, выявив себя из толпы:

— Знаете?!

— О, еще бы!

Аня откинулась на спинку кресла и удовлетворенно пробормотала:

— Похоже, будет с кем поговорить.

«Сколько мне придется проглотить этих скользких лягушек, которых она сплевывает в мою сторону? — Наташа перевела взгляд в проход, сделала вид, что не расслышала слов дочери. — Тварь...»

И отрешенно поискала в душе хоть отголосок стыда за то, что так подумала о дочери. Не нашла.

* * *

В апартаментах их ждали бутылка красного вина и фрукты, стоявшие на многоугольном столе, нарочито простой, в испанском стиле, серовато-оливковой расцветки. Вся мебель была грубоватой, безыс-

кусной, но Наташе и в прошлый раз понравилась эта естественность. Вблизи от моря следует ходить в льняном сарафане, сандалиях и напрочь забыть о косметике. Превратиться в детей природы, восторженных и наивных. Влюбленных во все, что составляет этот мир. Если получится выдавить из себя по капле циника...

Их консультант, прижившаяся на испанской земле изящная блондинка из Сибири, напевной скороговоркой провела инструктаж и выскользнула за дверь, пообещав, что они увидятся утром.

— Ночь спать не буду! — язвительно буркнула Аня ей вслед.

Но когда дверь закрылась, по-детски взмахнула сжатыми кулачками:

— Yes!

И метнулась к своей спальне. Наташа звучно постучала ногтем по бутылке:

— Откроем?

Но насилу поймала взглядом дочь, с бесшумными воплями носившуюся по комнатам. Тоже, видно, опасалась, что по «горящей» путевке их поселят в каком-нибудь сарае... А здесь для каждой из них своя спальня, большой салон-столовая, смежный с кухней. Не то чтобы высший класс, но роскоши им и дома хватает, сейчас хотелось простого отдыха, простых отношений... Возвращения к себе — прошлой, еще не обросшей прослойкой денег. К тому времени, когда они были здесь всей семьей.

Оставив и вино и дочь в покое, Наташа вышла на открытую террасу и захлебнулась певучей тишиной, звездной симфонией, которой в Москве не услышишь — то пасмурно, то просто некогда взглянуть

в небо. Даже за городом она сразу же забивалась в свой дом, чтобы выношенная годами мечта теперь ее саму подпитывала верой в то, что все было не зря... Если еще и эту веру утратишь — взвыть можно.

Аня выскользнула за ней следом, встала рядом, но не прижалась плечом. Многие люди проживают так целую жизнь: около, но не вместе, почти не касаясь друг друга, даже душами. Замерев от боязни, Наташа протянула руку, задержала ее над плечом дочери, потом все же осторожно опустила. Как с хищником: одно неосторожное движение, и пиши пропало! Тоненькие лопатки дрогнули под ее локтем, прижавшимся к спине дочери, расслабились не сразу.

— Какая ночь, — сказала Наташа приглушенно. — Плакать хочется... Сама не понимаю — почему?

Анино лицо замерло вполборота к ней:

— Ты его совсем не вспоминаешь?

— Кого?

— Все, можешь не отвечать!

— Папу? — догадалась она. — Знаешь, детка... Любовь имеет обыкновение истончаться от долгого употребления.

— Не у всех!

— Наверное. Какие-то пары доживают и до «золотой» свадьбы. Сама устраивала, видела их. И у некоторых, без балды, глаза сияют! Но это уже... Не знаю... Уникальность? Талант такой? Целую жизнь любить одного человека и не пресытиться им, желать его, как в двадцать лет, ждать с работы, как с войны, прислушиваясь к шагам в подъезде...

Анин голос влился тихим ручьем:

— Тебе хотелось бы так? Ну, скажи! Хотелось бы?

— Может быть. Если такое вообще возможно! Я ведь не вела беседы по душам с теми, кому мы делали эти «золотые» свадьбы. Было у них так или нет? Может, просто терпение у обоих, как у волов! Нашли друг друга, и целую жизнь тянули сообща лямку. Все равно легче, чем в одиночку! Но когда один тянет, а другой сидит на шее и ноет, что жизнь не удалась...

— Разве он ныл? — ручей мгновенно затянулся острым льдом.

Наташа тряхнула головой:

— Давай вина выпьем!

— И спать завалимся? Ну, давай. Хоть попробовать настоящее испанское... Все, что у нас продают, наверняка подделки!

То, что Аня хоть в чем-то сдалась без споров, уже без вина наполнило душу матери веселым хмелем, который делал тело легче и подвижнее, а мысли воздушнее. Они неслись в голове прозрачными облачками, гонимыми легким небесным ветром, и в этом движении было столько счастья, что Наташа без конца смеялась, открывая бутылку, наполняя полукруглые фужеры на длинных ножках. Такие Аня в детстве называла толстыми балеринами. Это вспомнилось и развеселило еще больше.

— За солнце! — дурачась, предложила Наташа, поднимая фужер. — Пусть оно согреет наши души!

— SOS! — заключила Аня.

С жадностью сделав несколько глотков, Наташа с удивлением проговорила:

— Как это странно: пить вино со своим ребенком!

— Мама!

— Ну, что поделаешь? Все равно ты для меня ребенок.

Дочь поморщилась и поставила фужер:

— Ты же не успела захмелеть, так не болтай глупостей! Ты не умнее меня, мама, так что не воображай, будто до сих пор можешь чему-то учить. Если хочешь нормально общаться, так только на равных. Или набирайся ума у меня. Тебе не повредит! А иначе — не получится. Спокойной ночи.

Оставшись одна, Наташа тяжело опустилась в красное кресло. Его цвет жег глаза, они слезились, а кисловатое сухое вино выдохлось так быстро, что уже не веселило. Под окном раздался всплеск смеха и быстрого испанского говора. Она почувствовала себя еще более одинокой, чем в Москве.

* * *

А проснулась оттого, что Аня прыгнула к ней на кровать. Потом сорвалась, рванулась к окну, дернув за шнурок, повернула жалюзи, впустив солнце, и опять бросилась на постель.

У Наташи от радости даже сердце зашло. Обхватила вечно взъерошенную голову обеими ладонями, прижала к груди, и несколько раз качнулась всем телом, баюкая свою девочку, превращаясь в то море, которое Аня чувствовала даже в кромешной тьме. Вот так двадцать лет назад было — спросонья в выходной дочка запрыгивала к ней, ласкалась, терлась мордочкой. И это отзывалось восторгом...

— Как спала, солнышко?

Можно было и не спрашивать, уже ясно, что отлично. И Наташа уже испугалась, что дочь опять упрекнет ее в тупости, но Аня только мурлыкнула:

— Чудно! Хотя на новом месте обычно мучаешься полночи... Смотри, солнце какое! Вставай скорей!

Отработаем этот чертов завтрак с консультантами, и давай рванем на море?

— Давай! — Ни секунды промедления, чтобы дочь не успела очнуться и взять свои слова обратно.

И поспешно выбралась из постели. Три минуты на душ, столько же на легкий макияж, без которого и хотела обойтись, да уже не могла себе позволить. Мысленно усмехнулась: «К концу недели по-солдатски буду собираться — так она меня вымуштрует!» Но это были допустимые потери, на них Наташа заранее была согласна. Ее только забавляло, что в их отношениях с дочерью она сама стремится уступить лидерство Ане, готова слушаться ее во всем. Совсем как те большие боссы, которые проводят досуг, наряжаясь в детские штанишки, и просят «мамочку» отшлепать их как следует.

— Надеюсь, у нас до этого не дойдет, — пробормотала, на секунду выскочив на террасу, чтобы убедиться в безоблачности неба.

Захлебнулась синевой и зеленью, тихо застонала от счастья. Две грациозные черные кошки глянули на нее с газона. Вытянули тонкие шейки, сверкнули глазками.

— Ты видела кошек? — крикнула Наташа. — Настоящие испанки!

— Говорят, испанки страшненькие, — отозвалась Аня из комнаты. — Вот мужики у них — ничего себе!

— Это еще лучше.

— Что ты говоришь? — Дочь выскочила на террасу и протянула руку: — Пойдем!

«Она собирается утопить меня в море? С чего такое возбуждение?» — Наташа даже не пыталась заглянуть дочери в глаза, что-то прочесть в них. В этом

омуте ничего не разглядишь... Но постаралась не выдать того, что в душе зародился противный страх. В чужой стране — кто ее искать станет?! Дверь за ними уже захлопнулась, они, как подружки, держась за руки, быстро соскользнули по ступенькам. Внутренний двор отеля каменный, прохладный, справа пологая лестница уводит к бассейну, мигнувшему голубым глазом.

— Я в море хочу! — капризно протянула Аня, перехватив ее взгляд. — В бассейне я и дома могу поплескаться!

— Конечно, в море! Оно...

«... глубже» — не договорила. Если уж на то пошло, вряд ли дочь справится с ней — разные весовые категории. Этого воробушка ничего не стоит взять за шейку да стиснуть посильнее...

— Господи! Что это я?! — Она даже остановилась.

И только тогда сообразила, что произнесла это вслух. Темный взгляд впился ей в лицо.

— Ты что?

Хотелось спросить жалобно, чтобы задеть сердце: «А ты — что? Что ты задумала?» Но мысли уже крутились вокруг пресловутой мании преследования... В прошлый раз она оказалась оправданной, но ведь то — чужими руками, и не так, чтобы до конца... А чтобы сама... Мысли путались, обрывались, Наташа пугалась каждой, будто солнечным утром видела ночных демонов. Которых, скорее всего, сама и выдумала.

— Да шарахнуло что-то, — отговорила она и потерла голову. — Ничего, бывает...

И в это Аня должна была поверить, потому что время от времени боль и впрямь наносила удар

слева, и Наташа говорила об этом. Только слышала ли дочь?

— Это от перемены климата, — заметила Аня. — Уже прошло? Ну, пойдем скорее!

«Всё, — приказала себе Наташа, кольнув ногтями ладонь. — Никаких больше мрачных фантазий. Семь дней беззаботного отдыха... Неужели я не способна на это?»

И самой себе доказывая свою «нормальность», Наташа нараспев поздоровалась с толстой темнолицей горничной, возившейся возле тележки с ведрами и швабрами:

— Ола!

Аня только рассмеялась:

— Здравствуй и прощай. Вот и все, что мы знаем по-испански... Кстати, в Марбеие есть аллея скульптур Дали. Без дураков! Сам Дали ваял! А в Малаге — музей Пикассо. Он там родился, ты знала?

Конечно, не знала. Откуда же ей знать? Но почему-то дочь даже не упрекнула ее в невежестве, торопливо продолжила:

— Съездим? Давай возьмем машинку напрокат?

— Да, конечно!

Сердце взволнованно дрогнуло: «А вдруг это все тоже — без дураков? Что, если и ей хочется отдохнуть от себя московской — сумрачной? Здесь мы можем быть другими...» И она стиснула руку дочери в порыве, похожем на любовный:

— Сейчас мы выясним, есть ли здесь прокат!

...В ресторане уже собрались все русские, которых доставил в клуб ночной автобус. Аня радостно махнула Андрею, но тот лишь вежливо улыбнулся в ответ, не проявив желания обменяться очеред-

ными цитатами. Их консультант Лена сделала Наташе знак:

— Здесь есть свободный столик! Располагайтесь. Я сейчас.

— Компотик, — по-детски обрадовалась Аня и провела пальцем по запотевшему от холода кувшину. — Мам, налей мне.

«Вот оно, счастье!» — Наташа все еще боялась поверить и тем самым спугнуть его. Они обе словно вернулись в Анино детство, в ту пору, когда у Наташи не хватило времени просто поболтать с дочкой с глазу на глаз, нагуляться вволю... Вдвоем они тогда и не оставались. А когда жизнь обрекла их на это, выяснилось, что они разучились общаться. Или никогда не умели...

Она подхватила кувшин и наполнила узкие стаканы розовой влагой. С одинаковой жадностью они обе припали губами к тонким краям и беззвучно рассмеялись.

— Начинаете день с «Сангри»? — раздался голос Андрея. — Молодцы! Это очень по-испански.

— «Сангри»? — отведя стакан, Наташа воззрилась на него с изумлением. — Так это вино? Такое легкое... Я думала правда компот.

И они разом прыснули, уже попав во власть легкого хмеля, который так свободно сливался с этим радостным утром, с близостью моря, которому, вне зависимости от его названия, только как стихии, прощаешь все. Даже детские воспоминания...

И сейчас Наташе уже казался милым даже ворчливый дядька из Питера, который требовал для своей семьи всего самого лучшего, но почему-то сам не озаботился заранее, чтобы обеспечить их этим.

И теперь был страшно недоволен и отелем, и обслуживанием, и небом, и солнцем... Брызжать он начал еще ночью в автобусе и с каждым часом только распалялся, теперь изливая свой гнев на терпеливую Лену, которая стойко гнулась, но не ломалась от его нападок. Теперь это воспринималось почти анекдотично: новый русский на отдыхе...

— Моему мальчику нужен кабриолет, — ворчал питерский буржуин. — У него первые студенческие каникулы. В вашем паршивом отеле найдется кабриолет?

— Разумеется, — улыбалась Лена. — Я хотела бы предложить вам экскурсии...

— На хрен мне сдались ваши экскурсии? Я тут через год отдыхаю, уже все знаю как свои пять пальцев!

— Поздравляю. Сейчас я выясню насчет кабриолета.

Хоть и было жаль хорошенькую сибирячку, Наташа чувствовала такое умиротворение, что никому не удалось бы вывести ее из себя. Нет, дочь, конечно, и не на такое была способна, но сейчас Аня только насмешливо поблескивала глазами, прищуриваясь на каждого из собравшихся, словно перед ней были насекомые, которых ей хотелось рассмотреть получше.

«Что так внезапно изменило ее? Ай, да не все ли равно! — отмахнулась Наташа от назойливых подозрений. — Может, она тоже просто дала себе слово отдохнуть по полной... Ничего крамольного».

Ей хотелось так думать, и она заставила себя проникнуться этой доверчивостью. Все-таки Наташе всегда удавалось подчинять... Даже саму себя.

Склонившись к ней через проход, человек из Питера ворчливо заметил:

— Паршивое местечко, должен вам сказать! До моря тут пешком минут двадцать, не меньше.

«Что ж ты сюда едешь через год?» — Женщина только понимающе улыбнулась. Ей не хотелось сближаться с кем бы то ни было...

Подсев к ним, Лена устало улыбнулась. Все-таки держать оборону нелегко, тем более клиент всегда прав и этим пользуется. Она подняла широко расставленные глаза, в которых отсвечивала зелень, и Наташа тут же вспомнила Олега. Стоит вернуться в Москву, и все невыясненное опять заявит о себе...

Она покосилась на дочь: ей этот травяной оттенок взгляда никого не напомнил? Но Аня даже не взглянула консультанту в глаза. Ей не терпелось отправиться в настоящее путешествие, безо всяких гидов.

— Я так поняла, что в вашем клубе мы можем взять машину напрокат? Необязательно кабриолет.

Наташа подхватила, углубляясь в детали:

— Какие марки у них есть? Сколько они берут за сутки?

...Через полчаса они уже выехали из Калаонды на «Опеле Вектра». Пятьсот евро за неделю... Ворчливый питерский миллионер все-таки взял своим детям кабриолет напрокат.

— Пижоны! — фыркнула Аня, проводив их своим острым, вприщур, взглядом. — Нашел где пыль в глаза пускать... Тут таких, как он, — пруд пруди!

* * *

Не существа — состояния.

Как только Наташа поняла это, ее душа приняла причудливые изваяния Дали, сперва показавшиеся дурачками. Но Анина откликнулась быстрее, и дочь бро-

силась к первому же, обвила его, проявив гибкость, ей несвойственную, как догадалась мать — духовную. Это прекрасное уродство жило в ее дочери, металось в ней, меняя форму, которую будто бы рвали штормы того моря, к которому вела аллея. И это, внешне расхристанное, напоминающее во все стороны растекшуюся кляксу, которая обрела объем, всеми выступами совпадало и с Аней, и с самой Наташей, которой тоже никак не удавалось стать строгой и цельной.

И ей захотелось следом за дочерью обвинить застывший порыв, пойманный неистовым Сальвадором, припасть к нему и затихнуть, успокаиваясь: «Не я одна так мечусь... Не только мне бывает так чертовски плохо! Так божественно хорошо...» Но что-то уже мешало Наташе подобным образом вести себя на людной аллее, где седые доны отдыхали на широких скамьях, невозмутимо наблюдая за восторженными туристами. То ли возраст не тот, то ли не отрешиться никак от своего положения... Хотя кого тут интересует и то и другое?

Они только что впервые забежали в море, наплавались до изнеможения, хотя после обеда с вином в прибрежном ресторанчике больше хотелось упасть на песок и растечься блаженством. Ресторан был стилизован под таверну, куда захаживают пираты: под крышей болтались попугаи, по стенам были закреплены пистолеты, можно было и штурвал давно затонувшего корабля покрутить. Вот только официанты не закрывали один глаз черной повязкой, и это слегка портило общее впечатление.

Но маленькие жареные рыбешки показались Наташе фантастически вкусными, а дочери больше понравились кольца кальмаров.

— Попробуй, они хорошо влияют на мозг, — не удержалась Аня от того, чтобы хоть слегка не поддеть мать.

Но потом, добежав по раскаленному песку до первой волны, они разом окунулись в простое счастье, и это неожиданно примирило их, будто вернув в детство обеих — каждую в свое, но совместившееся во времени. И они повизгивали, как дети, плескались и ныряли, хватая друг друга под водой, забыв о своих распрах и разности взглядов...

И уже здесь, на аллее Дали, все неопределенное и меняющееся, как ртуть, что образовалось в душе каждой, вдруг начало оформляться во что-то понятное. Дочь обернулась рывком, и Наташа успела заметить в ее глазах слезы.

— Господи, — тихо простонала Аня. — Это чудо какое-то... Не только Дали, все вокруг! Ван Гог просто... Буйство красок! Все — через край... Кармен!

Из нее все утро выплескивался восторг. По дороге в Марбейю Аня вбирала взглядом каждый дом, каждый куст, потому что похожих, при общей однородности, не попадалось. За любым поворотом — новое потрясение. Окна окаймлены солнечными лучами, прилипшими к белоснежным стенам. Многие дома казались песочными, их цвет был веселым и теплым.

— Они построили их в детстве на пляже! А потом перенесли чуть повыше — чтоб туристы не топтали.

Анины фантазии добавляли блеска всему, что было вокруг, и Наташа тихо ликовала: «Как хорошо, что я взяла ее с собой! Как хорошо... Может, он наврал мне с три короба этот урод с битой? Пытался свалить на

нее свою вину? Почему я так сразу поверила ему?! Предала ее, поверив...» И она ловила голую руку дочери, сжимала ее, целовала маленькую ладонь, которую так любила прижимать к губам, когда Анечка только родилась. Мягонькая была ладошка, и запах был такой тонкий, телесный... А волосики сладко пахли молоком, и Наташа без конца нюхала их, наслаждаясь. Как это могло выветриться из памяти?

А среди зелени, отвлекая, вдруг вспыхивала вилла румяная, как восход. Причудливые балкончики, легкие зефирные балясины, голубой глаз бассейна, пестрые радостные крыши, будто усыпанные осенними кленовыми листьями. Только клены здесь не растут... Даже пальмы не росли, пока их не доставили из Африки, груди которой видны через пролив. Пересадили, украсили свой мир, вычистили, вылизали, превратили в рай на земле. Теперь можно позволить себе сестру...

Поглядывая поверх растущих вдоль трассы разделительной полосой кустов белого олеандра, Наташа все пыталась понять, почему пощипывает глаза, ведь у них самих дом не хуже? Откуда же это ощущение счастливой гармонии бытия, которое так редко возникает в Москве? Неужели можно привыкнуть и к этой солнечной красоте, перестать замечать ее? Захлебываться воздухом, настоящим на аромате цветов, которыми покрыты стены, ворота, ограды... Это об этих цветах Аня воскликнула: «Ван Гог!» – такие броские, вызывающе яркие краски излучали их лепестки. От пронзительно-розового до густо синего...

Поправив белую кепку, которую надевала только на отдыхе, Наташа подумала, что вряд ли в природе

существует цветочный оттенок, который невозможно было бы здесь найти. А ей-то казалось, что уж цветами ее не удивишь, тысячами бутонов бывало украшали праздники. Но эти были живыми. Настоящими...

«И жизнь настоящая... Какие они все расслабленные и умиротворенные. Им хорошо. Они пребывают в нирване... Анька здесь прижилась бы...» — Она покосилась на дочь, которую уже везла обратно. И та, словно угадав ее взгляд, нервно дернула ртом:

— Тут бы остаться!

— Вечный праздник?

— Чем плохо? Сидеть на террасе, греться на солнышке и писать длинный роман...

«А мама пусть пашет в поте лица», — договорила она, но вслух произнесла другое:

— О любви?

Маленький отцовский, Анин нос раздраженно дернулся:

— Почему обязательно о любви? Можно и о не-любви.

— Кому это интересно?

— Наверное, тому, кто этим живет...

«Опять напрягла меня, — признала Наташа. — Только я расслабилась, поверила, что у нее нет никаких задних мыслей... Что за страсть постоянно швырять меня от одного полюса к другому?! А я-то... Почему все время иду у нее на поводу?»

— И кто же это живет нелюбовью? — спросила она напрямик.

Аня сползла по сиденью, повисла на ремне, как тряпичная кукла. Темная пакля волос казалась искусственной настолько, что проводи рукой — искры посыплются!

— Мы все живем нелюбовью, — с запозданием отозвалась.

Отчеканила каждое слово, чтобы как в копилку упало прямо в душу и там осталось. Наташа приняла молча, прислушалась, какой тяжестью осело. Ничего, выдержать можно. Ведь правду сказала, умница дочка! Каждый кого-то не любит. Хоть один такой человек у любого найдется, самого любвеобильного.

— Согласна.

Вывернув голову, дочь пытливо заглянула ей в лицо. Но глаза обеих были скрыты темными линзами очков, они так и не разглядели потайного.

— Ты это говоришь только, чтобы снова не цапаться?

Наташа не улыбнулась, чтобы не разозлить ее:

— Совсем даже нет. Хотя цапаться не хочется, это точно. Но в этом ты права. Нелюбви в жизни ничуть не меньше, чем любви.

— Ты... — Она оборвала фразу.

Но мать продолжила в ее духе: «Ты знаешь в этом толк! Ты никого не любишь, кроме себя самой. Ну, может, Леньку еще...» Даже оставшись не произнесенным, упрек завис между ними, электризуя обеих. И Наташе показалось, что не только дочь, но и она сама — нечто такое же искусственное, хотя и далекое от искусства. Нечто неестественное для этого цветущего мира, который создавался во имя любви. А они испоганили его своей душевной ленью, скудостью, ничтожностью своей...

— Знаешь, — внезапно вспомнилось ей, — тут есть маленький городок в горах. Кажется, Михас. Или что-то вроде этого... Это их святыня. Там когда-то внутри горы один человек нашел статую Девы Ма-

рии. Ему приснился вещий сон, что она где-то там, и он начал ее искать. Двадцать лет искал... И нашел. На этом месте построили часовню. Давай поедем туда прямо сейчас?

Настороженно поглядывая на мать, Аня накручивала на палец шнурок от шортов.

— Мы же хотели еще раз искупаться сегодня...

— Успеем! Это важнее.

— Чем важнее?

— Там есть такой маленький парк со всякой живностью... И считается счастливой приметой увидеть белую голубку.

Краешек сухих губ пополз кверху.

— И кто же из нас в прошлый раз увидел ее первым?

— А ты не помнишь? Ты и увидела.

— То-то я так счастлива! — взвизгнула Аня, ерничая.

Шлепнула по голым коленям, потом хрустнула пальцами, напомнив об артрозе Володиной матери. Маленьким Ленька содрогался, когда бабушка опускала на его голову свою скрюченную руку. Как он теперь это выдерживает?

— Странно, что ты до сих пор так хорошо все это помнишь, — с подозрением произнесла дочь.

— Помню и все. Тебе кажется, я придумываю?

— Да нет... Вряд ли...

— Вряд ли я умею придумывать?

Аня осклабилась, изобразила кого-то:

— Заметьте, не я это предположила!

Постаравшись пропустить это мимо ушей, Наташа объяснила:

— Мы тогда впервые были за границей. И сразу во все это великолепие окунулись... Память сама впитывала все, как губка.

Дочь передернулась:

— Терпеть не могу это выражение! Противно же представлять эту губку, которая втягивает лужу!

— Почему — противно? — спросила Наташа с недоумением.

— А ты этого не чувствуешь? Нет, честно?

— Не чувствую... А что тут противного? Просто выражение такое... Необязательно же представлять грязную лужу.

— А ты видишь родниковую?

Пришлось признаться:

— До того, как ты об этом заговорила, я вообще не видела никакой картинки. Просто выражение такое...

— Серьезно? — Обхватив голое колено (пяткой уперлась в сиденье), дочь уставилась на нее в упор. — Ты произносишь слова, за которыми нет никакого образа?

«Я опять кажусь ей полной идиоткой, — зато сковала Наташа. — Если я лишена чего-то, на что она способна, — это уже ущербность... А то, что я умею, — это просто не в счет! Не имеет никакой ценности...»

— Где уж мне тягаться с твоим воображением! — Она рассмеялась, и в этот миг как будто со стороны увидела влажную белизну своей улыбки.

— Но мое воображение меня не кормит. Ты это хотела сказать?

— Нет! Я вообще не о том начала говорить. Я всего лишь предложила съездить в Михас. Почему тебе необходимо так усложнять все простое? Здесь же все — просто! — Она повела рукой. — Солнце, море, цветы. Это самое простое и естественное из всего, что есть в этом мире! И люди здесь такие же.

Аня усмехнулась:

— В смысле, если уж любят, то убивают?

— Кто кого убивает? — не поняла Наташа.

— О Кармен не слыхала? — Обычная язвительность уже затягивала ее, возвращая обеих к тем отношениям, что были в Москве. Будто холодом подуло...

— Давай помолчим? — вырвалось у матери. — Просто помолчим.

— У тебя все слишком просто! — не удержалась Аня.

И только после этого отвернулась, погрузилась в себя. Поглядывая на указатели, которые даже попавшему сюда впервые не позволили бы заблудиться, Наташа пыталась угадать, чем она опять так разозлила дочь. Что такого неудачного было ею сказано? Чего не поняла? Эта губка дурацкая всему виновой?! Но ведь это уж совсем по-детски! Или Аню это задело, напомнив, насколько они разные люди?

«Ее мысли — настоящий лабиринт, — подумала Наташа удрученно. — Пока доберешься до сути, всю душу изобьешь в кровь...» В памяти возник образ гигантских пещер возле Нерхи, куда тоже хотелось свозить дочь, потому что и сама не видела более грандиозного творения природы. Но там заблудиться было невозможно: кругом указатели, ступеньки, перила... Все для человека.

— Тебя бесит, что мы с тобой слишком разные? — осторожно начала она. — Но ведь разным людям должно быть интереснее друг с другом.

И, притянув одной рукой, Наташа поцеловала темную Анину макушку, на миг прижалась щекой. Волосы дочери пахли теплой травой, и ей вдруг увиделась давняя-давняя осень, золотая до того, что

душа пела иволгой. Володя вытащил всю семью на велосипедах, они долго кружили по каким-то полям, валялись в сухих, но еще не слишком колких стогах сена. И сами вспоминались легкими и подвижными, как солнечные зайчики, которые растворяются, не оставляя следов. Но пока они *были*, это казалось счастьем... Растаяли. В Москве так мало ясных дней и совсем нет условий для счастья.

Сейчас она, пожалуй, усмехнулась бы, завидев такое семейство на велосипедах: «Вояж для бедных». Ей теперь лайнер под стать... Вот, что ненавидит в ней дочь, вдруг поняла она: отречение от их с Ленькой детства. Для них это было лучшей порой, а Наташе и вспоминать не хочется. Сына, как бы вырванного из среды, самого по себе, вспоминала постоянно. Только другие фигуры таяли от его тепла, и Наташу не тянуло лепить их заново, уподобляясь Пигмалиону... Тот день сейчас случайно проскользнул, вырвался из плотно утрамбованной памяти, которой клялась себе не касаться. Ее пугало: вытянешь хотя бы одну минуту, а она окажется такой крепости, что расплющит все сегодняшнее, с таким трудом выстроенное. Что останется, если утратит настоящее?

Остановив машину, она, мягко увлекая, повела притихшую Аню к морю, потому что помнила, как в ней самой все смирялось перед этой стихией. А еще замирало тоской, главным в которой было осознание своей ничтожности, мизерности... Дочери не помешает слегка усмирить свою гордыню. То, что сейчас не вырывалась, позволяла управлять собой, еще не значило подавления бури. Та смертоносная волна, которую называют цунами, всегда

рождается внезапно для окружающих. Но сам океан чувствует, как она вскипает в его недрах...

Выскользнув вниз из-под ее руки, Аня присела и собрала с мокрого песка несколько ракушек. Рассмотрела их и бросила в воду.

— Не возьмешь на память?

— Их детям привозят с моря, — отозвалась дочь, не поднимая головы. — Предлагаешь младшему брату отвезти?

Будто стукнула кулаком прямо по сердцу. Выждав несколько секунд, Наташа с трудом продохнула. Потом повернулась и пошла к машине. Что тут скажешь? Что сделаешь? По щеке ее ударить? Потом не простишь себе... «Лучше б она мне колено разбила, чем так...» — Наташе показалось, что ветер брызнул в лицо, потом сообразила, что это ее же слезы. Она вытерла их ладонями, даже за платком не хотелось лезть. И услышала, как Аня нагоняет ее сзади.

— Мам, ну извини!

«Если заговорю сейчас — разрыдаюсь», — Наташа плотнее стиснула зубы, мотнула головой, прося не трогать ее сейчас. Отстранила рукой, но дочь ловко поднырнула под локоть, заставила снова обнять себя за плечи.

— Я не брошу тебя, — Анин голос прозвучал почти сурово. — Можешь даже не сомневаться. И не надеяться...

Дневник в блоге Мантиссы

«В щель между камнями часовни Девы Марии в Михасе я сунула и свою записочку. И попросила оставить нас в этом Эдеме, где все улыбаются и не-

жатся на солнце. Может, здесь и мы научимся чувствовать себя счастливыми...

И в тот же вечер случилось чудо: уже вернувшись в Калаонду, мы поднялись по одной из цветущих улочек этого городка и встретили русских старичков, которые живут здесь уже лет десять. И те на все лады принялись уговаривать нас оставаться! Это ли не знак судьбы?! Причем они вышли из дома как раз в ту секунду, когда мы проходили мимо. Опоздай они на полминуты, и мы не услышали бы, что они разговаривают по-русски.

Старички эти (а точнее — пожилая пара, на стариков они не похожи!) тоже москвичи, там у них квартира осталась, а тут им дочь купила домик. Ну, это в сравнении с той машиной, что мать соорудила, — домик. А вообще-то в нем два этажа, бассейн во дворе. Что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?! Чувствуют себя превосходно, хотя Сергею Петровичу уже за восемьдесят, но он еще в прошлом году пробежки совершал. Он и вчера все время вырывался вперед, тянул нас за собой. И это с одним легким — все, что после войны осталось. Говорит: «Здесь мне легко дышится! Даже астматики тут вылечиваются».

И вправду воздух такой, что плакать хочется! В первый день вообще постоянно слезы наворачивались от разлитой по земле красоты, от множества фантастических деталей, которые находишь взглядом на каждом шагу — и в природе, и в архитектуре, и в человеческих лицах.

Супруги протащили нас по своему району, показали виллы, которые продаются. У меня так и заходило сердце: «Здесь хочу жить! Нет, вот это мой дом.

Или этот?» А мать только скользила взглядом... У нее одно на уме: «А чем здесь заниматься, не зная языка?» Она никогда не решится бросить свое идиотское дело, продать и дом, и бизнес, чтобы обрести рай... Познать гармонию. Цены здесь настолько ниже московских, что нам хватило бы на беззаботную жизнь: если остаток денег положить в банк, мы пополнили бы класс рантье. Но — «Чем здесь заниматься?!»

Ей обязательно нужно мельтешить, а для этого Москва подходит лучше всех городов мира. Среди расслабленных испанцев, которые ни на минуту не задержатся после работы, трудоголик выглядит безумцем. А моей матери суета необходима как воздух. Посади ее под замок, и через неделю она умрет от безделья. Даже если ее запереть в громадной библиотеке... Чтение для нее равносильно бездельничанью, ей никогда не подняться выше детективов. Причем самого дурного вкуса... Как говорил Поляков: «Кроссворды тоже словами написаны, но никто не считает это литературой».

И она, похоже, никогда не соберется прочитать *мою* книгу...

Утром Андрей свозил нас в город контрабандистов — Ронду, о которой еще Хемингуэй писал, требуя от своих друзей, чтобы они непременно посетили ее. Нет, это не город, это горная песня! Виды с поднебесной дороги открываются такие, что чувствуешь себя орлом, владеющим красотой всего мира. А эти белые вкрапления андалузских деревушек среди зелени... А блестящие скалы, красноватые стрелы камней... А уединившиеся от всего человечества виллы, к которым ведут узкие ленты

дорог... Моя мать никогда не согласилась бы поселиться в таком удалении от цивилизации. Чтобы принадлежать мне одной? Нет, добровольно она не пойдет на это...

Ронда — маленькая, беленькая, нарядная, с очень узкими улочками, жителям которых запрещается менять знаменитые старинные решетки и дверные ручки. Милая, сказочная реальность. Но страстным чревом ее разверзается гигантский каньон, от глубины которого подкашиваются колени. А рабы некогда спускались туда за водой и перли наверх! Сейчас речка совсем пересохла. Здесь часто встречаются реки, которые в июле подметают дворники...

Через этот величественный и жуткий каньон можно переправиться по мосту, в основании которого при Наполеоне была тюрьма — кругом дыхание веков! И сумрачными свидетелями всех этих бурных событий застыли скалы, похожие на смазанные профили, стоящие друг за другом чередой.

Андрей привел нам испанского гида — пожилого человечка с жуткой вмятиной около виска. Не иначе, как бывший контрабандист! Он рассказывал так увлекательно, что наш любезный сопровождающий заслушивался и забывал переводить нам. Но было интересно слушать и не понимая ни слова. Чувствовалось, что старый дон до сих пор не устал восхищаться своим городом.

Он поведал нам душераздирающую историю о юном испанском принце, которому сказочный воздух Ронды облегчил угасание от сифилиса. Жена его, пятнадцатилетнего, была женщиной зрелой и весьма крупной. К тому же сладострастной. Грубо говоря, затрахала она бедного мальчика... Да еще

и заразила, мерзавка такая! И юноша угасал на глазах... В благодарность за облегчение страданий сына королева подарила этому городу герб. Хотя мальчика уже ничто не могло спасти... Даже красота.

— Волчица ты, тебя я презираю, — пробормотала я, обращаясь к принцессе-убийце, прах которой тоже давно уже истлел.

Андрей оживился:

— К Птибурдукову ты уходишь от меня!

Мать покосилась на нас с подозрением. Наверное, ей почудилось, что мы уже изобрели тайный язык и сговариваемся против нее. И внутренне отстранилась от меня, я это почувствовала. Интеллектуалы всегда казались ей подозрительными, поэтому она и не вынесла жизни с моим отцом.

Оттаяла она только за обедом, потому что пожилая испанка в маленьком ресторанчике была очень радушна. Что здесь, кстати, не всегда встречается. Накануне один из официантов уронил грязные приборы с тарелки прямо на белую рубашку моей матери. И даже не извинился. Гордый мачо! Когда он что-то уронил во второй раз, мать подняла шум, смысл которого всем стал понятен даже без перевода. Мне было стыдно за нее, и вместе с тем смешно. В следующий заход нас обслуживала девица с такой мрачной, темной физиономией, что лучше бы вилки мимо уха летели...

Но тетушка в Ронде оказалась чудесной — уютной, улыбчивой. Нас с Андреем накормили холодным супом гаспаччо, который везде готовят по-разному, и вкусной свининой, а мать, по обыкновению, выбрала что-то рыбное. Кальмаров, кажется, — вняла моим внушениям...

И вино! Кругом вино. Кажется, я не пила столько никогда в жизни. Думаю, это от вина испанцы такие беспечные и ленивые. Счастливые!

Но и взрывные. Вечером в Калаонде полиция забирала молодую женщину, которая скандалила так, что небу жарко было! В чем там было дело, мы так и не поняли, но поодаль стоял перепуганный мальчик с отцом, возможно, его матери за слишком бурные проявления чувств запрещено было даже приближаться к нему, а она этот запрет засунула подалее. Бывший муж тут же радостно стукнул полиции! И крепкие мальчики по вызову охотно прискакали повязать бедную женщину...

Хотя, может, она и заслужила такое к себе отношение. Как заслужила своего моя мать.

...А ночью долго-долго кричал ребенок в апартаментах другого корпуса. То ли заболел, то ли родители уложили его спать и загуляли, а он проснулся в темноте, в одиночестве и перепугался. Я еще не спала, взбудораженная полетами над Андалусией, и от его жалобных рыданий не могла найти себе места. Но не представляла, что могу предпринять? Позвонить на ресепшен? Но как я объяснюсь с ними по разговорнику, где даже нет таких слов, как «плачет»? Зачем туристам знать такие слова?

И я металась по своей постели, подходила к окну, посылая этому бедному ребенку успокоение. А потом вдруг вспомнила, как моя мать обмолвилась о том, что бабушка также бросила ее маленькую в чужом городе. И ей не к кому было бежать, некого было позвать. Неужели моя любимая бабушка могла так поступить с ней? Что-то мне подсказывает: могла. Дочка выпала из череды наслаждений и забылась...

Когда я представляю свою мать ребенком, мне становится безумно жаль ее — эту тоненькую девочку с выгоревшими на солнце волосишками и вечно ободранными, как она вспоминает, коленками. Сироту при живых отце и матери. Никому по-настоящему не нужную.

Часто я думаю, что если б мы с ней поменялись ролями и она стала бы моей дочерью, я любила бы ее безумно! Ведь от своего ребенка не требуешь, чтобы он был интересным собеседником и понимал тебя с полуслова, не упрекаешь его в излишней активности. В нем все любишь, все принимаешь... И я носила бы эту беленькую девочку на руках. Не до четырех лет, как она меня, о чем не устает напоминать, а всю жизнь.

Вспомнилось: в знаменитой на весь мир Альгамбре, куда мы попали, кажется, только по незнанию того, что билеты раскупаются за полгода, в единственном христианском храме, пробравшемся в эти арабские владения, я увидела девочку лет трех, не больше. Тоненькая, кареглазая, в волосах — солнце. Еще не поняв, что она — русская (наших тут вообще пруд пруди!), я засмотрелась на нее. А она, не шевелясь, стиснув ручки, глядела на статую плачущей Марии с телом Иисуса на коленях. Подобравшись поближе, я расслышала, как девочка повторяет и повторяет, обращаясь к стоявшей рядом женщине: «Мама спасет его? Мама плачет... Правда же, мама спасет его?! Бедный Иисус... У него кровь...»

Что за сила в этой детской любви?! К своей маме, к Мадонне, к Христу... До слез, до мурашек по коже пробрало. А девочка часто моргала, смахивала пальчиками слезинки с ресниц и все твердила, что мама

должна спасти его... Она еще даже не подозревает, что надо писать Его — с большой буквы, и писать-то еще не умеет. Но знает, что нужно спасти своего ребенка, во что бы то ни стало! И верит, что каждая мама может это сделать...

Ее мать вынесла девочку на руках, та беззвучно плакала ей в плечо. А я провожала их взглядом и думала о том, какая же эта малышка счастливая: у нее есть плечо, в которое можно выплакать любое горе. Разве я могу уткнуться в тепло моей матери? Она ведь скажет: «От безделья маешься. Твое горе выеденного яйца не стоит!» О чем угодно так скажет. Даже если я шепну ей, что распяли Христа... И ему больно. Ему так больно!

А она, несмотря ни на что, так и светится... Ее вообще нетрудно привести в состояние эйфории, а здесь все располагает к этому. Когда мы бродили по изумительным садам Хенералифе, прятались в зеленых лабиринтах, упивались ароматом роз, прохладой многочисленных фонтанчиков, мать выглядела помолодевшей и легкой. Ей удалось забыть о том, что в Москве ждут дела, которые требуют ее присутствия, а она тут теряет со мной время. Высокая, светловолосая, особенно длинноногая в белых прозрачных брюках и мягких тапочках, она выглядела моей сестрой или скорее просто подружкой, поскольку мы не похожи. Мы держались с ней за руки, и ни одна из нас не пыталась вырваться. Мы прятались в живых кипарисовых комнатах, изучали геометрию кустов, которые складывались то в ромбы, то в треугольники, а в центре — обязательно росло деревце. Мы взбирались на разрушенные стены крепости и смеялись от радости, видя Гранату, распростертую у наших ног.

Как счастливые дикари, не зная языка, мы просто бродили наугад, слабо представляя, что вообще мы можем найти в Альгамбре. Поехали-то в Гранаду, на родину Дон Кихота и Лорки, а потом на вершине скалы, над городом увидели дворец. Наш консультант Лена после отказывалась поверить, что нам удалось проникнуть в этот памятник арабского наследия. А я, признаться, краем уха уловила английскую фразу о двухстах билетах, но не придавала ей значения. Мы просто отстояли в кассу, купили по пропуску в рай и вошли внутрь. Потом Лена додумалась за нас, что, наверное, какая-то турфирма отказалась от брони, и нам чертовски повезло.

Как, надеюсь, повезло встретиться чуть ли не на пороге нашего дома с Олегом, которого я вспоминаю каждый день. И мысленно рассказываю ему обо всем, что произошло, ведь от наших встреч осталось ощущение, что это именно тот человек, который способен понять меня лучше других. Человек, к которому меня тянет...

Хотя ничего толком о нем не знаю, кроме того, что открылось тем вечером, в доме у М. В. Впрочем, большего и не нужно, чтобы создать образ человека, придумать его, как мы придумываем всех людей, нас окружающих. Никто никого, по существу, не знает. Мы воспринимаем те фантомы, которые создает наше воображение, и можем счастливо прожить с ними до старости, не догадываясь (и не желая знать!) об их потаенных чертах, темных и резких. А окружающим также ни за что не разглядеть моего лица, не узнать тайного желания, подавленных инстинктов...

В таком же сетевом дневнике, как этот, одна уже пожилая женщина писала о трагедии своей жизни: сексуальное возбуждение она испытывает, только воображая сцены совращения детей или насилия над ними. Причем себя она представляет поочередно то ребенком, то насильником... И она не может заставить себя рассказать об этом никому, даже сексопатологу, даже психоаналитику. Которого у нее, впрочем, и нет. Хотя реальные дети не вызывают в ней патологических желаний, только воображаемые, она все же всегда боялась выйти замуж и нарожать малышей, опасаясь, что может сотворить с ними нечто ужасное! А друзья любят ее, считая веселой и доброй, но только мучают, до сих пор то и дело пытаясь познакомить ее с потенциальным женихом. Думают, что в этом ей нужна помощь. Мы совсем не знаем друг друга. И даже себя...

К тому времени, когда мы вернемся в Москву, Олег уже, наверное, прочтет рукопись, которую я ему подсунула. Но узнает ли меня лучше, чем в первый вечер? Разве писатели исповедуются в своих книгах? Нет, они только морочат читателям голову, меняя маски, примеряя судьбы, которые им не довелось прожить на самом деле! Я ничего не рассказала о себе в своей первой книге. Для начинающего автора исповедь — это путь в никуда. Невозможно писать о себе постоянно, ведь одна жизнь небогата событиями, бедна чувствами. Только воображение может спасти автора, вытянуть его из страшного плена единственной книги, которую способен написать каждый...»

— Perdoneme, como se llega el Picasso-museo?¹

Наташа повторяла эту фразу уже в пятый раз. И выходило это все бойчее, что вводило в заблуждение тех, кого она вылавливала на улицах Малаги. Им казалось, что раз она так уверенно говорит, то и понимает так же хорошо. И они начинали отвечать ей свойственной испанцам скороговоркой, что совершенно оглушало, и она моментально теряла надежду выудить хоть одно знакомое по разговорнику слово.

Но подкупало то, как охотно местные жители пытались помочь двум практически глухонемым русским, которые не озаботили себя постижением даже азов чужого языка. Первая же девушка, возле которой притормозила Наташа, тут же принялась скликать подруг, и они говорливой стайкой принялись объяснять дорогу, легко переходя с испанского на английский. И, выяснив столь же дремучее невежество русских и в языке международного общения, — обратно.

В какой-то момент Наташа даже почувствовала себя грудным ребенком, пытающимся освоиться в мире взрослых. Все они понимали и могли помочь, но только друг другу, а то, что говорили ей, оставалось китайской грамотой.

— Позорище, — бурчала Аня. — Нечего было хватать «горящие» путевки! Хоть подготовились бы...

Наташа рассмеялась:

— Да брось! Разве не забавно? Это же настоящее приключение!

¹ Простите, как проехать к музею Пикассо? (*исп.*)

Бросив на нее удивленный взгляд, дочь глотнула из пластиковой бутылочки и проговорила задумчиво:

— Может, ты и права. Тебе во всем удастся разглядеть что-то забавное, да? У тебя мозги, что ли, так устроены?

— Сейчас же это на поверхности!

Прохладная вода точно заставила Аню размякнуть, она сползла по сиденью, вольно расставила колени, успевшие забронзоветь. Наташе захотелось погладить гладкую ножку дочери, и вспомнилось, как двадцать лет назад любила целовать ее маленькие ступни.

Но было немного боязно протянуть руку к этому непонятному зверьку, минутная расслабленность которого могла смениться лязгом зубов. Глаз не видно за темными линзами... Что там, во взгляде?

— Ладно, я пошла, — вздохнула мать. — Полчаса позора, и мы найдем этот чертов музей!

— Может, плюнем на него? — неожиданно предложила Аня, хотя сама настояла на этой поездке. Пикассо!

— Ты серьезно?

Дочь даже стянула очки, как протягивают ладонь, демонстрируя, что в руке не зажат отравленный кинжал.

— Что мы, Пикассо не видели? Ты же себя душой чувствуешь, приставая к этим испанцам...

— Да ладно! — Наташа уже открыла дверцу. — Может, я скоро начну их понимать?

Но как не скоро это могло произойти, она почувствовала сразу же, хотя жутковатые панки, торчавшие на автобусной остановке, были предельно

вежливы и терпеливы. По-андалузски шепелявя, они долго объясняли что-то бестолковой русской, которая, помогая себе руками, жалобно тянула:

— Left? Right?¹

— Ты — Киса Воробьянинов! — постанывая от смеха, кричала из машины дочь. И меняла голос: — Господа, я не ел шесть дней...

Наташе приходилось отворачиваться, чтобы гордые испанцы не вообразили, будто над ними смеются.

Очередной смуглый мачо, который совершал пробежку, быстрее других догадался, что она не поняла ни слова из того, что он ей объяснял. Тогда, помолчав, он собрался с мыслями и, до чего-то додумавшись, просиял. Наташе показалось, что он произнес что-то похожее на фамилию — Иглесиас. Она обернулась к дочери, которая осталась в машине, но опустила стекло, чтобы слышать разговор.

— Он говорит про Хулио Иглесиаса? Здесь его вилла? Или что?

— No, no!² — Испанец в изнеможении вскинул влажные от пота руки.

— Он говорит о церкви! — сообразила Аня.

— Иглесиас — значит церковь? — Наташа быстро отыскала глазами купол, возвышавшийся над крышами домов, и, указав пальцем, кивнула испанцу. — Да? Si? Все, поняла! Нам туда. Muchas gracias!³

Она хотела было по привычке коснуться его руки, чтобы усилить ощущение признательности, но успела представить липкое ощущение чужого пота

¹ Налево? Направо? (англ.)

² Нет, нет! (исп.)

³ Да? Большое спасибо! (исп.)

на ладони. Красавец, конечно... Но мокрое от жары тело лучше воспринимать глазами.

Вскоре выяснилось, что обрадовались они рано, потому что, добравшись до церкви, никакого музея поблизости не обнаружили, а прохожие, как им показалось, что-то говорили про мост, который то ли нужно было переехать, то ли повернуть перед ним. Они решились перебраться на другую сторону и остановились у большого супермаркета. Выйдя из машины, Наташа с преувеличенной уверенностью обратилась к пожилой женщине, по виду интеллигентной достаточно, чтобы знать, где находится музей Пикассо.

Интеллигентная дама оказалась первым человеком на этой доброжелательной земле, который буркнул что-то неприветливое, даже не взглянув на Наташу.

— Руку даю на отсечение — это русская эмиграция! — прыснула Аня.

— Как ты любишь родину! — Наташа с притворной укоризной качнула головой. — Стыдно должно быть, девушка!

И отвернувшись от дочери, она порывисто шагнула к пожилому человечку — голубоглазому и светловолосому, как все чистокровные испанцы. О чем они и сами уже не все помнят... И уже с видом мученицы повторила свою коронную фразу. На самом деле все происходящее веселило все больше, ведь ей слишком давно не доводилось примерять новые роли.

В Москве ее жизнь была отлажена и накатана, и хотя чуть ли не каждый день подбрасывал ситуации, которые не давали заскучать, там Наташа чувствовала себя на своем месте, и модель поведения хозяйки агентства была изучена ею досконально.

А тут она была просто никому не известной туристкой, заплутавшей и не знающей языка.

Как девочку взяв за руку, испанец потащил Наташу в супермаркет, из которого только что вышел, и, замахав свободной рукой, начал кричать во все горло, призывая на помощь молоденькую продавщицу.

«По виду — студентка, художница, — подумалось Наташе, когда раскрасневшаяся девочка подбежала к ним. — Поэтому он и подумал, что она должна знать, где музей...»

Эти двое уже что-то оживленно обсуждали, энергично жестикулируя, потом снова повели Наташу на улицу и начали на два голоса объяснять ей дорогу. Постепенно возле них собралась небольшая толпа, и каждый подошедший пытался упростить Наташе задачу, тем самым запутывая ее окончательно. Едва удерживаясь, чтобы не расхохотаться, она еще силилась что-то понять, но видела, как дочь корчится от смеха на переднем сиденье, и от этого совершенно переставала соображать.

— Ты казалась среди них абсолютно своей, — сообщила Аня, вытирая глаза. — Ты так же кричишь и размахиваешь руками. Но здесь даже это почему-то не раздражает... Наверное, на этом солнечном берегу мы могли бы с тобой жить душа в душу.

И она устремила на мать долгий, вопросительный взгляд.

...Самым поразительным было то, что они все же отыскали злополучный музей, покругившись по городу еще всего-то минут сорок. И еще столько же, пытаясь припарковаться в середине рабочего дня.

— Оно того не стоило, — разочарованно пробормотала Аня, когда они опять оказались на улице. — Скучная коллекция.

Собравшись с духом, Наташа притянула дочь:

— Было бы хуже, если бы мы его все-таки не нашли. Осталось бы ощущение чего-то упущенного.

Аня скосила глаза:

— Вот и я думаю, что надо пробовать все, что придет в голову.

Наташе мгновенно представились последствия оргии в их доме:

— Ну, не все!

Дочь засмеялась, откинув голову ей на плечо.

Они медленно пошли по улочке, погружающейся в сиесту. Закрывались магазины, пустели тротуары... Только манекены в ярких платьях продолжали удивленно взирать на двух женщин, не желающих отдохнуть от солнцепека. Но жары Наташа почти не чувствовала. Консультанты объясняли это низкой, несмотря на близость моря, влажностью воздуха. А ей самой казалось, что причина кроется в некоем волшебстве этого солнечного берега, с которого легче всего разглядеть и Африку, и алые паруса. Впрочем, о них Наташа давно уже не мечтала... Может быть, никогда.

— Давай искупаемся в Фуенгеролле, а потом зайдем в зоопарк, с московским сравним, — Наташа опять уличила себя в той деланой жизнерадостности, которая начинала звучать в голосе, когда она обращалась к дочери.

— Фуенгеролла вся, как наш зоопарк...

— Лена хвалила здешний. По-моему, стоит посмотреть.

— Что за удовольствие глазеть на плененных животных? По-моему, это негуманно.

Наташа пожала плечами и открыла дверцу машины:

— Может, им не так уж плохо живется. Они же не на цепи сидят.

Юркнув на сиденье, Аня щелкнула ремнем и спросила равнодушным тоном:

— Думаешь, можно и не страдать, сидя под замком?

— Думаю, многие из них уже забыли, что такое свобода.

Откинув голову, дочь усмехнулась:

— Интересно... Значит, можно об этом забыть?

— А с тобой такого не было? Попадаешь в другую реальность... Ну, скажем, ложишься в больницу... И уже она начинает казаться тебе настоящей. А то, что было до сих пор, — сном каким-то...

— Иллюзией.

— Ну да! А потом ты выписываешься, и все происходит наоборот. Кажется, что тебе померещились эти больничные дни.

— Интересно, — повторила Аня. — В сознании происходит подмена... Да, я это помню. Когда ездила в лагерь в Анапу... Да и сейчас? Разве тебе сегодняшний день не кажется единственно возможной реальностью?

Она смотрела на мать, кусая шершавые губы. Наташе никак не удавалось уговорить ее пользоваться помадой или блеском. Хотелось намекнуть ей, что такие губы не вызовут желание поцелуя, но было страшно рассердить дочь, которая только-только начала общаться с нею по-человечески.

— Мне хорошо, — призналась Наташа. — Так хорошо, как давно уже не бывало...

— Ты заметила? — вдруг отрывисто спросила Аня. — Мы начали разговаривать. В Москве этого не было...

* * *

Вечером, сидя в китайском ресторанчике, что ютился среди себе подобных на одной улице с их клубом, Наташа то и дело совсем по-девчоночьи вскрикивала:

— А как он бросился ко мне обниматься! Тот лемур, помнишь?

— Такое не забудешь, — усмехалась Аня.

Но небольшая порция желчи не могла прожечь брони восторга, который окутал Наташу после того, как маленький нежный зверек кинулся искать у нее защиты. Ее колено до сих пор чувствовало прикосновение крошечных лапок... Служитель зоопарка бросился спасать русскую туристку и начал, виновато улыбаясь, в чем-то ее убеждать, наверное, в безобидности этих маленьких глазастых обезьянок.

— Я не испугалась! — заверила Наташа, надеясь, что ее поймут без перевода, и осторожно взяла лемура на руки.

Его полосатый хвост поднялся предупреждающим жезлом. Она вопросительно взглянула на служителя:

— Наверное, он сам боится?

— No, no! — Тот попытался забрать зверушку.

Но лемур уже обхватил Наташу за шею и запищал, как ребенок, которого хотят отобрать у матери. Ей стало смешно, потому что другие туристы

хохотали и щелкали фотоаппаратами, и вместе с тем потянуло заплакать оттого, что уже давно никто не цеплялся вот так за ее шею. Зверек царапал ее коготками и больно тянул волосы, но ей не хотелось отдавать его, ведь на нее смотрела Аня и видела, как можно тянуться к ее матери...

— Бесплатный цирк, — усмехнулась дочь, когда лемура все-таки утащили и они смогли выйти из громадного искусственного баобаба, который по наивности приняли за настоящий. — Почему с тобой вечно что-то случается? Ты, как ребенок, который притягивает приключения.

«Она завидует мне, — догадалась Наташа. — Ей обидно, что лемур не выбрал ее. Не заметил... Олег тоже выбрал меня. Что будет, когда она узнает об этом?»

Ей хотелось дать себе слово, что с Олегом уже покончено, ведь за все время, что они были здесь, он вспомнился пару раз, не больше. Но она знала, что стоит возвратиться в Москву, и то, что здесь кажется небылью, опять нальется плотью, а эта неделя со всеми ее восторгами и переживаниями станет иллюзорной и вскоре растворится в памяти, оставив ощущение солнца на коже. Немного солнца в холодной воде... Аня терпеть не может Саган. Интересно, за что?

Она решила спросить об этом за ужином, когда они на чудовищной смеси языков объяснились с улыбочивым китайским официантом, похожим на пионера в белой рубашечке и темных брючках. Услышав, как они разговаривают между собой, он тотчас принес другое меню, и они по-дикарски обрадовались, увидев русские буквы. Хотя Аня уже при-

готовилась переводить с английского: читала она лучше, чем говорила, и в музеях без труда понимала сопроводительные тексты на металлических табличках, матово мерцающих сбоку от картин.

Заказав утку по-пекински с блинчиками, креветки, шипящие в масле с чесноком, и ребрышки с рисом — причем слово «рис», к их радости, официант понял на слух, — они приготовились ждать вечность, потому что ресторан был полон. За соседним столом, длинным, похоже, составленным из нескольких, сходили с ума толстые рыжие дети с бесцветными ресницами.

— Шведы, — шепнула Наташа, присмотревшись.

— Может, норвежцы, — возразила дочь и прислушалась. — Точно, норвежцы.

Наташа не удержалась от смешка:

— Ты знаешь норвежский?

— А ты шведский?

Протянув над столом руку, Наташа прищурилась:

— Давай на спор!

Аня изумленно заморгала:

— На спор? Ну, давай...

С другой стороны от них сидели взрослые, судя по бесцветности и комплекции, — непробиваемо спокойные родители этих бесноватых, которые уже чуть не по потолку носились.

— Нажрались, энергия так и плещет, — буркнула Аня.

— Понаехали тут!

— Да нет, я не против иностранцев как таковых...

«Вот они рады были бы слышать!» — скрытно усмехнулась Наташа.

— Но я предпочла бы соседство, например, с французами, — закончила дочь свою мысль.

Вот тогда-то и вспомнилась Саган.

— Она слишком зациклена на любви, — неodobрительно отозвалась Аня на ее вопрос. — Все ее романы — это одна только любовь и ничего больше. Слишком упрощенно. Скучно. Никакой фантазии.

— А мне нравились ее книги, — призналась Наташа. — Только после них становилось слишком то-скливо.

Дочь хотела о чем-то спросить, но в этот момент к их столику подскочил чернокожий скоморох с полусотней солнцезащитных очков, закрепленных на переносном лотке. Качнув головой, Аня без запинки произнесла по-английски:

— Спасибо, не нужно.

— Можешь, когда захочешь! — восхитилась Наташа.

— Это расхожая фраза, — пожалала она плечами.

Утка в блинчиках им понравилась, а креветки показали безвкусными, даром что с чесноком. У ребрышек самой вкусной оказалась подливка, которую Наташе так и хотелось вымазать хлебушком. Все было бы очень неплохо, если б не орудия скандинавские подростки, национальная принадлежность которых пока оставалась невыясненной. Как и половая — у некоторых из них. Толстые, розовые пупсы в одежде «унисекс».

— Вот почему я говорю, что девушка должна следить за собой, — шепнула Наташа, хотя русских поблизости не было. — Причем с самого раннего возраста. Гробская как-то говорила...

— Кто-о?!

Узкое личико дочери перекошилось так, что Наташа сразу поняла свою оплошность.

— Гробская, — храбро повторила она. — Ты ее не считаешь писателем, я знаю...

— А ты считаешь?

— Я не читала, если честно.

— Но цитируешь! Потрясающе! Для тебя главное, что она в моде, так? Что модно — не может быть плохо!

Дочь сердито поболтала водой в маленькой бутылочке. Наташе показалось, что она готова запустить в нее этим, как гранатой. Захотелось посторожничать, чтобы бутылка прилетела в голову одному из невозмутимых викингов. Но Аня удержалась от броска.

— Так что же выдал этот кладезь мудрости?

Мимо пролетело нечто брошенное маленькими троглодитами. На миг зажмурившись, Наташа перевела дыхание:

— Я просто слышала ее в какой-то передаче...

— «Кто умнее пятиклассника?» Она, конечно, проиграла?

— Ну, перестань! Это было интервью. Она говорила, что ее неправильно воспитывали как будущую женщину. Не научили правильно краситься, со вкусом одеваться, ухаживать за...

— Ее мать была библиотекарем, как ни странно! — перебила Аня.

— Что ж тут странного?

И закончила про себя: «Детям так хочется как можно меньше походить на родителей...» А ей захотелось, чтобы в бутылочке оказалась водка. Такая же прозрачная и прохладная, как эта вода. Выхлебать залпом, перестать думать о... Вообще обо всем!

Но все же договорила:

— Своей дочке она сразу проколола ушки... И ноготки покрывает лаком с самого детства.

— Бедный ребенок...

От того, как Аня произнесла это — без обычного ерничанья, с состраданием, — что-то торкнуло в груди. Неужели она всерьез убеждена, что быть верной своему полу, сживаться с ним всеми жилами, — это пагубно для женщины? Да разве «женщина» — это ругательное слово?

— Почему — бедный? — тихо возразила Наташа. — Эта девочка может стать воплощением женственности.

Ответный вопрос крючком впился в сердце, рванул:

— То есть дорогой шлюхой? Что дает твоя хваленая женственность, кроме повышенного интереса мужиков? Чтоб насиловали девочку на каждом шагу? Этого ее мать хочет?

Наташа стиснула стакан и быстро разжала руку: не дай бог еще треснет... У нее глухо зашумело в ушах — это из прошлого настигло. Тридцать с лишним лет прошло, а все еще слышится...

— Что ты такое говоришь? — Она отхлебнула воды, пытаясь успокоиться. — Насилуют не только тех, кто носит бриллиантики в ушах... Чаше — совсем не тех...

Будто угадав непроизнесенное, Аня резко откинулась на спинку стула, прикрыла глаза. Веки у нее всегда мелко дрожали, с самого детства. Какая-то врожденная нервозность... Меньше надо было по свадьбам бегать во время беременности, упрекнула Наташа себя, берегла бы ребенка. Но мужа надо было кормить, он-то подобными мелочами не заморачивался...

В это время родители за соседним столом засобирались, лениво окликнули своих ангелочков, и те, громыхая крылышками, понеслись к выходу. На смену им на маленький зал сошла благодать...

— Много ли для счастья надо, — усмехнулась Наташа.

— Много, — с ненужной сейчас серьезностью отозвалась дочь. — Ты когда-нибудь чувствовала себя по настоящему счастливой?

«Когда родился Ленька», — вспомнилось, но не выговорилось. И тот желтый, волшебный свет, опустившийся на заснеженный дворик роддома перед закатом, когда она, после родов, нашла силы взглянуть в окно, тоже вспомнился. Последние лучи уходящей жизни... Теплые, но уже нереальные. С рассветом должно было начаться нечто необычное: ей принесут сына. Ее сына. Когда родилась Аня, хотелось спрятать голову под крыло от разочарования — девочка... Обидно было и стыдно этой обиды, ведь малышка была не виновата. Никто не виноват в том, что некоторым приходится рождаться женщинами.

Подскочил их маленький китайчик, ловко сменил тарелки, и Аня, как могла, спросила у него по-английски: кем были эти жуткие дети? Шведы? Норвежцы? Он подтвердил последнее, и Аня вдруг, как ребенок, захлопала в ладоши:

— А! Я говорила! На что мы спорили?

— Я не помню, — ответила Наташа машинально.

У нее перед глазами все еще догорал желтый свет того зимнего дня семнадцатилетней давности... Но цепкий взгляд дочери уже пробился, перечеркнул светлое темным штрихом.

— Ладно. Купишь мне ту акварель, что висит у нас в апартаментах.

Она сразу очнулась:

— Этого англичанина? Как его... Зачем он тебе?

Тонкие губки дернулись книзу:

— Мне нравится на нее смотреть...

— Тебе нравится смотреть на девушек?

— Фу! — вырвалось у дочери. — Только давай без этого...

Наташа заторопилась перевести разговор:

— А если та картина не продается?

Аня смерила мать взглядом так, будто безменом взвесила, подцепив на крючок:

— Для тебя разве может быть что-то невозможное? Ты же кого хочешь уболтаешь! Очаруешь. Пленешь.

— Неужели? — Ей стало приятно. — Ты действительно так думаешь обо мне?

— Ты купишь ее?

— Я попробую.

— Я без нее не уеду.

Несколько секунд Наташа пыталась убедить себя в том, что дочь шутит. Но та смотрела на нее без улыбки, без лукавства.

— Ты серьезно? — спросила с опаской и подумала, что уж этим-то наверняка рассмешит ее.

— Вполне.

— Ты играешь в индейца? Ни один мускул не дрогнет.

Навалившись на стол, Аня расставила острые локти.

— Почему тебя так пугает, когда я чего-то хочу? Ты заранее уверена, что в моих желаниях что-то непристойное?

Они обе помолчали, не понимая, о чем тут говорить. Потом дочь опять откинулась на спинку стула и улыбнулась. Не язвительно, как следовало бы из разговора, а по-настоящему, как тоже умела, но редко прибегала к этому.

— Помнишь, как в первый день было весело на пляже? Кажется, целая вечность прошла...

Наташа напрягла память, ей пришлось пробиться через целые наслоения воспоминаний. Давно время не прессовалось так мощно, а ведь прошло всего пять дней. Еще два, и они будут дома. Даже не верится...

А первый день все же пробился сквозь эту толщу. И песок опять обжег ступни. Аня прыгала, задирая ноги, как девчонка, и те немногие, кто в самую жару отважился прийти на пляж, лениво поворачивали головы, как темные морские львы, которым не к лицу суета. Их неподвижные тела поблескивали, когда странные русские женщины пробегали мимо них, стремясь к морю, в которое в тот день, кажется, никто, кроме них двоих, и не заходил. Хотя волнение было символическое, Наташа и больших волн не пугалась. А ее дочь тем более...

— Почему ты вдруг вспомнила?

— Вдруг. А у тебя ничего не бывает — вдруг? Спонтанно... Ты продумываешь каждый вздох?

— Господи, да конечно же нет!

Аня опять улыбнулась:

— Разве нет? Может, и папу ты подловила случайно?

* * *

На рассвете она услышала, как что-то грохочет за окном, и только тогда поняла, что ночь уже прошла. Без сна и без особых мыслей. Так обожгло открове-

нием дочери, что от боли ворочалась с боку на бок, путаясь в простыне, и от этого чувствуя себя спеленатой и беспомощной. Оказывается, Аня давно догадалась о том, что отец просто угодил в силки, расставленные женой. Наверняка уже задним числом, иначе наверняка уехала бы с отцом. Значит, думала об этом неотступно, проигрывала ходы родителей и обнаружила какой-то прокол матери, о котором Наташа и сама не догадалась. Хотя тоже не раз думала с тех пор: может, и не стоило пускаться на подлость, и Володя сам ушел бы, если б она попросила. Ведь не просила же...

«А если он тоже догадался? — Постель уже казалась ей раскаленной «испанской сковородкой» — исихой, местом, где не могло быть жизни. — Да ладно — он! А если Ленька все понял? Может, это и оттолкнуло его от меня?»

Вот это уже лазером жгло, что там здешнее солнце... И вдруг — точно солнечный удар случился — провалилась в сон, а в нем уже звучало фламенко. Сначала только сипловатый низкий голос певца, коренастого и некрасивого, певшего так, что мороз бежал по коже, даром что Африка под боком. Потом каблук отчаянной дробью ворвались в сон, но не разбили его, а будто уплотнили. Если б Наташа себя видела, то заметила бы, что дыхание стало ровнее и глубже.

А перед внутренним взором мелькали краски — яростно бились разноцветные подола, взлетали широкие рукава... Пот со лба танцора разлетался веером, заставляя встревоженно замирать, будто плотью своей сейчас мог коснуться. И потому она совсем не удивилась, когда все пошло кругом: то ли вправду партер поехал, меняясь со сценой, то ли го-

лова закружилась от чужой страсти, слившейся с музыкой. Ни тогда наяву, ни сейчас во сне она не помнила того, что они сидят в концертном зале одного из лучших отелей побережья. Не того, в котором жили, хотя Наташа могла бы купить номер и здесь, но решила отделаться малой кровью — не с мужчиной же едет отдыхать. Анька не оценит роскоши, ей плевать... Фрондерка хренова! Но фламенко заставило их с дочерью слиться в одно, и Наташе тоже мерещилось, что вокруг испанская провинция, где до сих пор кипят страсти и рвутся до крови души, а мужчины соперничают в силе не с женщинами, а с быками... Один из андалузских героев с огнедышащими ноздрями рванулся к ней, склонив упрямую голову, устремив мощные рога. Наташа рванулась прочь...

Сердце колотилось так, что она удивилась, как не умерла во сне от его разрыва. А рядом даже не было кошки, которая могла бы спасти, как Наташину свекровь в свое время спасла хвостатая любимица, вобравшая смерть и умершая за свою хозяйку, когда ее увезла «неотложка». А врачи были уверены, что даже не довезут пожилую женщину до больницы, таким обширным был инфаркт.

Тогда она и услышала этот странный грохот за окном. Разъяренный бык постепенно таял, пронизанный лучами солнца, а звук не становился тише. С трудом поднявшись с кровати, Наташа выглянула в окно и сразу проснулась от радости: вчерашние норвежцы, похоже, уезжали. Пересекавший двор флегматичный папа грохотал чемоданом на сломанных колесиках, а еще больше опухший ото сна его наследник тащился за ним, свесив толстые сардельки рук. На спине у него сонно завис рюкзак, из

бокового кармашка которого торчала бутылка той же вкусной воды, какую все они вчера пили в китайском ресторане.

— Ваше здоровье! — насмешливо шепнула Наташа, мысленно подняв за них тост. — С отъездом вас!

И тут же затосковала: «Два дня осталось... Куда рвануть сегодня?»

— В Кадис поедем?

Она обернулась так стремительно, что пятки скрипнули по полу. Стоявшая в дверях дочь сонно потягивалась. Обычные белые трусики и футболка, ничего сексуального в наряде, хотя Наташа сама дарила ей красивое белье. Но как раз эта белизна и кажущаяся невинность сводят мужчин с ума, она читала об этом в каком-то журнале.

И в этот момент, увидев дочь в утреннем свете, который тоже каждый раз был юным и свежим, она особенно остро почувствовала, что в этой комнате — две женщины. Не мать и ее ребенок, а зрелая и молодая женщины, которые не в состоянии любить друг друга безоглядно, потому что между ними всегда может встать мужчина, которому захочется ребенка. А они еще могут соперничать в том, у кого из них это получится лучше, ведь Наташа и сейчас ощущала в себе энергии больше, чем было в дочери. И когда через пару дней они вернутся в Москву, этот мужчина, на расстоянии ставший почти мифическим, может опять обрасти знакомыми чертами, повадками и запахами. Явиться к ним во всей своей реальности, которая может оказаться слишком тяжеловесной для хрупкости их с Аней отношений.

«Лучше бы он не возникал больше!» — взмолилась Наташа, но что-то в ней, не подчиняющееся

разуму, уже запросило этой встречи, затосковало о ней. И мягкой зеленью его глаз засветилась пронизанная солнцем итальянская сосна за окном. Вчера Аня подняла пару длинных сросшихся в основании иголок и заставила их «ходить» по своей ладошке. Здесь она иногда позволяла себе быть ребенком...

— Так мы поедem в Кадис? — не дождавшись ответа, нетерпеливо спросила дочь.

Ее маленькие босые ноги переступали и терлись друг о друга, вели жизнь, отдельную от тела, которое еще подремывало, привалившись к косяку. И Наташе вдруг страстно, как будто подумалось о чем-то порочном, захотелось обнять дочь, прижать, как даже в ее детстве не делала, убаюкать, понежить. Она сделала несколько шагов, будто в тумане, от самого естественного желания разволновавшись до шума в голове, протянула руки, каждую секунду ожидая, что Аня сейчас оттолкнет ее или отпрянет, убежит. Но темные глаза дочери вдруг проснулись и распахнулись навстречу, точно пытаясь вобрать реальность этой минуты. Ее губы раскрылись, но она так ничего и не сказала, только ткнулась ими в теплую ключицу матери, не прикрытую ночной сорочкой.

А Наташа уже притянула ее тоненькое тело, все еще девчоночье, не орошенное мужской любовью, и так крепко сжала, что самой стало больно до слез. И она заплакала навзрыд, не понимая — над чем, и не пытаясь разобраться. Будто что-то до сих пор болезненно натянутое в груди, страх и недоверие, лопнуло разом, и Наташа обмякла, лишившись этой надоевшей страховки. И от этого стало так легко, что полились слезы, которые больше не было сил удерживать.

— Ты что, мам? — только раз пробормотала Аня.

Но больше не спросила об этом, уже понимая — что. И сама вдруг вскрикнула, издав неожиданно низкий, грудной звук. Они цеплялись друг за друга и корчились в муках, словно рождение одною из них другой происходило только сейчас. И обе чувствовали, что вот-вот станет легче, боль уступит, растечется счастьем...

Упав на уже остывшую Наташину постель, они тихо плакали, обнимая друг друга. И им ничего не нужно было говорить, не за что было просить прощения, потому что в этот миг они слились сущностями и чувствовали другую так же ясно, как себя саму. Все было понятно, и все можно было простить, ведь впереди пульсировало долгое время их жизни, которую они способны были выстроить иначе, чем было до сих пор.

Разжав руки, Наташа гладила мокрое, опухшее личико дочери, которое всегда становилось некрасивым от слез. Это так раздражало ее, когда той было лет шесть, и она казалась дурнушкой среди своих ровесниц. Маленькая, черненькая, кривоzubая... Потом со скобками ходила, пугала всех своим железным оскалом. Тогда это еще не вошло в моду, сериал «Не родись красивой» еще не сняли, Наташа одной из первых нацепила дочери эти кандалы для зубов. Не зря. Все выправилось.

Но ощущение неловкости за некрасивого ребенка осталось. И тогда Анины слезы только бесили ее, потому что девочка становилась еще уродливее. И хотелось наказать ее еще и за это, причинить ей боль, чтобы прочувствовала, каково матери жить со стыдом за такого ребенка. Чаще всего сдерживалась,

просто уходила в другую комнату, чтобы не видеть ее ревущую. Но иногда прорывало, и рука сама впивалась в кудлатые жесткие волосишки, чтобы рвануть их как следует, а потом отшвырнуть девочку в угол, на диван, куда получится...

Ленькина светлая красота стала для нее наградой за унижение, которое Наташа испытывала, приходя в детский сад к дочери. На праздниках Аня всегда выходила в последней паре с сыном местной алкоголички, которому даже белой рубашечки мать не могла купить. Сопливое убожество в обносках и ее дочь рядом... Когда Аню перевели в старшую группу, Наташа начала методично подсовывать воспитателям мелкие презенты, лишь бы только в пару поставили кого-нибудь получше. Благо одну девочку родители увезли в другой район, и освободелся мальчик поприличней.

Но когда пришла на новогодний праздник, едва не рухнула со стула, увидев, что ее нарядная Анечка опять выходит за руку с дегенератом в спущенных колготках. С каменным лицом Наташа высидела праздник, а уже дома приперла дочь к стенке.

— Мама, с Витей же никто больше не будет танцевать! — услышала в ответ. — Он такой... несчастный... Стихи никак не может запомнить. Потому что его мама по голове бьет! Я сама видела... А Ромка — воображала, ему и одному хорошо.

Сейчас слезами исходила от осознания собственной тупости и детской святости дочери, уже тогда умевшей любить и жалеть, чему ей самой только учиться и учиться. Не заразилась ли Аня от нее за эти годы, что прожили бок о бок? Сейчас взяла бы за руку такого обиженного судьбой ребенка? Не по-

боялась бы проказы, от него исходящей? Наташа обычно подавала нищим, но следила, чтобы не коснуться ладони. Чаше бросала деньги на землю или в шапку, как придется... Можно ли это считать милостыней? Не попытка ли это показать свое великодушие хотя бы той случайной публике, что при этом присутствует?

— Мы поедem в Кадис, поедem! — шептала она сейчас как заклинание, хотя хорошо помнила этот самый древний в Европе город и не собиралась туда.

Но Аню что-то тянуло туда. И Наташа поняла — что, когда они, плотно позавтракав в ресторане свежими круассанами с клубничным повидлом и проехав двести с лишним километров, оказались на берегу океана. Он был тихим и величественным в сравнении с темпераментным Средиземным морем, которое так и не побаловало их штилем. Но даже не океан был главным в Кадисе, хотя они вообще не представляли, чего ждут от встречи с этой стариной: ищи то, не знаю что...

Его сердце — Кафедральный собор — притянуло их, плутающих по узким улочкам, восхищающихся всякой чудесной мелочью, которыми изобилуют испанские города, и не забывших о главном. Собор вырос перед ними и втянул в сердцевину, которая оказалась светлой и устремленной ввысь, каким должен быть любой путь, ведущий к Богу. И уже после смеха и дурачеств по дороге, после снимков на сбивающем с ног ветру возле похожих на инопланетян «ветряков», после пошлых ахов перед витринами, поражающими дешевизной хорошей одежды Наташа вновь заплакала, оказавшись внутри грандиозного храма. Она вдруг почувствовала себя маленькой

и гадкой, не достойной того, чтобы даже приближаться к Нему, но раз уж можно заплатить за вход скучающему служителю...

Тактично сделав вид, что не замечает слез матери, Аня бросила монетку в автоматическое устройство, и в глубине большой ниши зажегся свет, позволивший увидеть детали скульптурной группы, изображающей одну из библейских сцен. Наташа быстро растерла слезы: «Да что со мной в самом деле?! Сколько можно плакать?» Не понимая, что перед ней, она долго смотрела на старинные ноты, установленные на органе, ничуть не похожие на те, с которыми слегка успела познакомиться, когда та скала дочь в музыкальную школу. Потом сообразила, поманила Аню посмотреть.

— Это григорианский хорал, — только взглянув, шепнула она.

— Откуда ты знаешь?

Дочь пожала плечами и смущенно улыбнулась:

— Не помню. Видела где-то. Читала.

— Жаль, что ты бросила музыкальную...

— Не жаль! Каждый должен заниматься своим делом.

«Почему же ты мне отказываешь в таком праве?» — хотелось спросить Наташе, но было страшно опять затоптать упреками то светлое, что возникло утром.

Здрав голову, скользнула взглядом по римской колонне из светлого мрамора: «А меня она могла бы пожалеть, как того соплюшку из детского сада? Где он теперь? Сидит, наверное. Или по вокзалам отирается... Может, у него только и есть в жизни хорошего, что память о маленькой Анечке, которая не брезговала взять его за руку?»

У нее опять защипало в носу, слезы выступили в уголках глаз... Поймав руку дочери, она стиснула ее, потом порывисто прижала к щеке.

— Ты больше не оставишь меня? — вдруг спросила Аня.

— Разве я... — растерялась она.

— До сих пор тебя не было у меня.

— Не было?

— Ты сама это знаешь? Теперь мы будем вместе?

— Мы уже вместе, — она обняла дочь и подумала с удивлением: «Что для нее значит — быть вместе? Но не каждую же минуту!»

Дневник в блоге Мантиссы

«Мы возвращаемся в Москву. Утром автобус увезет нас в Малагу, и мы простимся с этой живой красотой, с радостью бытия, с красками, песнями. Тоска смертная. Кажется, что от жизни отрывают. Хотя знаю иностранцев, которые за всем тем же едут в Москву из своей ухоженной Германии, Англии... И ведь находят! А меня уже начинает давить наше низкое небо, и триста пасмурных дней в году наслаиваются один на другой, залепляя лицо, заставляя задыхаться.

Сказать, что мы наполнились, — банально. Изменились? Вдруг поймала себя на том, что стала писать «мы»... И не только писать, но и чувствовать (хотя для меня это — синонимы!) нас с ней чем-то целым, еще неловко слепленным, но уже единым не только по крови. Вопрос лишь в том, как пересадить это, здесь пробившееся, на московскую землю. Разве там приживется пальма или дикий ананас, похожий на гигантского зеленого спрута?

Таким мне видится и то, что проросло, соединив нас с мамой: оно испуганно растопырилось в разные стороны, колется, смущает и может погибнуть в любую минуту, но мы терпеливо ухаживаем за этим новым для нас жителем наших душ. Или — души? Стала ли она общей, наподобие той Мировой души, о которой я столько читала? Пока нет. Я еще не во всем понимаю свою маму, а она во многом не понимает меня. Мы еще разные, но уже не чужие. Мы слились с ней в слезах, как ни сентиментально это звучит.

Не люблю сентиментальность. Не люблю любовь в литературе. Особенно если о ней пишет женщина. Чтобы не нарываться на уничижение — «женская проза», женщине нужно закачивать в свои книги ненависть, отвращение, тошноту вроде сартровской. Интеллектуальный холод вместо теплой нежности, местами даже восторженности, которую может позволить себе Фаулз. А Толстая не может, потому что ей тут же укажут на половые признаки...

Читать предпочитаю Фаулза, а самой писать необходимо как Толстая, бесполо, иначе сами же бабы презирать будут. Женственности в себе все пишущие стыдятся, потому что это слабость, неравенство, заведомая продажность, на которую найдется покупатель, вне зависимости от того, собираешься ли ты выставлять себя. Тебя никто и не спросит, если ты не сумеешь скрыть своего «уродства», как называла это девчонка-мальчишка из фильма «Парни не плачут». Поэтому женщины в гестапо были самыми безжалостными палачами. Поэтому женщин нельзя допускать до власти. У мужика хотя бы ниже пояса найдется слабое место, его можно растрогать... У женщин, победивших свой пол, таких мест нет.

Потому что сердце они умерщвляют первым... А все остальное не так чувствительно. По крайней мере, у меня. Хотя, когда начинаю мечтать об Олеге... Или об Алике? Иногда эти двое, с похожими именами, вдруг сливаются для меня в одно... В мечту.

Можно попробовать быть храброй. И сказать своим первым же романом: «А мне плевать, что вы распознали во мне женщину!» Выплеснуть на его страницы всю тоску и об Олеге, и об Алике, и о моем белокуром брате... Стыд за свои комплексы перед отцом, и глупости, из них же проистекающие... Тайную привязанность к бабушке... Гордость и боль за свою непохожесть на мать... Главного человека моей жизни.

Вечером, когда мы с ней вернулись из Кадиса — присмирившие и счастливые, как с Рождественского бала, — неожиданно позвонил Андрей, наш сопровождающий и пригласил меня погулять. Он забавный, постоянно ходит в бежевой панаме «колокольчиком», быстро кивает, слушая, и так же быстро говорит сам. Мы забавно смотрелись бы на прогулке: я где-то у него под мышкой... Лена упоминала, что Андрей не женат, но мне и в голову не приходило, что эта информация предназначалась для моих ушей. Сама Лена замужем за испанцем, который, возможно, до сих пор поет ей серенады, которые действительно здесь в ходу и в двадцать первом веке. А кроме прочего, выплачивает кредит за принадлежащую жене квартиру. Это при том, что живут они у него. Здесь, говорят, с собственностью строго: эта вилла — моя, а эта — твоя, хоть сто лет в браке проживут в страстной любви.

При всей несхожести с этим счастливым племенем мама относится к дому так же. Это *ее* дом. А я просто живу в нем. И это справедливо, ведь она надирывалась ради этого дома как проклятая.

Андрей живет в Малаге, у него там квартира, и ездит сюда каждый день на работу. С тем, что жить надо здесь, в тихой, божественно прекрасной Калаонде, не согласен. Его тоже тянет к столичной жизни, к относительной (в местном варианте!) суете, к современности. Он и ходит быстро, как моя мама, а я люблю бродить, разглядывать, выпитывать. Что можно запомнить на бегу? Чем насладиться?

С ним весело болтать, интересно его слушать, и, наверное, было бы приятно побродить с ним по нашему городку ночью, когда все ароматы усиливаются, а улицы становятся таинственными, точно ты уходишь в глубь веков. Кажется, из-за любого угла может выскочить какой-нибудь Хосе с кинжалом во вспотевшей от возбуждения руке...

Но я отказалась от этой прогулки. Хотя даже мама уговаривала меня пройтись с «мальчиком». Однако мне важнее было сохранить то, что протянулось от меня к ней и обратно, как та гирлянда из роз, что связывала Кая и Герду. Я чувствую, что должна спасти ее оледеневшую душу, вернуть ей способность не зарабатывать на чужой радости, а наслаждаться своей.

И на прогулку мы отправились с ней, но без Андрея. Наверное, с ним получилась бы более интересная словесная пикировка, легкая интеллектуальная дуэль, но мне сейчас больше хотелось помолчать рядом с мамой, чувствуя ее теплую руку, окунаясь в голубизну взгляда.

Мы обе так размякли от счастья, что угодили в неприятность. Прямо на улице к нам с букетом гвоздик шагнула женщина, заулыбалась, приговаривая что-то восхищенное. Мы решили, что она собирается продать нам по цветку, и разом захотели этого. К тому же и облагодетельствовать бедную испанку в последний вечер тоже было приятно. Поделиться частичкой своего счастья...

Мама достала кошелек, но мы не знали, сколько заплатить, и никак не могли понять, что говорит испанка. Наконец эта цветочница сама залезла в отделение с мелкими монетками, вытащила евро и — зачем-то — русский рубль, улыбнулась нам и вручила по гвоздике. Которые в тот вечер казались нам самыми красивыми цветами...

И уже у входа в наш клуб мы все же столкнулись с Андреем, перед которым я чувствовала себя слегка виноватой. Он, конечно, и не подумал упрекнуть меня в том, что я променяла его на маму, но, увидев у нас цветы, встревожился:

— Надеюсь, вы не у цыганки их купили?

Мы переглянулись:

— У цыганки? Нам она показалась испанкой.

— О! — взвыл он. — Я же вас предупреждал: даже не разговаривать с цыганками! Предупреждал, правда? Проверьте кошельки.

Мама быстро сунула руку в сумку:

— Да все на месте! Она взяла только...

— Она взяла?! Сама? Да вы с ума сошли!

В отделении для мелочи все было на месте, но бумажных денег в кошельке больше не было. Мама побледнела:

— Я как раз уже все достала из сейфа, чтобы не забыть с утра...

Нелепый вечером «колокольчик» на голове Андрея сокрушенно раскачивался из стороны в сторону:

— Я же говорил... Я же говорил...

— Она все украла, — потрясенно повторяла мама. — Все украла! Улыбалась нам... Лучше б я тот кожаный плащ купила по дороге в Ронду! Пожадничала... А теперь остались без копейки!

Мне пришлось привести ее в чувство:

— Мой кошелек остался в номере. По крайней мере, на такси от аэропорта нам хватит. Ты же не все банковские сбережения с собой таскала?

Она очнулась:

— Нет конечно. Но как обидно! Такой хороший был вечер... Вообще вся неделя! И напоследок такое...

Все, что связано с деньгами, приносит несчастье. Это лишь иллюзия, что они дарят освобождение от забот и комплексов, на самом деле деньги только усиливают их. Ни один по-настоящему богатый человек не может до конца поверить в то, что его действительно любят, а не просто используют — это уже банальная истина. Но страшнее этого комплекса немного других найдется. Потому миллионеры и переодеваются простыми парнями, шатаются по разным забегаловкам в надежде встретить человека, способного разглядеть его бесценную душу. Окунуть в счастье, лишенное стоимости...

Мне нужно убедить маму продать дом, избавиться от бизнеса и поселиться на этом солнечном берегу. Впитывать кожей тепло, а потом охлаждать ее волнами, научиться танцевать фламенко и часами беседовать за столом, как делают это испанцы, которые не могут пройти мимо, не поговорив хотя бы минут десять, даже если расстались полчаса назад. Они ин-

тересны друг другу, они полны уважения и любви. У них невозможна та формальная американская заинтересованность, которая ограничивается одной фразой и не предполагает большего в ответ.

— Знаешь, почему здесь царит культ Мадонны и вообще матери? — как-то спросила я. — Потому что с рождения они в полном смысле живут общей с матерью жизнью. Испанскую мать безумно волнует все, что связано с ее ребенком, она интересуется всем и пропускает это через свое сердце.

— Еврейская мамаша тоже, — возразила она, не найдясь, чем оправдать себя.

Как же случилось, что русские матери перестали находить счастье в самом главном, чем одарил их Бог? Все на свете оказывается важнее собственного ребенка! Карьера, путешествия, развлечения... Состояться как личность — значит занять высокий пост, построить трехэтажный дом, потусоваться за одну ночь во всех клубах. Как, помилуйте, маленькому человечку втиснуться в эту плотную атмосферу тщеславия? Он задохнется в ней. Он погибнет, как погибли бы мы с братом, не будь у нас отца, который умел отделять зерна от плевел.

Но сегодня мне показалось, что и она прозрела... Рыдая от боли, выбралась из своего лощеного панциря бизнес-леди, не расстающейся с мобильным телефоном. Даже сюда ей звонили по двадцать раз за день, потому что она всех поставила в зависимость от себя и наслаждалась ролью Незаменимой. Чтобы ответить на звонок, она дважды выскакивала из часовни в Михасе и Ронду осматривала, отдавая распоряжения. Каким искушением было стукнуть ей по руке, чтобы эта чертова труба улетела в каньон, от-

куда она его в жизни не достала бы! Но это не имело бы смысла, потому что в ближайшем магазине она купила бы новый...

А вот вчера, когда мы поехали в Кадис, я увидела, как мама отключила телефон. С собой его все же взяла — на всякий случай, все-таки поездка неблизкая, но звонки больше не врывались в наши разговоры, сбивая с мысли. И мы летели по чудесной трассе, вдоль моря, пугаясь ветряных мельниц, которые разом наводили на мысль и о Дон Кихоте, и о «Звездных войнах». И нам было о чем поговорить, потому что я тоже как-то обмякла от счастья, впала в детство и не требовала от нее многого. Мы болтали о пустяках, но у меня все равно осталось ощущение чего-то серьезного и значительного.

Оно усилилось, когда мы спустились в усыпальницу Кафедрального собора в Кадисе, где уже бывали когда-то всей семьей, но я все забыла. Там царил такой таинственный, немного пугающий полумрак, что сердце замирало. Каждый звук, каждый шаг разносился чарующим эхом. И мы невольно схватились за руки, чтобы эта средневековая тьма не поглотила нас поодиночке. Мамина рука оказалась теплой и мягкой, я совсем забыла, какова она на ощупь. Как и запах ее кожи забыла, а утром, когда она прижала меня к себе, вся в слезах, я просто задохнулась от ворохом свалившихся воспоминаний детства.

Тот инфантилизм и нежелание взрослеть, в которых она как-то меня упрекнула, наверное, происходят из этого не прожитого до самого доньшка детства. Я не чувствую себя взрослой, потому что не изжила в себе желания быть дочерью. Не пресытилась любовью, от которой мне всегда доставались

обноски. И когда мы с ней остались вдвоем, помертвевшие от холода бутончики надежды лопнули и зазеленели ростками.

Сейчас они заколосились так буйно, что мне страшно представить, как я смогу пережить, если Москва опять разлучит нас. Стоит закрыть глаза, мне видится поток машин, который мчится между нами, и переправа невозможна, потому что движение в столице не замирает никогда...»

* * *

— Кажется, мы не были дома с месяц, не меньше! Какая странная штука — время...

Наташе хотелось бегать по комнатам, гладить перила лестницы, распахнуть все окна, но сегодня было дождливо, и если б не радость возвращения, такая погода тяготила бы. Забившись в уголок дивана (шоколадка в белых сливках), Аня затихла, глядя в невидимую точку. Остановившись на бегу, Наташа присела перед ней, сжала холодные руки, потом стиснула щеки, потормошив, как маленькую.

— Ну? Что ты, детка? Не рада, что мы дома?

— Кажется, что ничего и не было, — проговорила дочь почти без голоса. — Никакого солнца... И ничего не изменилось...

— А что здесь могло измениться? Мебель сама не передвигается!

— Я о нас с тобой. Ты же поняла!

— Я пошутила, — призналась Наташа.

Встала, прислушавшись к легкой ломоте в коленях, потеряла их через брюки. Протяжно, с просто-народным постаныванием вздохнула:

— Старость — не радость.

Аня вскинула голову:

— Может, тебе уйти на покой?

— Ты серьезно? — Она захлебнулась смехом. —

Вот уж чего мне хочется меньше всего!

— То есть... Ты сейчас умчишься на работу, и все опять пойдет как раньше?

Ее недолгое детское заикание, залеченное еще лет в пять, в такие моменты опять выползло наружу. Она даже губу куснула от злости, что так нервничалась.

Растерявшись, Наташа опустилась рядом с ней, взяла за руку. Аня еще не отняла ее, но ладонь уже затвердела.

— Детка, но ведь кто-то должен работать?

— Только не говори, что дело в деньгах! — Дочь отдернула руку. — Ведь я предлагала тебе вариант: мы продаем этот дом, покупаем виллу в Калаонде, оставшиеся деньги кладем в банк и преспокойно живем на проценты. Это все реально! Я советовалась с Леной. Она мне растолковала все их законы на покупку недвижимости иностранцами.

— Даже так? А ты, я смотрю, можешь проявить деловую хватку...

Ухмылка поползла вкось:

— Я тебя удивила?

— Ты это так сказала, будто собираешься удивить меня еще больше!

— Все может быть...

«Я так и не решилась поговорить с ней о том ее дружке с битой, — Наташе вдруг захотелось спрятаться в своей комнате и запереться, чтобы почувствовать себя в безопасности. Но ее ждали дела

и люди, которых она не могла подвести, как бы этого ни хотелось дочери. Да и для ее подчиненных неделя без присмотра — это очень много...

— Мне пора наведаться в офис. — Подхватив брошенную кофту, она встала и пошла в свое убежище, стараясь не побежать.

— А ты не можешь подарить мне еще один день?

Наташа обернулась. Шоколад стек вниз — Аня уже сползла на пол, смотрела на нее, как щенок, с ковра. Лохматая голова так и просит и поглаживания, и гребешка.

— С одним условием, — вырвалось у Наташи.

— С условием? — Невидимое щенячье ухо насто-рожилось. — Что еще за условие?

— Первым делом мы с тобой наведемся к парикмахеру.

— О-о! — Аня со стоном запрокинула голову, потерлась затылком по белой обивке, раня матери сердце. — Кто о чем...

Размахнувшись, Наташа швырнула в нее кофту, потом напрыгнула сама, повалив на пол:

— Это кто тут вшивый?!

Повизгивая от щекотки и смеха, дочь извивалась под ней, пытаясь вырваться, больно ударялась коленями. Наконец Наташа свалилась с нее, вытянулась на полу. Ей вдруг почудилось, что крышу дома растворило дождем, и взгляд беспрепятственно прошел ввысь, улетел на парсеки и отразился от первой попавшейся звезды. И теперь ее собственные глаза мерцали голубым, с неземной высоты разглядывая двух, лежащих голова к голове женщин, которые что-то силились увидеть друг в друге. И не могли, хотя были столь близки физически, и так долго

жили бок о бок, что могли бы уже пропитаться душами. Но для этого им обоим чего-то не хватало, и Наташа силилась рассмотреть это невнятное с той новой высоты, что вдруг ей открылась.

В памяти отколовшейся льдинкой всплывала чья-то строчка о том, что «большое видится на расстоянии»... Ей было неловко уточнить у дочери: так ли это звучит на самом деле? Аня и без того была невысокого мнения об эрудиции матери...

«Заслуженно, — соглашалась Наташа. — Читать мне особо было некогда. Может, она и права в том, что нынешний бизнес — это вчерашние двоечники. Я, правда, скорее троечницей была, но явно не отличницей».

— А давай вечером сходим в театр, — предложила она, понимая, что рассчитывает задобрить дочь, выпросившую у нее еще один день. Каково ей было хотя бы заговорить об этом?

Аня тотчас подскочила, оперлась на локоть и нависла над ней пучком пережженной на солнце травы

— Куда?

— Да куда хочешь! В «Ленком»? Во МХАТ?

— Надо сначала узнать, где что идет. Кто играет...

— Вот и займись этим! — Наташа перекатилась на живот и прыжком подтянула ноги. — А я пойду чемодан разберу.

...Вечером, прогулявшись по омытой Москве и выпив кофе на Малой Дмитровке, они вошли в малахитовую шкатулку театра, где царила фантазия Марка Захарова. Подстриженная и вся словно слегка подлакированная, Аня выглядела подростком, которого мама заставляет приобщаться к культурной жизни столицы. Наташе казалось, что дочь

улыбается загадочно, точно современная Джоконда, еще не узнавшая своего Леонардо. Но когда они встречались взглядами, улыбка дочери начинала расти, как-то гуттаперчево растягиваясь, будто могла натянуться и на лицо матери.

— Скажешь, зря я стаскала тебя в салон? Смотри, какое чудо! — Она повернула дочь к зеркалу в фойе. — Разве интеллектуалка обязательно должна ходить нечесаной? Ты же помнишь: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

— Ты-то откуда это знаешь? — бесцеремонно изумилась Аня.

Себя она и вправду рассматривала с видимым удовольствием. Тоненькая, юная девушка с твердым взглядом. Рисунок губ изысканный, но сама она знает — обманчивый. А у матери — пунцовый бантик. Наверное, редкому мужчине не хочется его поцеловать...

— Ну, уж Пушкина-то я читала когда-то! — Она бросила на дочь лукавый взгляд. — К тому же мы недавно готовили презентацию нового косметического салона... Ну, знаешь, цитаты всякие подбирали.

— Пушкина? Для парикмахерской?!

— Почему бы и нет? Раз он писал о ногтях.

— Потрясающе! — пробормотала Аня и затравленно огляделась. — Пойдем в зал, а то здесь я чувствую себя как на витрине. Свежая колбаска...

Наташа наставительно произнесла в непривычно аккуратный затылок:

— Тебе нужно почаще выходить в люди. Ты совсем одичала! Сидишь целыми днями со своими рукописями... Нельзя же так! Сходила бы в клуб какой-нибудь... Молодость-то проходит.

— Я пыталась повеселиться, — напомнила Аня, не обернувшись. — Ты сама разогнала нашу вечеринку.

— Прости, но это был откровенный бардак, а не вечеринка!

— А ночной клуб — это, по-твоему, что?

«В общем, да», — согласилась Наташа и тайком погладила поясницу дочери, чтобы та успокоилась. Но, не ожидавшая прикосновения, которое показалось ей чужим, Аня дернулась и споткнулась на ступеньках. Мать успела подхватить ее под руку и больше не выпускала.

— Какой здесь маленький зал, — украдкой оглянувшись из партера, удивилась Наташа. Но, испугавшись того, что дочь сочтет, будто она здесь впервые, торопливо добавила: — Меня это каждый раз поражает... Ведь такой модный театр!

— Мама, модный — это не то слово, — подавшись к ней, шепнула Аня.

— А что плохого в слове «модный»? — понизив голос, заспорила Наташа. — Оно ведь значит лишь то, что это вызывает интерес у всех. Как говорится, у всех на устах!

— Как платье от Юдашкина?

— Зря насмешничаете, девушка! Последняя коллекция у него просто прелесть!

— Мы опять болтаем о всяких пустяках, — едва слышно проговорила дочь.

И свернула программку трубочкой. Наташе показалось, что сейчас Аня станет разглядывать ее как под микроскопом, удивляясь: что же это за странное существо такое? Подобное ощущение возникало, когда дочь была еще подростком и пристально всма-

тривалась в недостатки матери, которые набухали и нарывали, как чирьи. В те годы Наташа виделась себе одним сплошным изъяном, и Володя каждый вечер проводил сеанс внушения: «Ты красивая, ты добрая, ты самая лучшая...» Может, она слишком буквально поняла это «самая», и ей стало казаться, что он не тянет на роль ее мужа? Или просто надоело напрягаться из-за неисчерпаемых проблем мужа? Своих всегда хватало...

Она попыталась отогнать мысль о нем, но следом, словно бусины на ниточке, которую Наташа случайно потянула, уже поползли думы о сыне, который даже в Испании мерещился на каждом углу. Там было мало светловолосых, но любая солнечная макушка заставляла ее сердце сжиматься до пронзительной боли. Нелепое — «Он разыскал меня!» — успевало проскочить прежде, чем она понимала, что это невозможно. Совершенно невозможно. Кроме Олега, никто и не знал, что они с Аней отправляются в Испанию.

«Почему он не позвонил? — Ее мысли метнулись к Олегу, как бездомные собачки, пытающиеся пристроиться хоть к кому-нибудь. — Ведь знал, что мы сегодня уже будем дома... Или звонил, а я не услышала?»

Наташе захотелось проверить телефон, тем более нужно было выключить звук на время спектакля. Он уже начался, а она забыла это сделать, хотя в любой момент ей могли позвонить. Странно, что до сих пор никто не побеспокоил... Сговорились все, что ли?

Телефон уставился на нее мертвым дисплеем. Она судорожно прокрутила назад сегодняшний день:

включила его, как только приземлились, и больше не выключала. Как это произошло?

— Ты обещала подарить мне этот день, — бесстрастно произнесла Аня. — Если б ты начала без конца трепаться по телефону, это было бы уже не то. Разве мы плохо прогулялись?

— Отлично... Только разве нельзя было просто попросить меня об этом?

— Когда человек сам не может понять, что для него лучше, иногда проще решить за него, — улыбнулась Аня.

* * *

Утром ее разбудил испуганный крик дочери:

— Мама, иди сюда скорей!

Даже не надев шлепанцы, Наташа слетела вниз в одной ночной сорочке. От того, что она резко вскочила с постели, в голове у нее помутилось, и на голос дочери пришлось бежать почти на ощупь.

— Что там?

— Не знаю! Слышишь? В подвале...

Тонкий голос дрожал, и Наташе, как это ни было нелепо, на миг стало хорошо оттого, что дочь так нуждается в ней. С усилием поморгав, она всмотрелась в полумрак:

— Я ничего не вижу. И не слышу.

— Может, это просто крыса? — с надеждой предположила Аня.

Притянув за шею, Наташа прижалась губами к ее лбу:

— Маленькая... Мышки испугалась.

— Если это мышка, — сконфуженно пробормotalа дочь.

— Я посмотрю. — Включив в подвале свет, она спустилась на несколько ступенек и всмотрелась. — Пока никого не видно.

— Точно? А если она вылезет наверх?

Наташа выразительно поежилась:

— Сомневаюсь, что я смогу убить мышь! Тем более крысу. Надо вызвать дезинфекцию, или кто там их травит?

— Может, там еще и нет никого? Мне показалось, будто что-то упало.

— Упало? Там только стиральная машинка, что там может упасть?

Но она встревожилась и быстро сбежала вниз. Вся эта домашняя техника иногда ведет совершенно самостоятельную жизнь, так что неизвестно, чего и ждать от стиральной машины!

Сначала Наташа даже не поняла, почему изменилось освещение и что за звук раздался за спиной. Потом, еще не веря себе, обернулась и нервно засмеялась:

— Детка! Что за игры?

Дверь в подвал была закрыта, и Наташа отчетливо расслышала, как в скважине дважды повернулся ключ. Отказываясь поверить в очевидное, она бросилась наверх, толкнула дверь, потом еще раз и еще, забарабанила ладонями, как обезумевший заяц.

— Открой! Ты что? Не надо так шутить!

— Это не шутки, — донесся приглушенный голос дочери. — Я поняла, что иначе тебя не удержать дома. Не спасти. Не заставить подумать над своей жизнью. Над тем, что на самом деле тебе важнее. Пора уже определиться!

— Это что — домашний арест? — Она изо всех сил старалась не выдать страха, от которого противно

задрожало под коленями. — И какой ты даешь мне срок?

Аня язвительно откликнулась:

— Хороший вопрос! Только жаль — риторический.

— Что это значит? — Она старалась дышать ровно и глубоко, чтобы не впасть в истерику.

— Прости! Я забыла, что ты не можешь знать слова «риторический»...

— Я знаю это слово! — все же сорвавшись, закричала Наташа. — Почему на него нет ответа? Ты вообще не собираешься меня выпускать? Ты собралась уморить меня здесь?

У нее все сильнее жгло в груди, а босые ноги, напротив, заledenели. Вчера она сделала педикюр, пока парикмахер колдовал над Аней. «Очень вовремя!» — Ей вдруг стало смешно, и Наташа расхохоталась в голос.

— Успокойся, — посоветовала Аня через дверь. — Ты сама согласилась, что можно и не страдать, сидя под замком. Помнишь, ты говорила это о звёрах в зоопарке? Я тоже буду тебя кормить. И ты быстро привыкнешь к новой реальности! Не впервой же... Тебе там будет не так уж плохо! Ты спустишь, посмотри.

— Серьезно? — выдавила она сквозь смех. — Ты что, думаешь, меня никто не хватится? Не начнут искать?

После недолгой паузы донеслось:

— Об этом я позабочусь. Ты ведь сама вчера сказала, что я могу проявить деловую хватку!

— Я не представляла, в чем ты собираешься ее проявить...

— Что? Я не слышу, говори громче.

— О чем? О чем нам с тобой говорить?

— Ну, что ты! Как раз сейчас мы и сможем наконец поговорить! А ради чего я все это затеяла? Чтобы ты не ускользнула от меня. Чтобы мы, как в Испании, могли принадлежать только друг другу... Ведь нам же было хорошо там! Ты сама сказала, что тебе было хорошо.

Присев, Наташа произнесла в замочную скважину:

— Детка, мне всегда будет хорошо с тобой. И я принадлежу тебе, где бы ни находилась... Работа — это лишь способ заработать деньги.

— Но ради меня ты не готова отказаться от них!

— От денег? Кто же отказывается от денег? Я слишком долго к ним подбиралась, чтобы вот так взять и...

Аня звонко выкрикнула:

— От меня отказаться гораздо легче! Мы не успели вернуться, а ты уже готова была мчаться к своему золотому тельцу и доить его, доить... Ради чего? Дом у тебя уже есть. Машина тоже. Шкафы ломаются. Чего тебе не хватает? Вертолета? Пятой шубы? Чего?

— Ощущения, что я могу жить, не беспокоясь о деньгах. — Наташа сама поняла это только что. — Понимаешь, я все время боюсь потерять то, что заработала. Своим горбом, между прочим! Но мне кажется, что стоит лишь чуть-чуть отпустить хватку, и все мое добро сразу же начнет уплывать. Надо работать, работать, понимаешь?

— Опять Чехов! — восторженно взвизгнула Аня. — Мама, ты подтягиваешься к классикам!

Наташе показалось, что дочь даже подпрыгнула, хлопнув в ладоши. Была у нее раньше такая привычка. Тяжело осев на холодную ступеньку, Наташа равнодушно подумала о том, что может простудиться тут. Хотя какая разница... По большому счету, дочь права: о ней некому вспомнить. Муж с сыном вычеркнули ее из жизни, Олег даже не позвонил вчера, Аня...

— Аня! — крикнула она, испугавшись наступившей тишины.

Но никто не откликнулся. Подскочив, Наташа встала на колени и припала глазом к замочной скважине. Но отверстие уже оказалось заклеено с обратной стороны.

«Чтобы я не следила за ней, — догадалась она. — Чтобы сосредоточилась на себе... Раскопала в своей душе яму глубиной с колодец! Хотя что я там смогла бы разглядеть через эту дырку? Как Вера тряпки достает из подсобки?»

Ее обдало радостью: завтра придет домработница, надо не пропустить, докричаться до нее. Вера выпустит ее, она сообразит, кому из двоих надо подчиняться. Правда, когда одна под замком, а вторая за спиной...

— Ладно, — прошептала Наташа. — Сейчас я, похоже, все равно ничего не смогу сделать. Может, она сама поймет, что натворила...

Спустившись вниз, она обнаружила приготовленный для нее матрас, накачать который предстояло самой — не позаботилась дочь! Наташа внимательно осмотрелась: маленькое окошко под самым потолком. Даже если подтащить стиральную машину, поставить на нее столик и каким-то чудом забраться

на это сооружение, то вряд ли она сумеет пролезть в это отверстие. Другого выхода из подвала не было...

В дальнем углу она обнаружила биотуалет и рулон туалетной бумаги. «Когда успела его купить? — озадаченно уставилась Наташа. — Неужели все спланировано заранее? Интересно, давно ли она это задумала?» На маленьком складном столике стояли бутылка с водой и пачка чипсов, которые Наташа никогда не ела, считая «мусорной пищей», и дочь об этом знала.

«Она хочет вынудить меня играть по ее правилам... Или чипсы, или — подыхай с голоду!» — Ей захотелось с размаху ударить ладонью по пухлой пачке «Лэйс». Хоть бы что-нибудь получше купила, так нет — ларечную дешевку припасла для матери! Неужели сама такими питается? Ей вспомнилось, что дочь и в Испании воротила нос от полезной местной пищи вроде паэльи.

«Рис и рис! — ворчала она. — Что в нем может быть вкусного? Как бумагу жуешь...» Рыбу Аня тоже не любила, хотя там умеют ее готовить. Животных в зоопарке было жалко, но обед без мяса для нее не обед! Спагетти балоньезе, к испанской кухне отношения не имеющие, заказывала, и чтобы поострее.

— Это все — тоже чтобы поострее? Совсем сдурила...

И опять недавние опасения ознобом прошли: бабушкины гены, бабушкина кровь. Даром что мать сидит безвылазно в своем сумасшедшем доме, а портить Наташе жизнь продолжает так же успешно.

В Аню перевоплотилась, до логического конца пытается довести начатое сорок лет назад...

Поежившись от холода, который становился все ощутимее, она огляделась в поисках какого-нибудь платка и увидела на крючке свой белый махровый халат, тоже казавшийся тут пленником. Закутавшись в него, Наташа обнаружила в кармане теплые носки, которые сперва натянула, а потом уж подумала, что это — не к добру. Значит, дочь не собирается выпустить ее, по крайней мере сутки.

Тут же на столике Наташа нашла книгу, обложку которой не узнала с первого взгляда, значит, и не читала. На зрительную память никогда не жаловалась. Она взяла ее в руки, прочла вслух, потому что подвальная тишина пугала ее:

— «Коллекционер». Джон Фаулз. И что все это значит? Я должна прочесть?

У нее зародилась надежда, что ради этого безумная дочь и заперла ее здесь. Что ей почему-то очень важно, чтобы Наташа прочитала эту книгу. Что-то поняла... А потом Аня выпустит ее, и они поговорят по душам.

Тратить время попусту было не в ее правилах, поэтому Наташа сразу же накачала матрас и улеглась на него с книгой. Моститься на маленьком складном стульчике с тряпичным сиденьем, который она обнаружила с другой стороны от стола, было не слишком удобно. Она чувствовала себя грязной, нечесаной и уже голодной, однако чипсы от этого еще не воспринимались едой.

— Раньше сядешь, раньше выйдешь, — пробормотала она и открыла книгу.

На удовольствие Наташа не рассчитывала: раз эту книгу подсунула дочь, значит, чтение будет сплошной тягомотиной. Но первые строчки удивили — было похоже, что книга довольно легкая, что-то вроде любовного романа. Почему Ане было так важно, чтобы мать прочитала ее? Отвлекаясь, Наташа подумала, что ситуация самая что ни на есть комическая: дочь применила к ней крайние меры воспитания — заперла в чулане, чтобы набралась ума-разума! Карабас-Барабас да и только... Рассказать кому — не поверят. Но о таком разве расскажешь?

Выпив воды, она подумала, что вынужденное голодание может пойти на пользу. Добровольно ей никак не удавалось сесть на диету. Читать на голодный желудок было непривычно, да и вообще она давненько не читала ничего так, чтобы не между делом, а отрешившись ото всего. Когда-то так, взахлеб, прочитала «Унесенных ветром» и была оскорблена, услышав от дочери что-то пренебрежительное по поводу этого романа.

— Мама, это не литература, — поморщилась Аня, но так и не объяснила, что хотела этим сказать.

Наташа опять взглянула на имя автора — Фаулз. Это — литература? Ничего особенного. По крайней мере, на первый взгляд. Тоже любовная история.

* * *

Спустя полчаса она уже знала, в чем отличие: если у коллекционера и любовь — то самая извращенная. Выходит, для ее дочери настоящая литература повествует лишь о пороках... Тогда Ане стоило

бы написать о детстве своей матери. Страшный получится роман, если заставить себя припомнить все, что годами упорно изгонялось из памяти. Она сама могла вырасти страшной...

Но Наташа дала себе слово не стать изгоем в еще большей степени, чем была по милости матери. Отверженности ей и в детстве хватило. Задача была другой: поймать волну, воспарить на ее гребне, стать одной из поколения — из самой успешной его части... Все это далось ей нелегко, о дно билась в кровь, из нищеты выкарабкивалась, как из выгребной ямы, а дочь за это презирает ее. За то, что уподобилась большинству, слилась с преуспевающей массовкой. Да знала бы эта девчонка, которую она сама поселила в тепленьком гнездышке, как в семнадцать лет Наташе хотелось этого — до слезной дрожи, до нежелания жить вообще, если не примут в стаю! Для этого требовалось с утра до ночи носить маску, играть ту, которой никогда не была, улыбку держать, как знамя, с которым каждый день на передовую...

И чтобы никто даже не заподозрил о том порочном, грязном, чем ее детство пестрело, как новогодняя елка. Только ощущения праздника она никогда не вызывала. Уж какой там роман, тем более дочерью написанный... Не дай бог, кто-то пронюхает. Даже Володе ни о чем не рассказала, чтобы не заподозрил, будто она и сейчас является вирусоносителем того разврата, в котором выросла. В ней ведь этой заразы и вправду не было, пока была замужем, даже изменила не больше пары раз. И то — короткие вспышки на каких-нибудь вечеринках, ничего продолжительного и серьезного.

Хотя невинности лишилась в одиннадцать, когда мать, уговаривая соседа заходить к ней почаще, Наташу предложила в качестве довеска... Неужели не понимала, что девочка и есть — самое сладкое? А она — жирная, полубезумная пойдет в нагрузку. У Наташки еще и менструации-то не начались, худеньким, длинноногим кузнечиком выглядела, когда стала женщиной. Больше от отвращения, чем от боли кричать хотелось, но шершавая, какая-то соленая, вонючая ладонь зажимала ей рот, пока детский живот в дерганом ритме заполняло то мерзкое, что она уже увидела в восемь и запомнила навсегда, как ей ни хотелось забыть.

Думала, что ее вырвет после всего этого, особенно от хриплых стонов этого пропахшего «Беломором» мужика, отведавшего ее младенческой крови, обмусолившего ее всю. Грудки ее целиком заглатывал, шею слюнявил... Однако то ли желудок был пустым, то ли крепче оказалась, чем о себе думала, но Наташа не запачкала постель еще больше. И так с головой в грязь окунули, глотнуть заставили...

А мать ее потом все погладить пыталась: «Хорошо тебе было? Мамочке для тебя ничего не жалко! Мужчиной своим поделилась, чтобы своей доченьке радость доставить. Теперь ты понимаешь, каково это — быть женщиной?»

Глаза жгло, будто кислотой плеснули, лицо горело... Не различая больше строчек, Наташа видела за ними, как корчится на оскверненной детской кровати ее маленькое тело. И заново, как тридцать лет назад, готова была кожу с себя

содрать от ненависти к своему полу... Вот что такое — быть женщиной. Она это узнала так рано, как Ане с ее Фаулзом и не снилось. Его самого, что ли, пишущего об извращенцах, насильовали? Он годами боролся с омерзением, которое вызывало свое тело? Ему приходилось выпрыгивать ночью из окна, если опять в гости заявлялся сосед? Благо жили на первом этаже...

Где тогда были все эти органы опеки, которые так шустряют, когда дело продажи квартир касается? Никто не поинтересовался, как живет ребенок с сумасшедшей матерью? Любимый отец ее один раз предложил перебраться к нему во Владимир, но как-то неуверенно, Наташа это почувствовала и отказалась, пожалев его. Наверное, ему было страшновато оставаться один на один с девочкой, которую он годами видел лишь изредка. Это сострадание отцу, оно было уже не детским — женским. Свободу его уберегла от себя самой... А ее оберегать никому и в голову не приходило. Ни старым соседям, ни учителям. Учитя средне, но уроки посещает... Чем еще интересоваться?

Эти опытные педагоги, Фаулз этот, разве знали они, каково это — в тринадцать лет скрутить себя в бараний рог, не позволить себе стать лесбиянкой, хотя мужчины вызывали только гадливость, отвечать у судьбы свою женственность, приучить себя любить свое изувеченное тело? Теперь дочь обвиняет ее в том, что далось Наташе такими усилиями... Не может понять, как ей сложно было обрести то обаяние, которое и Олега в ней пленило, хотя рядом была юная Аня.

Вспомнила и встрепенулась: вот кто должен хватиться ее! То, что вчера не позвонил, еще ничего

не значит. Человек интеллигентный, не захотел беспокоить в день приезда. Но сегодня-то он должен попытаться связаться с ней, а ее телефон сообщит ему, что владелица — вне зоны доступа. Не может ведь не встревожиться! Кто знает, вдруг даже нагрянет сюда, если Аня не оставила ему своего номера.

— Нет, оставила, — прошептала Наташа, припомнив, что дочь отдала ему свою рукопись. — Он звонит ей... А она что-нибудь соврет. Наверняка уже легенду придумала... Сочинительница!

Надо прочитать эту книгу, велела она себе. Может, главное, ради чего Аня принудила ее к чтению, там, дальше. Это найдется на какой-нибудь со-той странице, пронзит, заставив прозреть, и что-то откроется, уже понятное дочери, но пока недо-ступное Наташе. Она признавала, что такое мо-жет обнаружиться, ведь у Ани больше времени ос-мысливать то, что происходит вокруг и внутри ее. А Наташе некогда задуматься, ее несет мимо всех диковин, и больших, и малых. В голове приходится держать десятки мелочей, которые нельзя упу-стить, иначе рухнет не просто одно мероприятие, а все сооружение, которое она создавала столько лет. Ведь в ее деле все построено по принципу до-мино: упало одно звеньшко, и повалилась вся длин-ная загогулина... Стоит провалить кому-то юбилей или свадьбу, и весть об этом черным вороном раз-несется по всей Москве, перечеркнет ее имя, по-хоронит все дело.

Когда тут задумываться над тем, что находится вне бизнеса? И так в последнее время ее мысли больше заняты дочерью, чем работой. А той все

кажется мало, требует всего целиком, хотя должна же понимать невозможность этого, не маленькая девочка!

Пускай, смирилась Наташа. Сейчас Аня диктует правила игры, выбирать не приходится. Она поставила только одно условие — прочитать эту чертову книгу! Никуда не денешься, придется докапываться до истины, которую Аня велит ей отыскать... Когда они поговорят об этом (через дверь?!), дочь отопрет ее, и мир перестанет быть чудовищной фантазмагорией.

Вот только Наташе никак не удавалось настроиться на чтение. Все в ней протестовало против принудительного действия. Если бы удалось вырваться, она, конечно, осилила бы этот проклятый роман, но уже не потому, что ее вынудили к этому. Когда-то ей хотелось читать серьезные книги, и что-то она в них понимала, если уж «Овода» в восемь лет проглотила. А потом просто не до того стало, ведь все время приходилось подрабатывать, чтобы с такой матерью с голоду не сдохнуть. Жирные столовские полы до сих пор вспоминала с содроганием, а лучшей работы ей не дали, спихнули девчонке самое трудное. Уставала так, что засыпала еще домашние задания выполняя, а книги так и теснились на полках не открытыми.

Ею не открытыми, мать же находила на них время. Выспавшись к полудню, она почти до вечера лежала в постели с книгой и сигаретой, изживая свой сладкий запах, которым маленькая Наташа не могла надышаться. Но после первого посещения соседом она и к матери начала испытывать такое же отвращение, от одного вида ее мутило, и на каж-

дое слово огрызалась, как затравленная собачонка, которой и убежать некуда, и здесь жить не в радость. Оправдываясь ненавистью к табачному дыму, больше не прижималась к матери, не целовала ее по утрам. Вообще старалась никого не касаться даже случайно, хотя другие девчонки ходили под ручку, чмокали друг друга при встречах...

Своя история, без разрешения воскресшая в памяти со всеми отвратными и любимыми запахами, с мельчайшими деталями, которые, оказывается, вовсе не забылись, просто затерялись где-то в памяти, никак не позволяла Наташе вжиться в чужую. Она пыталась проникнуться растерянностью, страхом и гневом английской девушки, так же запертой в подвале, только чужого дома, но в голову лезли растревоженные эпизоды собственной юности. Тот мальчик, в честь которого Наташа назвала сына, тоже вспомнился, и черный ворот его водолазки, точно отрезающий светлое лицо от крепкого тела...

Он не играл на виолончели, как сосед, который припомнился Наташе в Гнесинке. Если Ленька ее детства и умел играть, так только в карты. Его называли грозой района, говорили, что он замешан в каких-то темных делах и в авторитете даже у взрослых мужиков, уже прошедших тюрьму, что ему, судя по всему, предстояло. Болтали, что его родители — алкаши и что он живет со взрослой женщиной и балуется наркотиками.

Наташа и верила этому, и не верила. Наверняка она почти ничего о нем не знала, но обмирала всякий раз, когда встречала его в школьном коридоре. Ее не избалованная любовью душа изнывала от же-

лания спасти этого падшего мальчика с такими ясными, светлыми глазами. Себя она считала такой же — униженной и оскорбленной. Ей казалось, что они с Ленькой могли бы помочь друг другу... Конечно, если б он хотя бы заметил Наташу.

Ленька учился классом старше, они не каждый год попадали в одну смену, какая-то постоянная чехарда творилась в расписании. И если он приходил в школу с обеда, Наташа изо дня в день искала повод, чтобы задержаться, не вызывая подозрений у одноклассниц, которые тут же вынюхали бы ее тайну, разнесли бы, уничтожили, обнародовали. Необходимо, жизненно необходимо было просто встретить его на крыльце школы, как бы случайно взглянуть в глаза, едва не теряя сознание от шума в голове, от безумства сердца...

Большого между ними так и не случилось. Но эта трехлетняя любовь осталась единственным светом ее измазанного дегтем детства.

* * *

Захлопнув книгу, Наташа перевернулась на спину. Низкий потолок стал опускаться на нее пресом, который давит уже одним воздухом, сгущавшимся с каждой минутой. Ей показалось, что она задыхается, а от голода (или от воспоминаний?) уже мутилось в голове. Покосилась на пачку чипсов. Что доставит дочери большее удовольствие: если мать умрет с голода или если она сдастся и, облизывая соленые пальцы, съест эту подачку? Сыграет по ее правилам... Хотя другого, если хочешь выжить, и не дано.

Она опять открыла книгу. Где же разгадка? Или Аня просто дает ей понять, что отсюда не удастся бежать, как не удалось вырваться и Миранде. Только и всего? Или все же ей нужно понять нечто большее?

Героиня ей не нравилась. Герой-то, конечно, как рассудила Наташа, совсем уж убогое существо и опасное в своей ограниченности, безнравственности. Но и Миранда показалась немногим лучше... Избалованная девчонка, презирающая всех вокруг, кроме самовлюбленного неудачника Ч.В., за которым она готова повторять любую глупость. Ничего своего, сплошная вторичность. Мир немного потерял, утратив ее.

«Но Аня наверняка восхищается ею, — подумала Наташа с состраданием. — Себя с нею отождествляет. Даже не понимает, бедняжка, что себя саму этим унижает. Ей кажется, что способность рассуждать об искусстве — уже все! Но что реального добавила миру эта девочка? Какую радость привнесла?»

— Ты ничего не поняла! — крикнула Аня через дверь, услышав это. — Весь ужас нашей жизни в том, что гибнет самое талантливое, светлое, возвышенное! Как эта девушка. А ничтожество, заурядность торжествует!

— В том смысле, что я — торжествую, а ты гибнешь? — Она выдавила смешок. — Сейчас так не скажешь...

От раздражения голос дочери стал глуше:

— Я хочу спасти тебя, неужели ты этого не понимаешь?!

— Спаси от чего? — спросила Наташа.

— Да от твоей же душевной черствости! Ты ведь с легкостью предала то, что мы только обрели с тобой в Испании. Только начали понимать друг друга... Только почувствовали себя счастливыми...

Наташа слегка поскребла дверь:

— Детка, это ведь никуда не ушло от нас. Даже теперь все может быть так же. Если ты выпустишь меня...

— Нет! — выкрикнула Аня. — Ты отказалась от меня! Отказалась вернуться туда, где нам было так хорошо. Если я тебя выпущу, ты тут же сбежишь от меня.

Вздыхнув, Наташа привалилась к двери спиной:

— Может, ты мне хоть поесть принесешь?

— У тебя есть еда. Там в шкафчике полно чипсов. Или тебе даже сейчас необходимо выпендриваться? Здоровой пицци будешь требовать? Свежей рыбы? Чтоб хвостом била?

Она качнула головой, хотя дочь не могла ее видеть. Опустившись на ступеньку, она порадовалась тому, что дочь хотя бы пришла поговорить с ней, ведь несколько часов прошли в полной тишине.

— Ты не зайдешь? — крикнула она. — Тюремщик Миранды хотя бы заходил к ней. Как-то глупо разговаривать через дверь.

Молчание длилось недолго. Потом Аня громко велела:

— Спустись вниз. Я должна видеть, как ты сядешь за стол лицом к двери.

«Чтобы в случае, если я брошусь к ней, мне пришлось бы обогнуть стол, а этих секунд ей хватит, чтобы выскочить за дверь. Я не смогу взлететь по ступенькам быстрее, чем она провернет ключ в замке».

Усмехнувшись, Наташа сказала:

— Ты все предусмотрела, да?

— Даже больше, чем ты думаешь.

Не решившись пререкаться с дочерью, Наташа спустилась вниз и вдруг поняла, что это и есть старость: когда твой ребенок диктует тебе, что и как делать, а ты не смеешь даже возразить. Она села на неудобный складной стульчик, повозилась, устраиваясь, и демонстративно подняла руки вверх. Открыв дверь, Аня застыла в проеме, как темный призрак мщения, потом все же спустилась на пару ступенек и села на верхнюю. Наташе никак не удавалось разглядеть, что Аня вертит в руках — то ли толстая, короткая палка, то ли какой-то цилиндр...

«Шокер? — испугалась она. — Шарахнет меня в отместку за своего сообщника, и... А что дальше? Чего она вообще от меня хочет?»

Чтобы не показать внезапного страха, она начала рассеянно наматывать на палец волосы. Так Наташа делала еще в школе, когда не была готова к уроку и жутко боялась, что ее вызовут к доске. Не двойка пугала... Ей было противно выглядеть дурой перед всем классом. Ее и так не особенно любили как дочь сумасшедшей и школьную поломойку. Наташе мерещилось, что одноклассники рассматривают ее с отвращением: «Что это за чучело гундосит там у доски?» Ей казался противным свой голос, своя улыбка, виновато наползавшая, когда она плохо знала урок. Сейчас мало кто поверит, как она была омерзительна сама себе.

— Ты уже выпила всю воду? — Это было первое, что заинтересовало Аню.

— И надула в твой биотуалет, если уж говорить начистоту. Надеюсь, стакана воды тебе для матери

будет не жалко? Того самого, ради которого и создают семью... Ну, знаешь!

Дочь слегка улыбнулась:

— Воды мне жалко не будет. Если и тебе не будет жаль для меня одной малости...

— Какой малости? — насторожилась Наташа.

Издали показав загадочный цилиндр, Аня пояснила:

— В этом пенале бумага, которую тебе нужно подписать. Ручка там же.

— Что за бумага?

Это уже становилось не смешным. С документами не шутят, это Наташа всегда помнила и старалась, чтобы в этом отношении в ее агентстве все было в порядке. Наняла настоящую канцелярскую крысу, похожую на мать того Шурика из Гнесинки, и заперла ее в отдельном кабинете, чтобы клиентов не отпугивала. Молоденькие девочки как-то пронюхали, что эта старая дева живет с боевым отрядом собак, которые не пускают на порог ее мать. Старуха требует, чтобы дочь усыпила собак и взяла ее на их место, а «крыса» сопротивляется. Наверняка в свое время мама немало постаралась, чтобы стать для дочери хуже собаки.

— В этом пенале — твоя вольная, — подала голос Аня. — Ты подписываешь назначение меня исполнительным директором твоей фирмы и освобождаешься ото всех забот. Нашим сотрудникам я объясню, что в Испании ты закрутила роман и решила остаться там. На неопределенное время... А я пока буду вести дела.

Наташа даже не нашлась, что сказать. Переспрашивать и возмущаться не имело смысла, все было сказано достаточно ясно.

— И получаешь твой пресловутый стакан воды, — добавила Аня. — Иначе будешь есть соленые чипсы и мучиться от жажды.

— Ты сошла с ума, — убежденно проговорила Наташа.

Это было сказано тихо, но Аня расслышала, наверное, ждала этих слов. Но они все равно хлестнули ее так, что она закричала от боли:

— Не смей говорить мне о сумасшествии!

— А как еще это можно назвать? — Наташа уронила руки на стол, но вышло так, будто она стукнула кулаками.

Вздрагнув, Аня выпрямила спину.

— Еще сравни меня с бабушкой, — проговорила она сквозь стиснутые зубы, отчего это прозвучало слегка шепеляво. — Скажи, что у меня это наследственное!

— Разве не...

Но дочь не дала ей договорить. Вскочив, она обрушила на нее сверху:

— Ты — здравомыслящая! Гордишься собой, да? Из грязи в князи! А чем гордиться-то? Тем, что беспомощную старуху, которой ты исковеркала всю жизнь...

— Я исковеркала?!

— ...еще и заперла в сумасшедшем доме? Квартиру ее захватила... А так бы твое паршивое агентство негде было открыть! Не так уж много ты заработала к тому времени. И еще гордишься собой, как... Как ребенок! Маленький садист, который даже не понимает своей жестокости. Ведь ты даже не считаешь себя убийцей, правда?

— Ты ничего не знаешь о наших отношениях с ней, — прошептала Наташа, сгорбившись. — Что она творила со мной... И попрекаешь меня...

На мгновение зажмурившись, Аня тихо спросила:

— Ты носила в десятом классе короткую форму?

— Что? Какое... Носила.

— Вот видишь. Значит, все правда.

— Что — правда? В этом для тебя какой-то скрытый смысл? Да я заплатки на локтях каждый год меняла! С седьмого класса в одной форме...

Дочь едва разжала губы:

— Почему?

— Почему? Да потому что денег не было на новое! Я же вечно хуже всех в классе одевалась.

— Почему? Разве дед не платил алименты?

— Платил, — ей вспомнились радостные дни, когда приносили маленькие квиточки на шестьдесят восемь рублей. — Но твоя любимая бабушка тут же пускала их коту под хвост! Она сразу же накупала каких-то ненужных бусиков, браслетиков. Дешевых, глупых! У нее по всей комнате валялась эта бижутерия.

Перед ее глазами дрогнула улыбка.

— Я помню... Мне нравилось их перебирать. Это так волновало! Как будто я в покои шамаханской царицы попадала.

— Тебе нравилось, — Наташа усмехнулась пересохшим ртом. — Потому что одевала-то тебя я. А меня никто! Мне полы в школьной столовой мыть приходилось после уроков, чтобы с голоду не сдохнуть. И ей что-нибудь принести. И ведь она требовала с меня этих «гостинчиков», как будто это я в пятнадцать лет обязана была ее кормить!

Аня стерла улыбку.

— Зато теперь ты освободилась ото всех обязанностей по отношению к ней.

— А ты общаешься с нею? Да что с тобой случилось? Вспомни, она же терпеть не могла вас с Ленькой...

— Меня — нет! Она любила меня. А ты лишила меня всех! Всех!

— Да никого она не любила... А перед тем как... — Наташа выговорила с трудом: — Я уложила ее в больницу, она уже такие номера выкидывала... Неужели не помнишь? Кому-то приходилось дежурить с ней, чтобы она весь дом не спалила. Но я же работала, когда мне было сидеть с ней? А у Володи она вызывала отвращение...

Дочь топнула ногой:

— Не ври!

— Так и было. Я не вру. Она действительно становилась опасна. Мне пришлось...

Помолчав, Аня проговорила почти спокойно:

— Тебе просто хотелось заполучить эту квартиру. Не более того. Москвичей давно испортил жилищный вопрос...

— Вы тоже пищали, что вам нужна отдельная комната.

— Только нами не прикрывайся! Недвижимость — это твой пунктик. Ты все делала ради себя! Думаешь, почему Ленька уехал с отцом? Он тоже это чувствовал... Ты только на словах его обожала, тормошила, зацеловывала! Бабушку обвиняешь, что она нас дольше пяти минут не выдерживала, а сама была ничем не лучше! Она хотя бы интересная личность... С ней можно поговорить. Даже сейчас. Ты именно за это ее ненавидела? Что за соперничество всегда было между вами?

Наташа покачала головой:

— Никакого соперничества. С моей стороны никогда не было ничего подобного. Ни с ней, ни с тобой. В чем соперничать?

— Во власти над мужчинами? Ты ведь так и не дала ей выйти замуж...

— Замуж? Ты не понимаешь, о чем говоришь... Кто мог взять ее замуж?

— Сумасшедшую? Но ведь она не всегда была сумасшедшей. Она говорит, что это ты свела ее с ума.

— Я?!

— И в это верится. Ведь отца с Ленькой ты выжила из дома!

Кулаками сжав виски, Наташа простонала:

— Не Леньку, нет...

Аня шагнула к двери:

— С моей стороны то, что я посадила тебя под замок, просто самозащита! Иначе я была бы следующей.

* * *

— Поговори со мной, — бормотала она, то и дело просыпаясь.

На непривычном матрасе никак не удавалось расслабиться, от жажды уже мутилось в голове. Вот голод перестал ощущаться, хотя чипсы остались нетронутыми. Точно желудок тоже пересох и слипся, впился сам в себя. Наташе даже виделись его острые, тонкие, как у пирании, зубки, вонзившиеся в незащитную плоть, последний сок стекал каплями...

Но лучше бы ей все еще хотелось есть, чем пить. Сон облегчения не приносил, затягивал в ту

пустыню, по которой когда-то она брела за сыном. Наташа слышала, как песок скрипит у нее во рту, вызывая рвотные позывы. И просыпалась от испуга: «Стошнило?» Но ее желудок всегда оказывался более стойким, чем ей казалось. Если уж того похотливого соседа не измазала рвотой... Хотя ничего более отвратительного в ее жизни не происходило. Чтобы снова позволить мужчине протянуть к ней руку, Наташе понадобилось десять лет. Хотя, наверное, если бы тот Ленька из ее юности захотел...

— Не знаю, не знаю, — она помотала головой, оставляя на матрасе тонкие волоски. — Может, испугалась бы... Удрала бы от него.

Сейчас казалось, что это и стало счастьем, что отпетый хулиган пожалел ее, не тронул, хотя наверняка замечал тоскливые взгляды беленькой худышки, подкарауливавшей его в школьных коридорах. Что ему, прожженному, стоило походя надломить этот непрочный стебелек? Она никому и не пожаловалась бы... Некому. Но — не позволил себе. Благодетства в юном бандите оказалось куда больше, чем в соседе с благопристойной репутацией. Ударником труда числился на своем заводе...

То, что первая любовь ее осталась эфемерной, ничем плотским (даже руки не коснулась!) не замаранным, было удачей Наташи, через Леньку примирившейся со всем мужским племенем. До появления Володи у нее было время, чтобы сжиться с тем, что она — женщина. Поверить веселым и восхищенным взглядам на улицах, совсем не похожим на тех, которые Наташка ловила, стоя у доски. Будто что-то распустилось в ней в шестнадцать лет, изошло арома-

том, который самой волновал сердце. И Володю она приняла уже не как захватчика, пытающегося все в ней уничтожить... Уже была готова к тому, чтобы поверить влюбленности.

Во сне вдруг увиделось, как много лет назад они с Володей (может, в единственный раз — вместе?) вывезли своих малышей на пикник за город. Солнечные сосны качнулись навстречу, своими прозрачными зонтиками навевая отраду... Дети носились по лесу как оглашенные, таскали хворост для костра — тогда они еще не были запрещены в Подмосковье. Донесся запах курицы, которую Наташа приготовила в банке, с чесночком, с перчиком. Огурцы растелились овальными веерами, заалели дольки помидоров, исходящих соком... И вот, только они стали обедать, невесть откуда прилетела чайка, и Володя, смеха ради, бросил птице кусок курицы. Думали, не станет есть себе подобную, но чайка заглотила курятину за милую душу и потребовала еще. И это мгновенно превратилось в игру: кто точнее бросит кусок?

В какой-то момент Наташе показалось, что чайка вот-вот лопнет от жадности, но птица опять удивила их всех. Она вдруг стремительно умчалась куда-то на другую сторону от трассы, а минут через пять вернулась с подружкой. Или это был ее любимый? Или первая чайка сама была самцом? Это было не суть важно, а вот то, что она не удовлетворилась тем, что наелась сама, а не поленилась слетать за близким существом, поразило их всех.

— Какая умная тварь! — восхитилась Наташа.

А муж потряс обглоданной куриной косточкой:

— Тут не в уме дело...

«Она — умная, — родилось вместе с пробуждением, но подумалось уже не о чайке — о дочери. — Гораздо умнее меня... Но ведь и сейчас не в этом дело... А в чем? Почему она отказывается понять меня? Для нее существует только ее правда... Как и для каждого».

Через окошко под потолком было слышно, как где-то неподалеку звонко пикала невидимая птица. Не чайка, конечно, у тех голоса противные, даром что красавицы... Закрыв глаза согнутой в локте рукой, Наташа почувствовала, как увлажнилась кожа на сгибе. Последняя влага уходила слезами... Нужно было хоть их удержать, а то могло наступить обезвоживание. Но она еще верила, что дочь заперла ее в клетке не для того, чтоб иссушить отчаянием. Необходимо было что-то понять об их отношениях, не отказывать Ане в праве на ее собственную правду, докопаться до которой было непросто, ведь на поверхности Наташа ее не видела. Или у нее ума не хватало понять — в чем эта самая правда...

«Не в уме дело! — напомнила она себе в который раз. — У меня просто не получается любить ее так, как я люблю сына. Безоговорочно. Не разглядывая под лупой... Не морщась от неприятных черточек... И она это чувствует. Почему в Леньке я принимаю все? Даже предательство его прощу, если, конечно, он когда-нибудь захочет иметь со мной дело... А вот дочери не могу забыть даже того, что она — женщина. И того, что Володя надыхаться на нее не мог, а меня с каждым годом замечал все реже. Но как-то мирил нас с ней своей любовью... Его не стало, и все рухнуло... Как же я не просчитала того, что может случиться с нами?!»

Она попыталась вскочить, но голова закружилась, погружая сознание в темное мельтешение. Ее бабушка по отцу, жившая во Владимире, в таких случаях говорила: «Мушки перед глазами».

— Почему я ей не пожаловалась? — пробормотала Наташа, стоя на карачках на своем матрасе. — Ведь она любила меня. Забрала бы у матери... Стыдно было. Мать мне эту обычную дурь внушила, что сама виновата, платица слишком короткие носила, ляжками сверкала... Неужели она и Ане это же выдала? Какое там соперничество, боже ты мой! Бабушка на мне дырки зашивала, причитала, что ребенок совсем брошенный, а я только ревела, как дура, а сказать ей ничего не могла. Язык присыхал... Вот как сейчас...

Когда удалось подняться, Наташа ухватилась за стену и побрела к лестнице. Ступенек было слишком много, ей не верилось, что хватит сил подняться. Почему они так быстро оставили ее? Вроде бы после отпуска напиталась солнцем, должна была дольше продержаться...

— Чем? — с трудом разлепила она губы. — Чем мне держаться? Нет ничего... Злостью? Не хватает...

Кожа на губах стала колючей, хотя Наташа не помнила, чтобы кусала их, как бывало в детстве. Сами высохли и потрескались. Свой рот ей казался искореженной огнем рваной бумагой, которая уже не сможет стать прежней. Наташа потеряла губы рукой и посмотрела, не выступила ли кровь.

Одолев ступеньки, она постучала ладонью в дверь.

— Детка, открой! Хватит уже... Пожалуйста, выпусти меня.

Если Аня была в своей комнате, то можно было и не пытаться докричаться до нее, там всегда музыка... Но почему-то Наташа была уверена, что дочь слышит ее. Сидит на кухне и ждет, когда она сломается и позовет.

«Придет не сразу, — она села возле двери, продолжая постукивать. — Заставит меня позвать ее раза три, не меньше... Откуда знаю? Сама выждала бы... Помучила бы».

— Хочешь пить? — раздалось из-за двери.

— Зачем тебе моя фирма? — спросила Наташа вместо ответа. — Тебя ведь никогда не интересовал мой бизнес.

— Он и сейчас меня не интересуется.

— Зачем же...

— Я продам твой дражайший бизнес!

Наташа ужаснулась:

— Нет!

— Да! Чтобы ты наконец перестала играть как девочка. Ведь стыдно же смотреть, как ты стремишься выглядеть моложе меня... Хохочешь все время, восхищаешься, руками размахиваешь, всем в рот заглядываешь, как будто они действительно что-то умное говорят.

— Так в этом все дело? — Она даже зажмурилась от обиды: остатки жизнерадостности силилась удерживать в себе, а самого близкого человека это только раздражало.

Но Аня выкрикнула:

— Не только это! Много всего. И тебе нужно много времени, чтобы все осмыслить, понимаешь? Может, тогда ты и книгу мою сможешь прочитать.

— Твою? Которую ты написала?

Она чуть не проговорила про Олега, у которого сейчас была рукопись. Вовремя прикусила язык и попыталась сглотнуть, но во рту было сухо. Ей показалось, что дочь даже через дверь может уловить омерзительный запах, который сейчас исходил от матери.

— Ее самую, — откликнулась дочь. — Если прочитаешь, то, может, поймешь, что для меня это дело жизни. А не просто придурь, как ты считаешь.

— Я-то как раз так не считаю... Это ты не признаешь моего дела. Кстати, ты не сможешь продать фирму без моего согласия.

— Но ведь ты согласишься?

— А ты и эти документы уже заготовила? — не поверила Наташа.

Аня едва слышно усмехнулась:

— Не торопи события. Сначала ты должна подписать мое назначение.

— Хочешь сказать, что и после этого ты меня не выпустишь отсюда?! — Она начала вставать, цепляясь за дверь, лихорадочно поглаживая сталь, будто Аня могла почувствовать эти прикосновения. — Детка, прошу тебя...

В голосе дочери ей послышалась радость:

— Тебе страшно? Ты впервые не можешь ничего изменить? Всегда ты одна распоряжалась нашими жизнями — и моей, и папиной, и Ленкиной. А теперь даже твоя ускользает от тебя. И каково это? Ощущение полной беспомощности.

— Ты насладились? — хрипло спросила Наташа, прижавшись губами к замочной скважине. — Ну, считай, что ты победила. Выпусти меня.

— Считай, победила? — по слогам повторила дочь. — Нет. Так не пойдет. Когда ты будешь уверена, что я победила.

— Ладно! Ты победила!

— Не делай мне одолжений! — крикнула Аня прямо в скважину и рассмеялась. — Ты не в том положении сейчас, чтобы снисходить до меня, как ты всегда делала.

Наташа прошептала:

— Ты — настоящее чудовище...

— Ты сама научила меня, как нужно относиться к матери!

— Но она же действительно ненормальная! И ты тоже...

Дочь громко рассмеялась, заставив ее закрыть ладонями уши — таким сатанинским показался этот смех.

— Сначала ты хотела перебить мне колено...

— Так он признался?!

— Теперь ты пытаешься уморить меня жаждой...

— Значит, все то время, пока мы были в Испании, ты знала о том, что я затевала против тебя, — раздумывая, произнесла дочь. — Получается, все это было притворством...

Схватившись обеими ладонями за ручку двери, Наташа в отчаянии принялась трясти ее, выкрикивая:

— Нет, Анечка! Я не притворялась. Я хотела все наладить! Я ведь поняла, почему ты...

— Как ты могла это понять?

— А почему нет? Я тоже творила в жизни глупости.

— Ты считаешь это всего лишь глупостью?

Наташа растерянно промолчала, не понимая, что должна ответить сейчас, чтобы угодить дочери. Пока она подбирала слова, Аня сказала:

— Ты слышала о таком понятии, как шоковая терапия?

— Так ты пытаешься меня вылечить? — Ей все труднее давалось каждое слово. — От чего?

— Я выпущу тебя, когда ты осознаешь свою болезнь, — донеслось снаружи.

— Хотя бы дай попить! — взмолилась Наташа. — Сейчас я ни о чем другом даже думать не могу.

Ей показалось, что за дверью раздался какой-то шелест, и она догадалась, что дочь сворачивает лист с приказом, чтобы снова засунуть его в пенал.

— Я подпишу, — пообещала она прежде, чем Аня опять потребовала этого.

— Отлично! — бодро откликнулась дочь. — Тогда спускайся вниз, я брошу тебе пенал. Только учти: потом ты должна будешь забросить его наверх. Если не добросишь, тебе придется снова подняться по лестнице, а потом опять спуститься. Тогда я кину тебе бутылку с водой.

У Наташи вырвался стон, который ей самой был противен. Она ненавидела свои слабости. Слишком дорого они ей обходились...

— У меня сил нет бороться с тобой! Я даже не буду пытаться вырваться.

— Что-то слишком быстро ты раскисла, — с подозрением заметила дочь. — Я не верю тебе. Ты приtvоряешься.

Наташа вспомнила:

— В твоей книге...

— В моей? Ты ее не читала! Даже не поинтересовалась.

— Я имею в виду «Коллекционера»... Ему ведь там тоже не верилось, что она умирает.

— Ты не умрешь! — вдруг со страхом вскрикнула Аня. — Ты нужна мне живой, понимаешь? Ради чего это все, как ты думаешь?

— Я не знаю, — простонала Наташа. — Я ничего не понимаю в твоих играх... Если я нужна тебе, за чем меня мучить? Мне этого никогда не понять.

Из-за двери донеслось:

— Но ведь кто-то должен дать тебе почувствовать, как мучились из-за тебя другие люди...

— Кто мучился? Кто?!

— Хотя бы я, — отрывисто произнесла Аня. — Мне хотелось твоей любви, разве это так трудно понять? Хотелось, чтобы ты хоть раз посмотрела на меня с нежностью... С гордостью! Как другие матери смотрят. Неужели я была самой дрянной дочерью на свете? За что ты всегда так не любила меня?

Уткнувшись лицом в колени, Наташа покаянно проговорила нараспев:

— Я не умела, детка... Я никогда не умела любить женщин... Я слишком ненавидела свою мать, понимаешь? И себя в придачу...

— За что? — тихо спросила Аня. — Ты стыдилась себя? Или ее?

— Всего, наверное... Она... Она сделала ужасное зло... Но я не могу говорить об этом с тобой...

Помолчав, дочь сказала:

— Ладно. Значит, ты еще не готова для разговора. Я могу и подождать.

— Нет! — взмолилась Наташа. — Выпусти меня отсюда!

— Спустись вниз. Я брошу пенал. Потом ты получишь свою воду. Я даже принесу тебе поесть. Обожаемой тобой здоровой пищи! Но не проси меня выпустить тебя. И, кстати! Не надейся, что появится Вера. Я рассчитала ее сегодня утром.

Дневник в блоге Мантиссы

«Самой не верится в то, что происходит. Яшла в себе силы переломить ход истории! Пусть только нашей с ней истории, но сейчас для меня это важнее, чем судьба абстрактного человечества. Спасти от вырождения одного реального человека, разве это не более гуманно, чем делать пожертвования для африканских детей? Тем более еще не факт, что они их получают. Если в этих благотворительных фондах засели такие же мелкие и потому особо свирепые акулы бизнеса, как моя мать, то большая часть средств наверняка прилипает к их рукам, улажившимся от избытка жадности.

Та девушка Фаулза была идеалисткой, она верила, что можно спасти весь мир, участвуя в митингах протеста и прочей ерунде. И этим она всегда раздражала меня. Я более адекватно воспринимаю этот безнадежный мир. Политика и политики — безнадежны. Нечего и пытаться биться лбом о стену. Но нельзя оставлять попыток воздействовать на душу каждого человека в отдельности... Написать книгу, что может потрясти даже обывателя. Сочинить музыку, способную пробудить от многолетней спячки. Создать полотно «Христос

в пустыне», перед которым плачешь от зримости вселенского одиночества того, кто пытается спасти человечество.

Однажды я специально заманила мать в Третьяковку, чтобы она увидела эту картину. Она *взглянула!* Кивнула с умным видом и прошла дальше. Тогда я и поняла, что душа ее мертва и нужен колоссальной силы разряд, чтобы реанимировать ее. Хотя бы попытаться это сделать.

Что и происходит сейчас... Поразительно, но даже потрясение, которое она, безусловно, пережила, оказавшись у меня в плену, не вызвало в ее душе катарсиса. Ее больше заботило, когда же я дам ей попить и поесть... Она продолжает вести жизнь растения, не способного задуматься над причинами и следствием. А я пытаюсь пробудить в ней человека, который уже начал просыпаться в Испании, потому что там я теребила его, не давала впасть в летаргию. Мне даже стало казаться, что она понимает меня и учится размышлять. И захотелось называть ее мамой...

...Уже четыре дня она сидит под замком. Ее телефон я отключила сразу же, чтобы не сойти с ума от постоянного трезвона. Наведавшись в ее (наше!) агентство, я поставила всех в известность о том, что хозяйке забрался бес в ребро. И по тому, как они переглянулись, поняла, что никто особенно не удивлен. Видимо, об ее интимной жизни простым сотрудникам известно куда больше, чем мне. А тут к тому же настоящий испанец, мачо, практически двойник Антонио Бандераса, каким я обрисовала гипотетического любовника матери. Какая женщина устоит?!

Говорят, они очень щедрые — эти влюбленные испанцы. Правда, живьем не довелось видеть ту сказку, которой они околдовывают своих женщин. Андрей же, который в последние дни ходил за мной по пятам, все-таки не стал испанцем, хоть и прожил там лет десять. Серенады от него я так и не услышала... А хотелось, не буду врать! Это ничего не изменило бы, но какой женщине не мечтается, чтобы мужчина, пусть даже не любимый, сотворил ради нее безумство, глупость чистой воды, но запоминающуюся на года... Осыпал бы розами дорогу к ее дому... Приманил к окну белого голубя с бриллиантом на лапке... Светлячками выложил на газоне слова признания...

Только сейчас, написав последние слова, я вдруг поняла, что моя мать именно этим и занималась всю жизнь: дарила людям те волшебные радости, которых они ждали (но могли и не дожидаться!) от своих возлюбленных. Она придумывала за них новые причуды любви, которых в ее собственной жизни не было, и решительно осуществляла их, потому что всегда была человеком действия. Ее фантазия носит предметный характер, к тому же обладает энергетикой особого рода, которая притягивает деньги. Воображение, способное создать реальные купюры... Мое совсем другой природы. Оно дарит мне только счастье.

Вчера я словно наколдовала себе неожиданную встречу: на пороге нашего дома возник Олег. Даже на то, что он позвонит, я, признаться, не особенно рассчитывала, а он явился сам. По выражению моего лица Олег, конечно, понял, что, как говорит небыизвестный Сергей Зверев: «Звезда в шоке!»

Но мне каким-то чудом удалось собрать то бесформенное, во что я превратилась, рассыпавшись кусками. И даже пригласила его в дом, хотя это было рискованно. Еще до того, как запереть мать, я, конечно, спускалась в подвал и проверяла, что от туда слышно: телевизионные голоса из гостиной... музыку из моей комнаты, из кухни... Хотя больше меня заботило — услышит ли посторонний, если она начнет кричать и биться в дверь?

Поэтому я сразу включила музыку, а Олега увела в свою комнату. Наверное, он не понял, к чему все это, если мы одни в доме, но я рассчитывала на его тактичность и не ошиблась. Он ни о чем не спросил.

— Интересная вещь, — серьезно сказал он, выложив мою рукопись. — Мрачноватая, но мне понравилась. Герой цепляет... Сразу себя вспоминаешь в его возрасте. Пока я ничего не могу обещать, но буду обдумывать, как бы нам выпустить ее в свет. В существующие у нас серии ваш роман не очень вписывается... Но можно что-то придумать...

Потом Олег «половил блох», пройдясь по всей рукописи, а я только кивала как китайский болванчик. Кажется, я заранее была согласна со всеми его замечаниями. Но все же он велел мне на свежую голову все просмотреть и разобраться, что можно принять, а с чем я категорически не согласна.

Когда с разбором было покончено, он вдруг взял мою руку.

— Вы — талантливая девушка. — Его зеленые глаза потеплели. — Я рад, что вы оказали доверие именно мне... Уж не знаю, за какие заслуги.

— Я тоже не знаю, — пролепетала я. — Разве это можно объяснить? Человека просто чувствуешь. У вас не так? Я почувствовала, что вам можно доверять. Нет! Даже не в доверии дело! Главное, чтобы почувствовать себя с человеком на одной волне.

— Вашей мамы нет дома? — вдруг спросил Олег, и я поняла, что он тоже почувствовал ту вибрацию плоти, что заставляет сердце сбиваться с ритма.

Даже воздух в комнате заволновался, а плечо Олега, которого я не случайно коснулась, показалось мне горячим. Мне было страшно заговорить, казалось, что голос больше не подчиняется мне, как и все тело, которое тянулось к этому мужчине, способному поддержать и успокоить.

Но я была вынуждена ответить:

— Она осталась в Испании. Влюбилась там по уши.

— Влюбилась? — спросил он с недоверием.

— Разве она не может влюбиться? Ей всего сорок лет! С небольшим.

Сдвинув брови, он качнул головой:

— Не в этом дело... Мне она показалась женщиной, которая никогда не теряет головы.

— Ну, понимаете, эти испанские красавцы! Они кого угодно способны свести с ума... И потом, вы видели мою маму только мельком, вы же ее совсем не знаете, — напомнила я.

Его быстрый взгляд показался мне встревоженным, но голос прозвучал равнодушно:

— Конечно. Как я могу судить...

Какое-то время смотрел в невидимую мне точку, то ли размышляя о чем-то, то ли вспоминая. Видимо — второе, потому что он вдруг поднялся:

— Знаете, Аня, мне пора на работу, у меня встреча назначена... Сбросите мне электронный вариант рукописи?

— Вы уходите...

Он обернулся. В его взгляде мне почудился вопрос. О чем он пытался спросить меня? Или просто спрашивал разрешения?

Потом перевел взгляд на стеллажи с книгами, прошелся по корешкам и заметил ту, которую я еще не поставила в общий ряд, вернув из подвального плена. Взял ее в руки, погладил переплет.

— Фаулза любите? Он должен нравиться современным женщинам, он ведь такой феминист! Мужчина у него всегда эгоистичное животное, а женщина — источник тепла и света.

— Разве не так? — почему-то спросила я, хотя никогда так не считала.

Положив книгу, Олег опять как-то слишком пристально посмотрел на меня.

— Не всегда, — сказал он и снова отвел взгляд.

Было похоже, будто он пытается и не может во что-то поверить.

— Есть женщины, от которых действительно исходит свет. Но их очень мало. Чаще это всего лишь блеск. И то по большей части отраженный.

— Вы не любите женщин...

Это не было вопросом, но Олег ответил:

— Почему же? Как раз люблю. Страшная это штука — любовь... Правда? Ради нее можно звезду открыть, а можно и топором зарубить... И все оправдать любовью. Чудовищно.

И вдруг, словно решившись на что-то, он шагнул ко мне, уронив папку, и я растворилась в простран-

стве, прижавшись к незнакомому телу, отдав свои губы его жадному рту. Меня даже качнуло — так поплыло в голове. Я потеряла равновесие, но не выпустила его шею, и мы вместе рухнули на мою постель, причем я ударилась головой о стену. Но боль не отрезвила меня, а только возбудила, и я обвила Олега ногами с такой силой, что он хрипло застонал.

Какой идиот придумал одежду?! Если б не эти тряпичные помехи, он уже был бы во мне, чего так требовало все мое нутро, нетерпеливо раскрывшееся навстречу, готовое проглотить его целиком. Но пришлось разжать ноги, чтобы Олег смог освободить путь к радости. Она не заставила себя долго ждать... Я ощутила спазмы наслаждения почти сразу, но это не остановило меня. Тем более в этот момент внезапно вспомнилось, что в одном доме с нами изнывает в заточении мать, которой хотелось жить в свое удовольствие, освободившись от труда быть женой. И вот теперь она лишилась всех удовольствий разом, а мне, по закону сообщающихся сосудов, перетекло то, в чем она купалась годами.

И мысль о ней остро отозвалась в такой глубине, что я вскрикнула. Но в этот момент, отрезвляя, мне вдруг померещился тот сокол, увиденный Аликом и описанный мной, что налетел на голубку, сбил ее, растерзал... Вот только из нас с Олегом еще неизвестно, кто был хищником...»

* * *

Иногда ей начинало казаться, что дочь просто забыла о ней. Проходили целые дни без звука открываемой двери, без очередной корзинки с про-

дуктами, без свежей порции воды. Поэтому Наташа приучилась оставлять восьмую часть бутылки нетронутой, чтобы не повторился кошмар первых двух дней. Голод пугал меньше, ведь запас чипсов казался неисчерпаемым, а она уже перестала привередничать и требовать свежие йогурты и постное мясо.

Угнетало другое: никто ее не искал. Кажется, даже не пытался. Когда ей начинало казаться, что и дочь никогда больше не откроет эту дверь, Наташа начинала истошно кричать, задрав голову, посылая звук в единственное окошко. За ним все чаще шелестели дожди... И виделась себе брошенной собакой, что воет от одиночества, но никого не может дозваться.

Охрипнув от ужаса, который рвался горлом, Наташа падала на матрас и корчилась, то выворачиваясь до боли в суставах, то так же по-собачьи прижимаясь к своему телу. Аня бросила ей пачку влажных салфеток, но все равно не отпускало ощущение, будто от нее пахнет, как от нищих старух в метро, куда Наташа попадала, только когда московские пробки превышали все мыслимые пределы.

Она даже не пыталась бежать — Фаулз убедил ее в никчемности любых попыток. И обмануть дочь Наташа не рассчитывала: когда имеешь дело с маньяком, нечего надеяться на доверчивость. Ее мучила невозможность понять, чего хочет Аня. Помня о том парне с битой, Наташа думала, что дочери необходимо общение с ней, и надеялась найти общий язык, убедить ее прекратить этот кошмар. Но Аня почти не разговаривала с ней, только швыряла подачки...

Еще она приносила новые книги. И Наташа начала читать запоем, решив, что дочь составила какой-то план чтения, осилив который, она сможет выйти на свободу. Как-то ведь Аня обмолвилась, что займется развитием ее души...

Нельзя сказать, что чтение не доставляло удовольствия, ведь когда-то Наташу нельзя было оторвать от книги. И если б ее жизнь, а главное, детство были другими, она уже давным-давно прочла бы эти романы, из которых «Коллекционер» был самым коротким. То и дело Наташу охватывало ощущение, что она возвращается к себе самой восьмилетней, спасающейся «Оводом». Ведь и тогда она была также своей бедой отрезана от остального человечества. И у нее получилось вжиться в ту книгу, сквозь себя пропустить горе юноши и боль старика, спастись ими от своего несчастья.

Сейчас она вспоминала, как это делается, училась заново. И заодно через Сартра, Джойса и Замятина узнавала дочь, ведь Аня подбирала книги по своему вкусу. Только набоковскую «Лолиту» она вернула сразу, отбросила — руки обожгла! — выпалив:

— Я уже читала это!

Дочь не распознала ее отвращения. Подняв книгу, спросила:

— А «Защиту Лужина»?

— Я не люблю Набокова, — упрямо отозвалась Наташа со своей подстилки.

Не смела двинуться, пока дверь была открыта. Аня входила, только убедившись через замочную скважину, что мать на месте.

Прижав к груди том, дочь гневно выкрикнула:

— Да что ты понимаешь! Не любит она... До Набокова тебе еще расти и расти.

— Чтобы понять, как приятно трахать маленьких девочек? — Она почувствовала, как лицо у нее начинает гореть, будто прошлый стыд обжег с новой силой.

Аня всмотрелась, но полумрак подвала не позволил ей разглядеть лица матери. А приблизиться она не решалась. Но возразила с высоты лестницы:

— Чтобы понять, что любовь бывает многоликой. У Гумберта она — такая. И он достаточно настрадался...

— А девочка?

— А что — девочка? Не в ней тут дело! Она только символ...

— Она вовсе не символ, она живая, — глухо перебила Наташа.

Ей хотелось завопить на свою тупую дочь, которая даже не представляет, о чем берется рассуждать с умным видом, в какую мокнущую язву ее души тычет грязной палкой... Но Наташа перевела дыхание и добавила:

— Он искалечил ей и душу, и тело, он сломал ей всю жизнь.

— Глупости! — отрезала Аня. — Ты ничего не понимаешь!

— Где уж мне...

— Лолита всего лишь испорченное американской культурой и ограниченное существо с тонкими лодыжками. А Гумберт — поэт. Которого эти лодыжки вдохновляют...

— Значит, ему позволено лишать ее детства?

Аня поморщилась:

— Какое детство? Ты забыла роман. Это Лолита стала инициатором секса. Она сама во всем виновата.

«Вот это я тогда и боялась услышать, — Наташа зажмурилась и уткнулась в свой матрас. — Что я сама во всем виновата. Слишком хорошенькой была, преступно беленькой... Они всегда говорят, что женщина сама виновата. Даже если этой женщине одиннадцать лет...»

— Уйди, — попросила она, не поднимая головы.

— Что? — не расслышала Аня.

— Уйди. Уйди, пожалуйста.

И после этого разговора, который, наверное, разочаровал Аню, не подозревающую, на какой грязи он замешан, дверь стала открываться все реже. Наташа прислушивалась к каждому звуку и понимала, что никогда никого так не ждала в своей жизни, как сейчас дочь.

«Если бы я так нуждалась в ней раньше, она не сделала бы со мной этого, — думала она, сидя на матрасе в позе Будды, но не погружаясь в нирвану. — Не было бы нужды сажать меня под замок... Почему же она не приходит поговорить, если ей не хватало именно этого? Что-то изменилось... За эти дни, пока я торчу здесь, в ее жизни что-то здорово изменилось! Но она не признается. А скажет ли? А что, если она решит похоронить меня здесь и уедет куда-нибудь на пару месяцев?»

— На меня просто свалилась твоя работа, — сухо пояснила Аня, опуская на ступеньку корзинку с едой. — Уж тебе ли не знать, сколько она отнимает сил...

Наташа поискала зацепку:

— Значит, теперь ты меня понимаешь?

— У меня нет ребенка, который ждет меня дома, — парировала дочь.

— У тебя есть я.

— Хороша та мать, которая не мечтает со временем стать дочерью своей дочери.

Опешив, Наташа хотела как-то оправдаться, что, мол, никогда она... ни за что... даже в мыслях не было... Но убедительные слова почему-то так и не нашлись. Подождав, Аня напомнила:

— У тебя есть все необходимое. Отдыхай. Читай. Наслаждайся!

— Ты смеешься?! — Вот тут она взорвалась. — Я сижу в подвале, вся грязная, уже завшивлю скоро, а ты говоришь: наслаждайся?!

Забрав пустую корзинку, Аня пошевелила пальцами:

— Мне пора. Соседи заказали нам детский праздник. Может, ты услышишь музыку — потанцуй.

— Так ты не продаешь мой бизнес?

Дочь оглянулась в дверях:

— Кому он нужен?

* * *

Уже в ней преобразовалось в «кому ты нужна?» и осело на душу отчаянием. Тихим, безмолвным, даже слез не вызвало. Наташа смотрела вверх, на солнечную прорезь в стене, за которой входило в пору бабье лето, вытесняя августовские дожди, и думала о том, что ей незачем возвращаться туда. Она действительно никому не нужна там, никто не ищет ее, даже не хватился. Потрясающе, как говорит

дочь. Отряд не заметил потери бойца. То ли боец такой, то ли отряд... Если бы она работала врачом или учителем, хотя бы завуч какой-нибудь попытался выяснить, что с ней стряслось. А в бизнесе каждый месяц исчезают люди. Все привыкли.

«Неужели даже Татьяна не забеспокоилась?» — спрашивала себя Наташа и понимала, что, скорее всего, подруга и не вспомнила о ней за эти дни. У Малаховских ведь все хорошо, отдыхают... А у нее самой сын в общагу ушел, выжившая из ума мать каждый день с новыми обидами. Подарков требует, как ненасытное чудовище, но, получив, начинает ворчать, что Татьяна купила это для себя, рассчитывая, что мать скоро помрет.

— Не дари ты ему ничего! — советовала Наташа. — Это баловство против тебя же и оборачивается. Все равно — хуже всех.

Но Татьяну мучило чувство вины, ведь когда-то ее мать была актрисой и ушла из профессии, чтобы ее, слабенькую, поставить на ноги. Чем попрекнула дочь уже сотни тысяч раз...

«Если бы я бросила все дела, стала домохозяйкой, клушей в халате, неужели Аня любила бы меня больше? Больше... Разве она любит меня хоть самую малость? Кто вообще меня любит?!»

Об Олеге она старалась не вспоминать. Он ничем не был ей обязан — ни муж, ни любовник. Подзабытый сон, с которым она сама распрощалась на рассвете. И постаралась вытеснить его испанскими впечатлениями. Ей показалось, что удалось... Лучше бы позвонила ему, как только приземлились в Домодедово. Отбросила бы все свои глупые комплексы и сомнения с душком: «Спал с дочерью или

не спал?» Ее даже сейчас передернуло: мерзко все это...

«Как же много было мерзостей!» — Наташа свернулась клубочком и закрыла глаза. Это подумалось уже не о том, что сотворили с нею, а о том, что сотворила она сама. И первое — кричащее! — Володя. За что предала его? Загнала в ловушку, которую он так и не разглядел, столь чистым оказался его взгляд... Наказала за то, что любил слишком сильно, неправдоподобно верно. За то, что мужиком был со стержнем — призванием своим отказался пожертвовать... Не продался, как все эти вчерашние лирики — сегодняшние мясники.

Разве так уж накладно было ей кормить своего Чингачгука? Так она прозвала его в юности, когда Володя забрался на дерево против окна общежития, в котором Наташа жила, поступив в училище, и повесил с десяток мягких игрушек. Потом она полдня «ловила» их с ветвей удочкой, которую одолжил ей комендант. А соседки умирали от зависти, потому что никто не придумал для них ничего подобного... Тогда Наташе впервые и пришло в голову: «Хорошо бы такие вот чудеса придумывать и людям предлагать. Тем, которые сами не могут ничего оригинального выродить». Получается, и бизнесом своим она тоже Володе обязана...

В нем и вправду было что-то индейское: кожа смуглая, черты лица правильные, будто высеченные, прямые темные волосы свисали до плеч.

— Он всегда был красивым, — прошептала она, давясь слезами. — Может, и талант у него был? Почему ж я сразу поверила тому, что прошептали

за спиной о его бездарности? Только потому, что чего-то новенького захотелось? Анька вон верила, что он — гений. А если — правда? Что, если я, как Попрыгунья чеховская?

Томик Чехова ей тоже подсунула дочь. Наташа еще удивилась его соседству с Фаулзом и Кафкой — такие разные! А сердце охотнее всего отозвалось на прикосновение именно чеховской прозы... Когда в школе читала, эти рассказы казались ей простыми и правильными. Программными. А теперь их скрытая тоска, глубокая музыка затопили душу, устыдиться заставили и себя самой, и своей плоской, поверхностной жизни, которой так гордилась еще месяц назад. Как же: сама себя сделала! Всего добилась своими силами... По трупам прошла — матери, мужа... Что там с сыном?!

— Что с тобой, мальчик мой? — заскулила она тихонько, чтобы дочь не услышала, если вдруг опять припала к замочной скважине. — Как ты там? Я даже не знаю, поступил ли ты в институт... И что выбрал? Что за гордыня во мне такая была, позвонить тебе не давала?! Перед кем нос задирала? Перед мальчиком, роднее которого никого и не было? Может, сейчас он примчался бы разыскивать меня, не поверил бы, что я могла остаться в Испании, не предупредив его. А теперь, конечно, поверит, раз я смогла прожить столько месяцев и ни разу ему не позвонила...

Ей так хотелось увидеть Ленку во сне, что она программировала себя, как учила психолог их агентства: произносить в настоящем времени то, о чем ты только мечтаешь. Как будто это уже сбылось...

— Мне снится Ленька... Я вижу во сне своего сына, — твердила Наташа по тридцать раз, но чуда не происходило.

Сны проскальзывали смутными тенями, не принося никакой радости. Отдохнувшей она себя с утра не чувствовала. Отчего ей было отдыхать? Было лень даже делать упражнения. Наташа попробовала начать заниматься, но ей это быстро осточертело, потому что ни в чем больше не было смысла. Ни она сама, ни ее жизнь никому не были нужны.

— Я тебя умоляю, доченька! — наутро заплакала она, не скрываясь. — Выпусти меня отсюда! Я просто с ума здесь сойду...

Аня возвышалась над ней неприступная, как Фемида:

— Чего тебе не хватает? Общества, что ли? Ты должна научиться находить радость в общении с собой. С книгами. Повзрослей же наконец! Меня ведь ты приучила ко всему этому. Я и писать начала только потому, что всегда была одиноким ребенком.

— Ты не была одиноким ребенком! — Наташа качивалась, мотая головой. — Это я была одиноким ребенком...

— У тебя-то как раз была мать! И такая яркая личность, что позавидовать можно!

— Не завидуй мне! — это вырвалось воем. — Только не завидуй... Не дай бог кому-нибудь такое детство, как у меня...

— И у меня.

— Да что с тобой такого страшного случилось тогда? Шлепнули пару раз? Так никто без этого не вырос. У тебя всегда были и мы с отцом, и брат...

Ты сама запиралась ото всех, разве не помнишь? Мы мешали тебе то читать, то писать.

— От тебя всегда было слишком много шума.

— Наверное, много. И ты правильно делала, что закрывалась! Но твое заточение было добровольным, чувствуешь разницу?

Аня улыбнулась:

— Но ведь ты добровольно не согласилась бы уединиться и подумать.

— Я уже подумала! — Рванувшись к дочери, она оказалась на коленях и молитвенно сложила руки. — Прости меня за все! Я поеду к Володе, к Ленке, и у них вымолю прощения...

От улыбки дочери не осталось и следа. Она быстро спросила:

— Ты хочешь их вернуть?

— А ты? — испугалась Наташа. — Чего ты хочешь?

— Не лебези передо мной! — с отвращением выкрикнула Аня. — Я терпеть этого не могу. Это тебе нравилось, когда перед тобой все ходят на задних лапках. Тебе нужны подчиненные. А отец не хотел приносить тебе в зубах тапочки! Потому что он всегда был личностью. И куда более яркой, чем ты!

Наташа только склонила голову: добивай.

— Ты — мой кошмар, — вдруг тихо сказала Аня. — Меня до сих пор мучают сны, в которых ты кричишь и тащишь меня за волосы...

— Я?! Разве такое... — она вспомнила. — Да ведь это было всего один раз!

— Значит, мне хватило. Не все ведь такие толстокожие, как ты. Как тебя ни ломали в детстве, если тебе верить, ты все равно выпрямилась.

— Так ты мне этого не можешь простить? Зачем же тогда вообще я так нужна тебе? Давай просто разведемся, я сниму тебе квартиру, что хочешь...

— Это невозможно, — ее глаза стали совершенно черными. — Ты для меня какой-то чертов наркотик, неужели не понимаешь?! Мне ни с кем не бывало так хорошо, как с тобой. Ни о ком я столько не думала. И никто не заставлял меня так страдать! Ненавижу тебя! Я не могу без тебя жить...

Пнув корзину с провиантом, Аня вышла, и в подвале опять воцарилась тишина. Только два зеленых яблока, нехотя толкаясь, скатились со ступеньки и замерли на следующей.

«Я должна вымолить у нее прощения. Понять — за что... За все! И научиться смирению, — вдруг открылось Наташе. — Но смириться нужно не рабски — со своим положением. Мне нужно научиться радоваться каждому моменту жизни, вот для чего мне все это! Чтобы я открыла значительность того, что мне даровано в этот миг... Она права, я еще многого не умею. Я не ценю того, что у меня есть сейчас. А ведь она может устроить, что станет еще хуже! Вполне может».

Дневник в блоге Мантиссы

«Вечером он опять появился без звонка, но, на мое счастье, музыку я включила за пять минут до этого. Если б я опять сделала это при нем, то могла бы вызвать, по крайней мере, недоумение, если не подозрение. Что-то в моей голове замкнуло, когда я увидела эти летние глаза так близко, и мое тело стало действовать само по себе. Оно обвилось вокруг

него вьюнком, обманчиво создающим впечатление собственной слабости. Мне же всегда казалось, что это растение не столько нуждается в опоре, сколько сдерживается, чтобы не сжать объятия слишком сильно, не задушить...

Но Олег только поцеловал меня и отстранил.

— Какой напор, однако, — попытался он свести все к шутке. — Мне ведь, девочка моя, не двадцать лет. Я не могу так — с места в карьер! Хоть напои сначала...

Я подхватила наигранно-светским тоном:

— Сок? Минералка? Вода из крана?

— Если фильтрованная, то лучше — последнее. Хотя о чем я... В таком доме разве может быть не фильтрованная?

— Тебе нравится этот дом?

По моей интонации он должен был понять, что я этот мавзолей ненавижу, но Олег, запрокинув голову, раскинул руки, точно собирался взлететь к потолку:

— Здесь столько света! Столько воздуха... И теплого пространства, что так редко встречается в богатых домах...

— Пространство?

— Тепло.

— Мать соорудила голубую гостиную, — сухо заметила я. — Причем из самых пошлых соображений — под цвет своих глаз. Думала, что никто не догадается... Что теплого в этом цвете?

Он уже вошел за мной на кухню.

— Голубые глаза улыбчивых женщин кажутся теплыми...

Это явно было сказано не в мой адрес, не мог же Олег за несколько дней забыть, какого цвета мои глаза. Я обернулась и едва не вскрикнула от ужаса: он смотрел на корзинку с едой, приготовленную для матери. Натянув улыбку, я попыталась подсунуть ему ложку:

— Хотели с подружкой устроить пикник возле дома, но она так и не доехала до меня.

— Понятно, — его взгляд безразлично скользнул к окну. — Дождь весь день...

Меня опять бросило в жар: это ж надо было со- врать так бездарно!

— Здесь недавно начался... Может, это в Москве с утра?

— Может быть...

— Что у тебя за книги? — только заметила я. — Это мне?

Он посмотрел на пакет, топорщившийся углами, и поставил его к стене:

— Извини, конечно. Но это для М. В. Завтра у нее юбилей. Я говорил тебе, помнишь?

Первое, что внезапно откликнулось: «Может, Алик приедет?» Это даже как-то смутило, ведь рядом был человек, которого я собиралась затащить в постель. Почему же в душе так тоскливо заныло об Алике? Я перестала писать о нем, и мне мучительно захотелось его видеть. Что за патологическая необходимость его присутствия в моей жизни? Ведь я придумала его от и до, он — реальный мне почти незнаком... Зачем же он так нужен мне?

— Не помню, — ответила я рассеянно. — Может, ты не мне это говорил?

Олег только пожал плечами:

— Так ты дашь мне воды?

Я схватила узкий стакан, потом остановилась:

— Может, лучше вина? Мы привезли из Испании потрясающее вино!

— Мы? — Он склонил голову набок, напомним домашнего пса, который при случае тоже может показывать зубы.

Тонкое стекло треснуло у меня в руке, и я непроизвольно разжала пальцы. На ладони вырисовались резкие красные стрелы.

— Ты порезалась! — испугался он. — У вас есть лейкопластырь?

— Не знаю... В аптечке?

— А где аптечка?

Лейкопластырь, конечно, нашелся. У моей матери все всегда наготове! всю жизнь ей не на кого было полагаться, и потому она старалась подумать обо всем на свете. Сейчас ее фирма разваливается на глазах, уже несколько договоров было нарушено, потому что без нее ни у кого не получается держать в голове одновременно все. Я даже не попыталась это сделать. Или команду надо в десять раз больше набирать, или выпускать хозяйку из подвала... Несколько дней я еще появлялась в агентстве, но та лихорадка, которая там царила, делала меня больной. И я всерьез велела старшему менеджеру подыскать желающих скупить нас на корню.

Все это пронеслось в мыслях, пока Олег заклеивал мои раны. Ладонь стала картонной, негнущейся. Пустив насмешливые морщинки от уголков глаз, он подул мне на руку. Но не поцеловал, как я ожидала.

Вместо этого он велел мне:

— Садись. Я буду ухаживать за раненой. Где вы держите вино? В подвале?

Он уже сделал шаг к двери, видневшейся из кухни, и мое сердце дернулось, будто натянутое ниточкой. Если бы мать сейчас догадалась закричать или начала колотить по двери кулаками, то Олег мог бы услышать. Я могла надеяться лишь на то, что музыка не позволит расслышать ей мужской голос.

— Нет! — слишком поспешно выкрикнула я. — Оно здесь. В том шкафчике.

— Стиль хай-тек, — рассеянно заметил он, оглядев всю кухню. — Твоя мама — современная женщина?

— Более чем...

— Тебе это не нравится?

— Что может нравиться в нашей действительности?

Губы Олега дернулись книзу.

— Странно слышать это от молодой девушки... Чаше мои ослабленные боями ровесники цепляются за прошлое.

— Я — не одна из поколения. Я нетипична.

Он вздохнул:

— Это я уже понял.

Достав две бутылки, он принялся внимательно изучать этикетки. Но я не могла оставить этот разговор незаконченным.

— И что тебе в этом не нравится?

— Не нравится? Почему же... Никому из нас не хочется прослыть типажом.

— Моей матери хочется! Она не может прожить вне стаи. Ненадолго мне показалось, что я смогу вы-

тащить ее... Приохотить ее к нормальной человеческой жизни...

Он вскинул голову:

— Разве она не выбрала именно ее?

Меня снова накрыла жаркая волна, даже в ушах зашумело. От близости этого человека я настолько теряла самоконтроль, что могла выдать себя в любую секунду. Но я постаралась, чтобы голос прозвучал безучастно:

— Если это можно так назвать...

— Жизнь с любимым мужчиной. Что тебя смущает?

Он наконец выбрал красное сладкое вино «Coto de Hayas», чем немало удивил меня. Мне казалось, что мужчины предпочитают сухие, прохладные вина, которые я и сама любила. А это вино во время дегустации понравилось моей матери...

Сразу вспомнилось, как она поглядывала на красивого сомелье, наполнявшего наши бокалы. И с каждым глотком все откровеннее... Испанское вино горячит кровь. Меня не оставляло ощущение, что мое присутствие раздражает ее, вынужденную держать себя в узде, хотя не терпелось пуститься в страну страсти во весь опор. Наверное, если б не я, она вообще отправилась бы в Египет, на который сейчас мода у одиноких женщин, жаждущих подобия яркой страсти. Испанцы не так продажны, их жизнь куда естественнее для человека, даже несмотря на процветающий там гомосексуализм. Суровый католицизм провоцирует людей нарушать запреты, погружаться в грех с головой.

И мне сейчас хотелось того же... Я отпила всего несколько глотков и уже обнаружила себя у Олега на

коленях. Безумное вино! Мы целовались так долго и остервенело, словно танцевали фламенко, и нас несло неудержимо... А потом снова пили вино и любили друг друга прямо на кухне, практически под боком у матери, которая могла слышать наши стоны и вопли. Мне хотелось очистить нашей страстью весь этот дом, как обжигом стерилизуют разные вещи. И мы, не расцепляя тел, прошлись по нему пожаром, уничтожили следы всех, кто побывал в нем когда-то.

Лишь одна дверь осталась запертой, как в страшной сказке о Синей Бороде. Мы уснули в постели моей матери, и сладкий привкус инцеста остался во рту...

Я ощутила его и проснувшись. Но пробуждение не было столь же сладостным... Олега не оказалось рядом. И в ванной не было света... Шарахаясь от самых страшных догадок, я набросила брошенный на кресле прозрачный халат матери, оказавшийся слишком длинным, и, подобрав полы, как Золушка — босиком, сбежала вниз, стараясь издавать как можно меньше звуков.

Моя комната была пуста. Кухня тоже. Боясь поверить себе, я обернулась к двери в подвал и увидела то, что ошпарило ужасом: тонкую щель, полную света. Прижав большую ладонь к сердцу, которое колотилось, как загнанное, я на цыпочках подошла к спуску в подвал и прислушалась.

— Бедная моя, милая... Что же с тобой сделало это исчадие ада! — Ни разу в голосе Олега я не слышала столько нежности.

— Она — моя дочь, — еле слышно отозвалась мать. — Это я — тот ад, что породил ее...

— Глупости. Пойдем же... Или, хочешь, я тебя отнесу наверх?

Я рванула дверь на себя.

— Как бы не так! — крикнула я в их искаженные лица. — Наверх вам больше не выйти!

И захлопнула дверь. Ключ в замке повернулся легко, как никогда! Этот дом теперь был на моей стороне».

* * *

— Вот черт! — взвыл Олег, когда дверь закрылась.

Но не поверил своим глазам, рванулся вверх по лестнице, начал биться о дверь, напоминая Наташе ее саму недельной... двухнедельной давности? Она давно перестала считать дни. Зарубки делать? Черточки выводить на стене? Какой в этом смысл? Чтобы день рождения не пропустить? Новый год?

Когда Олег разбудил ее, включив в подвале свет, она не сразу поняла, что происходит. Что такое вторглось в ее унылую, но уже привычную действительность? Теперь, очнувшись, она поняла, почему он так причитал над нею, увидев: грязное, серое существо со слипшимися волосами, с потухшим взглядом. Наташа сама чувствовала себя постаревшей лет на десять, изгнанной из жизни пенсионеркой, которой никак не удастся обрести главного — мира в душе. Она пыталась справиться с обидой и отчаянием, не впервой же, когда-то уже прошла через унижение еще большее. Заставляла себя молиться и понимала, что это неправильно — когда через силу. Что такие слова сами должны рождаться в душе и наполнять ее светом, как те маленькие насекомые, что излучают зеленоватое свечение.

«Кажется, они так и называются — светлячки», — вспомнила она. А следом сразу же всплыла картинка: она читает Ленке «Денискины рассказы», как раз ту историю о светящемся жучке, а сын слушает, сидя перед ней на детском стульчике, раскрыв маленький, влажный клювик, который так сладостно теревить пальцем: «Брум-брум!» И название рассказа вспомнилось: «Он живой и светится».

— Он живой... — Она хрипло всхлипнула и сама испугалась этого звука, но от страха заплакала еще горше. — Они все живые... Ленька, Анютка, Володя... А я никого из них не жалела. Ради дома этого ни на море не возила, ни в театры не водила. Все этот дом сжирал... То проект, то стройка... А их детство кончалось! На черта он сдался им, этот дом? Ленька и жить в нем не стал... Володю выжила. Теперь сдохну в этом склепе!

Но когда — точно выпал из другой реальности — вдруг возник Олег, почему-то в одних джинсах и босой, в ней встрепенулась надежда. Словно дверь в этот подвал приоткрылась не чуть-чуть, а распахнулась настежь. А за ней — луга зеленыю, солнечные стога, голубые ручьи. Все яркое, как на детском рисунке или на полотне Ван Гога. Единственного художника, которого Наташа любила так же, как дочь, потому что Винсент тоже дарил людям радость. Учил их находить счастье в простых вещах — в подсолнухах, в трепете куста...

Дверь захлопнулась быстрее, чем Наташа успела сделать к свету хоть один шаг. Молодость дочери оказалась более расторопной, она перекрыла им радость, еще не скатившуюся по ступенькам. Олег

взвыл, как будто дверью ему прищемило хвост: стареющий пес утратил сноровку, проиграл бой даже не щенку — девчонке. Нет чтоб хотя бы ключ заранее вытащить, сунуть в карман... Так нет, был уверен, что утомил Аню до изнеможения и ее здоровый детский сон будет длиться до полудня. Самомнение! Гордыня.

— Открой, сумасшедшая! — заорал он, колотя кулаками в дверь. — Анечка, выпусти меня!

Оглянулся на женщину, съжившуюся на матрасе.

— Нас выпусти... Ты хоть знаешь, во что ты превратила свою мать?

— Во что? — спросила Наташа. — Я похожа на бомжиху?

— Ты похожа на смерть, — сердито отозвался он. — Аня, открой дверь! Думаешь, я останусь тут? И буду смиренно ждать, когда ты принесешь мне пайку? Нет уж! Я найду способ выбраться, можешь не сомневаться! И тогда тебе мало не покажется...

В голосе из-за двери прозвучал злой задор:

— Так ты — настоящий боец, да? Что ж ты над чужими рукописями жизнь проводишь? И даже не в своем собственном издательстве... Что ты такого совершил в жизни, боец, чтобы я тебя боялась?

— А ты? — с него сошел гнев. — Заточить мать в подвале — это большее, на что ты способна?

— Я написала книгу! — выкрикнула она.

Подавшись вперед, Наташа махнула рукой, сделав запрещающий жест: «Только не говори, что это плохая книга! Этого в жизни не простит!»

И Олег понял ее судорожную пантомиму.

— Хорошую книгу написала, — подтвердил он. — Неужели остановишься на этом?

Зависшая тишина показалась Наташе вопросительной. И дочь действительно спросила следом:

— Почему я должна остановиться?

— Потому что Бог не даст тебе вдохновения, пока ты держишь человека в плену.

— Чушь! — отрезала Аня.

Но Наташе подумалось, что ему удалось поколебать ее уверенность. А Олег все не успокаивался:

— Сама себя ты накажешь страшнее, чем свою мать. Конечно, она виновата перед тобой. Мы все в чем-то виноваты перед своими детьми...

— Только не читай проповедей! — оборвала его Аня. — Ты сам далеко не праведник, чтобы учить меня... Это смешно: сидит под замком и еще страшит!

«Почему она с ним на «ты»? — Наташа потеряла виски, чтобы лучше соображать, но это не особенно помогло. — Он с ней спал... Этой ночью. Здесь. Конечно, иначе откуда бы ему взяться тут с утра в одних джинсах? Я совсем отупела от одиночества... А еще говорят, что оно развивает!»

— Я не страшая, — отозвался Олег. — Хотя ты права: все это смешно. И то, чем я занимаюсь, и то, что ты делаешь... Вернее, это было бы смешно, когда бы не было так страшно!

— Тебе страшно?

— Да... Всегда страшновато иметь дело с чудовищем...

— Это она — чудовище! — взвилась Аня. — Оглянись! Думаешь, кто был моим учителем? Она ведь тоже свою мать посадила под замок. Только нашей бабушке еще хуже: она там не одна! Она в сумасшедшем доме. Уж лучше в подвале сидеть.

Не оглянувшись, хотя было искушение взглянуть Наташе в глаза, Олег негромко спросил:

— Но обязательно сидеть?

— Для ее же пользы.

Наташа шевельнулась:

— Да-да, она объясняла мне... Чтобы я смогла поразмышлять, почитать...

Вскинув руку, Олег оборвал ее:

— Помолчи хоть ты! Сумасшедшая семья... Действительно, сумасшедшая! Вас всех надо к бабушке отправить... Эта тоже, — процедил он сквозь зубы, взглянув на Наташу, — ее заморили тут, как куренка, а она еще и оправдания этому находит!

За дверью раздался смех:

— Наверное, она все же поумнела за это время!

Он с размаху ударил по двери:

— Ну, хватит! Открывай.

— А ты согласен выйти один? — поинтересовалась Аня. — А ее мы снова закроем. Против тебя я ничего не замышляла! Ты сам туда зашел...

Она фыркнула, услышав похожесть фразы с классической.

— Так что? Выйдешь один? Почему бы нет? Ты ведь ее совсем не знаешь! А, Олег? Или моя мать все же что-то значит для тебя? Почему ты называл ее «милой»? И собирался нести на руках? А?!

Теперь удар был слышен с внешней стороны двери.

— Признавайся, ты занимался со мной любовью только ради того, чтоб отыскать ее? Ты не поверил, что она осталась в Испании? Ты все мне врал! Одна ложь кругом!

— Ты — умная девочка, — вздохнул он. — Мне и добавить нечего к тому, что ты уже сказала. И ты ведь тоже врала мне, так что...

Минуты погружались в тишину одна за другой. Наташе начало казаться, что больше никто не проронит ни слова, потому что уже было сказано больше того, что можно вынести.

— Я уйду, — вдруг сказала Аня. — Я хотела привезти сюда бабушку, чтобы она хоть перед смертью насладились жизнью... Но я сама не могу тут больше оставаться. Мне тут воздуха не хватает, так все прогнило! Я уеду к чертовой матери! А вы подышайте там вместе! Вы оба посулили мне любовь и обманули. Нужно было мне выбрать другого человека тем вечером...

— Каким вечером? — негромко спросил Олег.

Он уже прижался к двери всем телом, как будто надеялся просочиться в щель, но пока медлил.

— Ты не знаешь... Это не с тобой связано.

Оглянувшись на Наташу, он спросил движением головы: «О каком человеке идет речь?» Она пожала плечами.

— Та цыганка, — снова заговорила Аня, и в голосе ее послышалась безнадежность, — она не только наши деньги украла... Она и счастье украла. Прокляла нас за то, что ты не отдала ей все добровольно. Надо было отдать. Но ты же всегда так держалась за свои чертовы деньги!

Олег поманил рукой: иди сюда! Потом бесшумно сбежал по лестнице и помог Наташе подняться. Она чувствовала себя совершенно изнуренной и не могла

понять — почему? Дочь не морила ее голодом, Наташа отдыхала целыми днями...

«Наверное, как раз поэтому, — равнодушно подумала она. — Трудоголику отдых — хуже каторги!»

— Хочешь, я отдам все остальное? — спросила она, привалившись к двери. — Кому? Сиротам? Старикам?

Внезапно Олег захохотал, перегнувшись пополам, и едва не слетел со ступенек. С трудом вывернувшись и удержавшись, он простонал, обращаясь к двери:

— Так ты — марксистка? Большевичка? Впервые встречаю наследника, который требует от предка раздать капиталы бедным... Абсурд какой-то! Бабы, вы в своем уме? Если всех тошнит от этого роскошного дома, я вполне могу его забрать.

— Ничего тебе не достанется, — огрызнулась Аня. Наташа усмехнулась:

— Думаешь, мне слабо отдать? Знаешь, мне уже на все наплевать, если честно...

— Потрясающе! Ей представилось время осмыслить свое существование, а она сдулась за какие-то десять дней!

— Прошло всего десять дней? — не поверила Наташа.

Присев на верхнюю ступеньку, Олег пробормотал:

— Десять дней, которые потрясли мир...

— Наш мир, — добавила Аня. — Ладно, мне пора. Счастливо оставаться!

Он вскочил:

— Ты куда? Открой дверь!

— Так ты готов оставить ее там?

— Чего ты вообще добиваешься? — вскипел Олег. — От матери своей ты чего хочешь?

— Уже ничего, — отозвалась она равнодушно. — Я надеялась пробудить ее душу, ее интеллект. Мне казалось, что она вцепится в книги, на которые у нее все не было времени, наполнится хотя бы чужой мудростью, если своей не хватает. Но этого не произошло. Наивно было и надеяться...

Наташа провела по двери ладонью:

— Детка, ты даже не разговаривала со мной... Откуда ты знаешь, какой я стала теперь?

— Ты не можешь измениться, — отрезала Аня. — Потому что ты — человек своего времени. А время наше — насквозь лживо! Ты можешь только притвориться...

Дневник в блоге Мантиссы

«Прихватив привезенные Олегом книги, я направилась к дому М. В. Наверное, мне предстояло быть не первой, кто поздравит ее с юбилеем, но и не в числе последних, ведь еще было утро. Себя я не пыталась обмануть: мне нужно было попасть в ее дом, чтобы проверить, приехал ли Алик.

Этот слабый и никчемный, в общем-то, человек за тот год, что я прожила с ним в мыслях, стал для меня так понятен и близок, что возникла уверенность, что и он — единственный, кто сможет понять меня до конца. Что мне даже объяснять ему не придется, почему я посадила под замок свою мать... Более того! Я надеялась услышать, что он точно так же

обошелся бы со своим отцом-полковником, если б у него хватило на это решимости.

И в своей слабости он не побоялся бы мне признаться, ведь сильной женщине и нужен не уверенный в себе мужчина. Счастье человека в возможности обмениваться энергией, любовью, мыслями с тем единственным, кому они необходимы и интересны. Поэтому сильный ищет слабого, разговорчивый — молчуна, холерик — флегматика...

Моя мать не понимала этого, пока отец был с ней рядом. Он делился с ней аурой своего таланта, она добавляла ему жизнерадостности... Их можно было бы назвать идеальной парой, если б не ее жадность. Необходимость отдавать часть честно заработанного тому, кто не принес мамонта, подавляла ее. Ей хотелось сожрать свою икру в одиночку. Ну, может, нам с братом по ложке выделить... А теперь уже ничего нельзя поделать. Она сама заперла себя в своей опостылевшей клетке, где даже икра не лезет в горло...

Возле дома М.В. никого не было, хотя я опасалась, что родственники уже наводнили весь двор. С мокрых берез у ограды срывались крупные слезы... Я поймала одну в ладонь и уставилась на грязный лейкопластырь. Завтракая под вопли из подвала, я измазалась клубникой и забыла об этом, а сейчас мне показалось, что рука моя в крови. Как я не вскрикнула, увидев эти ржавые пятна? М.В. вполне могла уже заметить меня из окна, и как бы я потом стала объяснять свой неврастенический припадок?

Дом оказался заперт. И на звонок никто не отозвался. Немного постояв у двери, я растерянно по-

дергала ручку, потом, оставив книги под козырьком, обошла все кругом, заглядывая в окна. Яблоневый сад настороженно затих, ощутив мое присутствие. Мне казалось, что с каждым шагом я погружаюсь в какую-то фантазмагорию... Что здесь, в этом доме, каким-то чудовищным образом произошло то же самое, что творилось сейчас в моем. Только с противоположным знаком. Ведь М.В. не была ни плохой матерью, ни хищницей, сожравшей свою семью, но кто-то запер ее в недрах старого дома с мезонином. Алик, которому она не дала денег, чтобы отыгаться? Или его отец, напротив, отомстивший за то, что бабушка помогла внуку?

— Кого вы ищете? — неожиданно донесся голос из-за забора.

Я оглянулась. Полуслепая соседка в очках с толстыми линзами пыталась разглядеть меня, высываясь поверх острых плашек. Чтобы не мучить ее, я подошла поближе и объяснила, зачем явилась.

— Ах да, — вздохнула соседка, — юбилей. Только М.В. сегодня не будет.

— Что с ней? Она в больнице?

— Нет, слава богу! Держится... Она, деточка, в Петербург уехала. Дня два как... Большое горе, знаете ли... Внука хоронить поехала.

— Алика?! — Что-то лопнуло у меня в голове, и на мгновение я перестала видеть.

Сразу потерявшись в пространстве, я села на мокрую траву. Но не сразу почувствовала холод. Пальцы драли мне волосы, а я не понимала, что могу управлять ими и прекратить это... Я дописала роман, и Алик умер. Я высосала его жизнь... Олег

был прав: я — исчадие ада. И оттого, что я попыталась избавиться от ада, никому не стало лучше. Потому что это уже во мне, и оно не уйдет из меня, ведь перелить не в кого... Единственный человек, который за последнее время был честен со мною, ушел. Я задохнусь от этой фальши, меня окружающей...

— Да что это с вами? — всполошилась соседка. — Вам плохо? Вы Алика знаете, что ли? Так он жив! Жив! Это старший брат его погиб, на машине разбился. Такое горе...

— Жив? — Невозможно было осознать этого, ведь я уже потеряла его.

Сперва встав на колени, я с трудом поднялась и сосредоточилась на расплывающемся лице.

— Алик жив? Господи... А у вас нет его адреса?

— Ну, как же! М.В. мне оставила. Просила почту пересылать, если что важное придет. И денег на конверты оставила. Она же там пожить с месяцок собирается. А переписку она большую ведет, у нее приятели по всей России! Такой интересный она человек...

Заставив себя терпеливо выслушать все это, я вежливо поинтересовалась: не может ли она прямо сейчас, не теряя времени, дать мне этот дурацкий адрес?!

— И книги! — вспомнила я. — Тут я книги М.В. в подарок принесла. Не тащить же их в Питер? Можно я у вас оставлю?

— Так вы к ним поедете? — обрадовалась она. — Я вам тогда открыточки с собой дам, которые М.В. прислали. Поздравительные. Не все же знают о том, что случилось, понятное дело.

Я уже переминалась, как застоявшийся жеребец.
— Лучше отдайте их, когда она вернется. Сейчас они там не к месту будут.

Старушка всплеснула руками и посмотрела на меня с уважением:

— Вот вы умница какая! А я-то дура недодумалась. Конечно, не к месту. На похоронах-то... Сразу видно хорошо воспитанную девушку! Маме вашей благодарность...

— Передам. Непременно. — Я едва удержалась от книксена.

Пока она искала блокнот с адресом, я смотрела на зрелые яблоки, которые без хозяйки некому сорвать, на желтеющие дубы за домом и пыталась понять: слишком ли по-идиотски буду выглядеть, когда внезапно возникну перед Аликом через пятнадцать месяцев после нашей случайной встречи? Да узнает ли он меня? Но я была убеждена, что это все уже не имеет никакого значения, потому что чувствовала в нем единственного человека, способного разделить мою жизнь.

Наклонившись, я подняла влажный гладкий желудь и зачем-то сунула его в карман джинсовки. Кому я собиралась преподнести его? Алику? М.В.? Я как-то плоховато соображала в тот день. Но все же догадалась позвонить брату перед тем, как сесть за руль и выключить телефон, чтобы никто не отвлекал меня на трассе.

— Ленька, тебе нужно срочно приехать. Это очень серьезно, только я сказать тебе не могу. Язык не поворачивается... Но ты сам все поймешь, когда приедешь. Срочно! Ключ от подвала на столе в кухне. Слышишь? Открой подвал.

Он что-то кричал, пытаюсь выяснить, что случилось, но я не слушала.

— Братка, — сказала я тихо, и он сразу же замолчал. — Я люблю тебя. Ты это знаешь? Ты — настоящий мужик. Теперь тебе доведется стать еще и настоящим рыцарем... Она будет счастлива...

Наверное, он так ничего и не понял. И после я не узнавала: приехал ли он? Открыл ли подвал? Если нет...

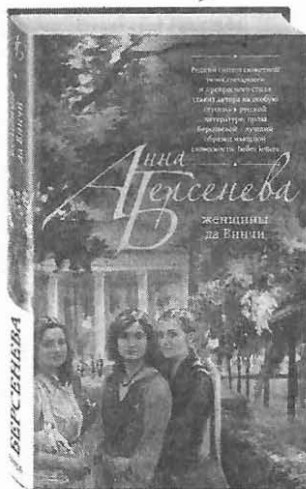
Но я уверена, что он это сделал. И что лучшего подарка я не могла преподнести матери... Я заточила, он спас. И тем искупил все обиды, которые причинил. Примчался на белом коне и вызволил тоскующую королеву-мать. Ее любимый ребенок. Единственный, кто ей нужен...»

2008 г.

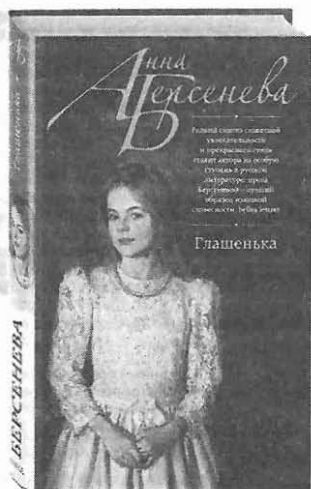
Русский характер

Романы

Анны Александровны Берсенева

Редкий синтез сюжетной увлекательности и прекрасного стиля ставит автора на особую ступень в русской литературе: проза Берсенева – лучший образец изящной словесности, belles lettres

v

 204 руб. = цена
коп.

Юлия Лавряшина – автор почти сорока книг прозы для взрослых и детей, ряда пьес, киносценариев, сборника стихов. Юлия – лауреат Международной детской литературной премии В.П. Крапивина, а роман «Фальшь истины» в 2006 г. был номинирован на премию «Русский Букер». Отличительными чертами ее прозы являются напряженный сюжет и психологическая глубина.

Когда дверь подвала захлопнулась за спиной Наташи, она еще не могла поверить в реальность происходящего. Ее заперли, возможно, обрекли на смерть. И это сделала ее собственная дочь. Мать и дочь... Две женщины, разделенные стеной непонимания, две женщины, между которыми встала любовь к одному и тому же мужчине. Самое страшное и беспощадное соперничество – это соперничество между родными по крови людьми.

ISBN 978-5-04-089637-0

9 785040 896370 >